

Б 378(кгу)

Б 378(кгу)

ШУЛГ

2690

ИСТОРІЯ

УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

СОЧИНЕНІЕ

ВИТАЛІЯ ШУЛЬГИНА.

Ординарнаго профессора университета Св. Владиміра.

311984
58

05

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Рюмина и Комп. Торговая, 17.

1860.

[Handwritten scribbles and markings]

K

[Handwritten scribbles]

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 6 Февраля 1860 года.

Цензоръ А. Ярославцевъ.

ЧТО
УМУ
НО

5
4

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ СЪ КОНЦУ XVIII ВѢКА ДО ОТКРЫТІЯ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ КІЕВѢ.

До второй половины XVIII вѣка, народное обученіе и воспитаніе въ западно-русскихъ губерніяхъ находилось въ рукахъ духовенства, по преимуществу римско-католическаго. Центральными высшими учебными заведениями въ краѣ были Кіевская духовная академія и академія Виленская. — Первая изъ нихъ, хотя и была основана преимущественно для духовныхъ и, вѣрная своему назначенію, дѣйствительно воспитала для Церкви многихъ достойныхъ поборниковъ православія и учителей народа, тѣмъ не менѣе имѣла, сверхъ того, значительное вліяніе на распространеніе знаній въ народѣ. — Къ сожалѣнію, она не могла дѣйствовать вполне свободно, потому что дѣйствія ея стѣснялись политическими и общественными отношеніями края, находившагося подъ вліяніемъ Польши и іезуитовъ. — Гораздо болѣе свободы и средствъ дѣйствовать на народное образованіе имѣла академія Виленская, получившая значенія и организацію университета. — Іезуиты, захвативъ въ свои руки эту академію, захватили и всю монополію обученія и воспитанія въ краѣ: ни театинцы, ни базилиане, ни піаристы, заводившіе также школы на Литвѣ и Волыни, не могли соперничать съ іезуитами: владѣя обширными капиталами, пользуясь огромнымъ довѣріемъ въ обществѣ и у правительства, іезуиты парализировали дѣйствія всѣхъ другихъ орденовъ и даже Краковской

академіи. Преслѣдуя постоянно свою цѣль—оградить Польшу отъ всѣхъ новыхъ умственныхъ движеній Запада и подавить распространеніе въ ней всѣхъ не католическихъ ученій, — іезуиты отняли у академіи характеръ ученаго и учебнаго заведенія и дали просвѣщенію направленіе одностороннее, и враждебное всякому самостоятельному прогрессу. — Въ академіи Виленской процвѣтало одно богословіе, приспособленное по духу и направленію къ главной цѣли ордена, — философія не пошла далѣе средневѣковой схоластики, изученіе древнихъ и новыхъ литературъ и языкознаній были въ совершенномъ упадкѣ. Изъ проспектовъ и учебниковъ, изданныхъ академіею для подчиненныхъ ей училищъ, видно, что въ XVIII вѣкѣ они не могли проявить никакой жизни кромѣ той, которую всего лучше можно характеризовать словомъ *школярство*. — Зажиточные воспитанники іезуитовъ засыпали въ умственномъ бездѣйствіи, добившись званія ритора или философа — конечной цѣли своихъ стремленій; — а большинство недостаточныхъ охлаждалось мертвящимъ буквоѣднымъ способомъ обученія. А между тѣмъ академія владѣла огромными средствами и несправедливо было бы сказать, что іезуиты оставляли ихъ безъ употребленія: огромныя академическія зданія въ городѣ и за городомъ, построенныя со всѣми удобствами и роскошью для жизни, — вотъ единственные памятники управленія іезуитовъ академіею. Къ нимъ нужно присоединить многочисленныя гробницы, которыя покрыты надписями, столь же нѣмыми и мертвыми, какъ прахъ, который подъ ними лежитъ, какъ образованіе, сообщаемое іезуитами.

Первыя попытки противодѣйствовать влиянію іезуитовъ и вырвать у нихъ монополію народнаго образованія сдѣлалъ піаристъ *Станиславъ Конарскій*, который преобразовалъ въ 1740 году орденъ піаристовъ, поставилъ главной цѣлью его воспитаніе и обученіе юношества, и переимѣнилъ самое направленіе обученія, выдвинувъ на первый планъ науки историческія и политическія. Іезуиты, по обыкновенію, рѣшились бить соперника его же оружіемъ. Конарскій и піары стали заводить, кромѣ публичныхъ школъ, конвикты или закрытыя воспитательно-учебныя заведенія для дѣтей

изъ аристократическихъ фамилій, — іезуиты пошли по слѣдамъ его: иначе они упустили бы изъ рукъ воспитаніе тѣхъ людей, которыми особенно дорожили и которымъ обязаны были своимъ значеніемъ въ обществѣ. Но только что начали іезуиты реформу своихъ школъ, какъ 23 іюля 1773 года появилась знаменитая булла Ганганелли «*Dominus ac redemptor noster.*» Орденъ былъ уничтоженъ: воспитаніе должно было перейти въ другія руки.

Уничтоженіе ордена совпало съ началомъ уничтоженія самобытности Рѣчи Посполитой. Въ самую смутную эпоху своей жизни, въ послѣднія 20 лѣтъ своего независимаго политическаго существованія, Польша сдѣлала неимовѣрныя усилія къ искорененію тѣхъ золъ, отъ которыхъ умирала. Никогда, быть можетъ, реформы, предпріятыя и правительствомъ, и частными лицами, не были такъ обширны, какъ въ періодъ времени, отъ перваго до послѣдняго раздѣла Польши (1773—1795 г.). Реформы эти коснулись и народнаго образованія. Государственный сеймъ 1775 года постановилъ обратить все іезуитскія имѣнія на пользу народнаго воспитанія и образованія и учредилъ по этому предмету три коммисіи: К. *Rozdawnicza*, К. *Sądowa* и К. *Edukacyi Narodowej*, которыя въ слѣдующемъ 1776 г. соединены были въ одну *эдукаціонную коммисію*. Эдукаціонная коммисія умѣла воспользоваться огромнымъ іезуитскимъ капиталомъ, и, увеличивъ въ короткое время доходы съ порученныхъ ей имѣній *), приняла самыя дѣятельныя мѣры къ установленію и распространенію образованія. Все училища раздѣлены были на 10 округовъ (*wydziały*)—шесть въ Польшѣ и четыре въ Литвѣ. Краковская академія была преобразована ученымъ ректоромъ ея *Колонтаемъ*, сообразно съ потребностями времени, посредствомъ уничтоженія средневѣковой схоластической организаціи и методы преподаванія. Виленская академія, находившаяся подъ мертвящимъ одностороннимъ вліяніемъ іезуитовъ, начала оживать при содѣйствіи канцлера В. К. Литовскаго *Хребтовича* и своего ректора, ученаго

*) Въ 1783 году доходы съ іезуитскихъ имѣній = 1,311,875 злотыхъ 27 грошей. Въ 1793 г. = 1,536,584 зл. 11 гр. Сверхъ того недоимки ея въ этомъ году простирались до 2,946,826 злот.

астронома *Почобута* (Poczobuta). Мартинъ Почобутьъ приобрѣлъ для академіи нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ за-границею и заботился особенно о усовершенствованіи въ ней наукъ естественныхъ, медицинскихъ и математическихъ. Академія раздѣлена была на два факультета: на коллегіумъ нравственныхъ наукъ (философія, богословіе и право) и коллегіумъ наукъ физическихъ (математика, чистая и прикладная, естественныя науки, медицина). Послѣдній былъ вновь преобразованъ изъ основанной въ Гродно, трудами государственнаго казначея *Тизенгауза* — школы естественныхъ и медицинскихъ наукъ: обсерваторія была устроена подъ руководствомъ Почобута, бібліотека значительно приумножена. При обѣихъ академіяхъ, Виленской и Краковской, основаны были учительскія семинаріи. Въ трудахъ своихъ, касательно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, едукационная комиссія особенно пользовалась содѣйствіемъ ученыхъ пiаристовъ и продолжала реформы предпринятыя Конарскимъ. Основанная имъ коллегія пiаровъ была образцемъ, по которому учреждались новыя и преобразовались старыя учебныя заведенія. Вообще относительно предметовъ, направленія и духа преподаванія едукационная комиссія дѣйствовала подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ тогда на Западѣ, но главнымъ образомъ руководилась потребностями тогдашней Польши. Это была эпоха, когда, отрицаясь отъ прошлыхъ неурядицъ, Польша начала радикальныя политическія реформы. Сообразно этому, все народное образованіе комиссія едукационная направила къ тому, чтобы приготовить въ новомъ поколѣніи образованныхъ гражданъ, и посему въ планѣ преподаванія за основные предметы приняты — исторія, нравственная философія, право государственное, начала политической экономіи и латинскій языкъ; впрочемъ и науки точныя не были оставлены безъ вниманія. Для сочиненія учебныхъ руководствъ составлено было особенное *элементарное общество*, которое разсматривало, одобряло и издавало учебники, составленные по его порученію пiаристами, а иногда и заграничными учеными. Такъ напр. Кондильянь составилъ логику, а Люлье (Lullier) руководство по математикѣ для польскихъ школъ. Не упустила

коммиссія изъ виду и воспитателей женскаго пола, подчинивъ женскія школы и пансіоны (большію частію находившіяся у монахинь, бенедиктинокъ, визитокъ, сакраментокъ и маріавитокъ) непосредственному надзору окружныхъ ректоровъ, а потомъ особенныхъ эфоровъ (eforotów), и стараясь, вмѣсто прежняго поверхностнаго свѣтскаго направленія, дать имъ направленіе болѣе солидное, къ домашней жизни приспособленное. Вообще эдукаціонной коммиссіи предстоялъ огромный трудъ: надо было заботиться и объ наставникахъ, и объ воспитанникахъ, надо было внушить старымъ воспитателямъ и обществу, что древность извѣстной методы обученія и воспитанія не есть ручательство за ея пользу и справедливость, надо было искоренить въ молодомъ поколѣніи много ложныхъ и вредныхъ правилъ, вкоренившихся въ старое въ эпоху беззурядицы общественной; — надо было бороться съ предубѣжденіемъ общества въ пользу іезуитовъ, уцѣлѣвшихъ на Бѣлоруссіи, съ самими эксъ-іезуитами, которые захватили въ свои руки домашнее воспитаніе такъ, что въ публичныя школы родители перестали посылать дѣтей своихъ. Коммиссія работала усердно и совершила много, не смотря на нѣкоторые недостатки принятой ею системы обученія. Существеннѣйшіе изъ этихъ недостатковъ состояли въ смѣшеніи факультетскихъ спеціальныхъ предметовъ съ предметами общаго образованія, обремененіи учителей преподаваніемъ многихъ предметовъ и исключеніи языка греческаго изъ круга обученія. Въ одной Вольнской губерніи было, въ 1790—1793 годахъ, 9 среднихъ учебныхъ заведеній и въ нихъ до 3,000 учащихся; доходъ съ поіезуитскихъ имѣній въ этой губерніи равнялся 255,238 злот. 25 гр. Изъ девяти упомянутыхъ школъ, три непосредственно зависѣли отъ Виленской академіи (Житомирская, Кременецкая и Луцкая), три были базилианскія (Овручская, Острожская и Владимірская), двумя заведывали піары (Мендзынречскою и Дембровицкою) и одна (въ Ольскахъ) была подъ вѣдѣніемъ блага духовенства. Въ трехъ же нынѣшнихъ губерніяхъ учащихся было, по донесенію визитатора Головничя, въ 1787 г. болѣе 5,000. Школъ приходскихъ (parafialnych) было всего 5, а женскихъ только 2. Недостатокъ заведеній для образованія

массъ, эдукационная комиссія старалась вознаграждать установленіемъ очередныхъ миссій изъ духовенства, въ особенности изъ базилиановъ, которыхъ проповѣди, само-собою разумѣется, направлены были къ поддержанію западной церкви и польскаго правительства. Въ губерніяхъ, находившихся уже подъ властію русскаго правительства, образующихъ нынѣ Кіевскую, Черниговскую и Полтавскую, къ концу XVIII вѣка предприняты были также нѣкоторыя мѣры къ установленію народнаго образованія. Кіевская духовная академія, въ теченіи всего своего существованія, воспитывала дѣтей всѣхъ классовъ отъ дворянскаго до земледѣльческаго, особенно изъ малороссійскихъ губерній, снабжала своими воспитанниками великорусскія учебныя заведенія и дала отечеству многихъ замѣчательныхъ дѣятелей во всѣхъ родахъ службы государственной, въ томъ числѣ перваго министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго. Въ 1790 году въ ней было 950 учениковъ, изъ коихъ только 426 священно и церковнослужительскихъ дѣтей. Не смотря на это, она не могла вознаграждать недостатокъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, безъ уклоненія отъ прямой своей цѣли — быть училищемъ чисто духовнымъ. Свѣтское образованіе въ Кіевской губерніи по прежнему находилось въ школахъ, заведенныхъ подъ вліяніемъ католическаго духовенства. Черниговъ почитался, по средствамъ къ образованію, первымъ городомъ послѣ Кіева въ Малороссіи. Но и тутъ, до 1789 г., находились одни духовныя учебныя заведенія. Въ самомъ Черниговѣ были заведены: семинарія, латинская школа, организованная по образцу своей метрополіи — Кіевской академіи, и семь училищъ при церквахъ *). Въ 1786 году предполагалось устроить въ Черниговѣ университетъ, проэктъ котораго былъ составленъ Тепловымъ, но это предположеніе не состоялось. Въ нынѣшней Полтавской губерніи также

---

*) См. «Опись городу Чернигову 1765 г., учиненная для комиссії сочиненія въ полку Черниговскомъ генеральной ревизіи.» Черн. Губ. Вѣд. 1852, № 45, стр. 506. Здѣсь упоминается даже о двухъ латинскихъ школахъ: одна (при каедральномъ монастырѣ) названа школою «училищною латинскаго діалекта», а другая (по Кіевской улицѣ за городомъ) «домъ, въ которомъ живутъ обучающіеся латинскому языку».

свѣтскихъ учебныхъ заведеній никакихъ не было; изъ духовныхъ же существовали семинаріи въ Переяславлѣ (съ 1738), и такъ называемая Екатеринославская, въ самой Полтавѣ (съ 1779), переведенная впрочемъ въ 1797 г. въ Новомиргородъ *). Каково было тогда состояніе духовныхъ училищъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ инструкціи, данной комиссіи о церковныхъ штатахъ 29 ноября 1762 г.: «По сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе, обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравственныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣсть, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцевъ и матерей больше неволею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ **).»

Черезъ два года послѣ этого, 22 марта 1764 года, поданъ былъ императрицѣ извѣстный докладъ Бецкаго «о воспитаніи юношества обоюгаго пола», насквозь проникнутый филантропическими идеями тогдашней западной Европы. Императрица и

---

*) Ист. Рос. Іер., I, стр. 449.

**) Леф., Ист. царст. Екатерины II, пр. 31. Впрочемъ и потребность образованія въ Малороссіи мало была сознаваема даже въ высшихъ классахъ: «по большей части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ (говоритъ Тепловъ въ своей запискѣ о малорусскихъ непорядкахъ): научивъ ихъ читать и писать по-русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславъ или Черниговъ для обученія латинскаго языка, котораго не успѣютъ только нѣсколько обучить, снѣшатъ возвратитъ и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по долговременномъ обращеніи, пропеваютъ они въ сотники.» Такой недостатокъ образованія почитаетъ Тепловъ причиною того, что «ябеда у нихъ въ кредитѣ и почтеніи.» См. Кулиша: Зап. о Южн. Руси, II.

Бецкій задумали, какъ вѣрное средство для народнаго просвѣщенія, «произвести сперва способомъ *воспитанія*, такъ сказать, *новую породу* или *новыхъ отцовъ и матерей*, которыя бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки» *). Какъ ни грандіозенъ и ни благороденъ былъ этотъ планъ, но при самомъ учрежденіи, на изложенныхъ въ немъ основаніяхъ, учебно-воспитательныхъ заведеній въ столицахъ, печальная дѣйствительность заставила измѣнить его во многомъ. Черезъ 18 лѣтъ онъ былъ вовсе оставленъ, и попеченіе объ учрежденіи учебныхъ заведеній, возложено было на особую комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782 г.) **). Въ 1786 году императрица утвердила уставъ народныхъ училищъ, по которому Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Полтава, въ числѣ прочихъ городовъ, получили первыя свѣтскія учебныя заведенія, подъ именемъ *главныхъ народныхъ училищъ* (1789), изъ 6 классовъ, въ томъ объемѣ, въ какомъ существуютъ нынѣ гимназіи. Главное управленіе въ нихъ ввѣрено было приказамъ общественнаго призрѣнія, непосредственное управленіе директорамъ, изъ предсѣдателей и совѣтниковъ палатъ и др. лицъ, имѣвшихъ постороннія обязанности. — Въ Черниговѣ, сверхъ главнаго народнаго училища, въ концѣ XVIII столѣтія находились еще благородное дворянское училище и нѣмецкая дворянская школа. — Въ уѣздныхъ городахъ учреждены были *малыя народныя училища* на степеніи нынѣшнихъ уѣздныхъ. — Комиссія народныхъ училищъ, подобно эдукационной, озаботилась снабдить училища и наставниками (изъ главнаго народнаго училища и учительской семинаріи въ Петербургѣ), и учебными руководствами, и пособіями. Ввѣривъ главное мѣстное управленіе учебными заведеніями приказамъ общественнаго призрѣнія и ихъ предсѣдателямъ — гу-

---

*) Пол. Соб. Зак., т. XVI, N° 12,103. Сличи: *Traité de l'éducation de la jeunesse*, par Dr. G. S. Genève, 1760, увѣнчанный женевскимъ филантропическимъ обществомъ.

***) Главными членами которой были графъ Завадовскій и Янковичъ-де-Миріево.

бернаторамъ, комиссія народныхъ училищъ скоро увидѣла всю невыгоду раздробленія Россіи на столько округовъ, сколько было губерній.—Мѣста директоровъ были замѣщаемы людьми «не только безъ отличныхъ познаній и нравовъ, но даже безъ добраго имени и безвѣстнаго происхожденія» *). Въ смотрители малыхъ народныхъ училищъ избирались изъ купцовъ и мѣщанъ, люди вовсе не свѣдущіе, малограмотные, которые, не получая жалованья, смотрѣли на должность свою какъ на бремя.—Средства содержанія также оказались скудными.—Чѣмъ дальше отъ столицы, тѣмъ болѣе было неустройствъ: все шло и дѣлалось зря и какъ-нибудь. Довѣріемъ въ обществѣ училища не пользовались; способныхъ учителей было мало; воспитательныхъ заведеній, на которыхъ построень былъ великолѣпный планъ 1764 года, вовсе не было. Обучали дѣтей кое-какъ, воспитанія вовсе не давали. Реформа была необходима.

Между тѣмъ какъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, такъ-сказать оцунью, стали учреждать заведенія для свѣтскаго народнаго образованія,—на правомъ берегу, оно, обѣщая богатыя плоды въ будущемъ, вовсе угасло во время смуть, сопровождавшихъ послѣдніе дни самостоятельной жизни Рѣчи Посполитой. Въ 1795 году умерла Польша, и труды, поднятые эдукационною комиссіею для народнаго образованія, если не погибли вовсе, то на время остановились и дѣятельность ея замерла.

Сначала смуты послѣднихъ возстаній, потомъ переходъ подъ власть новаго правительства, перемѣна законовъ, скорбь объ утраченномъ прошломъ, неувѣренность въ настоящемъ и опасеніе за будущее: все это вмѣстѣ взятое прервало благопріятный ходъ народнаго просвѣщенія. Число учащихся значительно уменьшилось,—много учениковъ пошло на войну, другіе выходили изъ училищъ, не окончивъ курса, и проводили время въ буйной праздности, образуя поколѣнія какихъ-то заносчивыхъ недоучекъ; — постоянные переходы и квартированіе войскъ имѣли вредное вліяніе на нравственность учащихся. — Сравненіе числа учениковъ высшихъ классовъ,

---

*) Указъ 20 іюня 1811.

въ училищахъ Волынской губерніи, въ 1793 и 1803 г., приводимое у Чацкого въ его официальномъ рапортѣ *), всего лучше указываетъ на упадокъ школъ.

1793 году въ Волынскихъ училищахъ

въ VI классѣ было 140 учениковъ.

« V классѣ — 235

« IV классѣ — 62

Въ 1803 г.

въ VI классѣ — 48

« V — — 51

« IV — — 29

Всѣхъ-же учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ 1450, въ приходскихъ 125 **)

Многія мѣста наставниковъ были не заняты, учились всего 142 дня въ году, а 223 дня были употребляемы на праздники, по календарямъ обоихъ исповѣданій, на табельные дни, на каникулы, по произволу продолжаемые учениками, которые не смѣли возвращаться въ училища. Кредитъ къ училищамъ и учению упалъ и въ молодомъ поколѣніи, и въ старомъ, и въ родителяхъ, и въ ихъ дѣтяхъ. Преподаваніе закона Божія состояло въ буквальномъ зубреніи учениками разнаго рода катехизисовъ; языкъ латинскій былъ въ упадкѣ; новѣйшіе языки также; алгебра и геометрія шли еще кое-какъ, но физика находилась въ самомъ плохомъ состояніи, за недостаткомъ и книгъ и инструментовъ; словесность была въ совершенномъ упадкѣ; исторія, законовѣдѣніе и политическая экономія были почти вездѣ уничтожены, по распоряженію визитатора Сафонова. Библіотеки учащихся были ничтожны. Образованіе простаго народа, во времена смутъ, остановилось. Духовенство или было вовсе индифферентно къ своему дѣлу, или увлекалось духомъ прозелитизма и фана-

*) Hug. Kollątaja korespondencya listowa z T. Czackim. T. III.

**) Вообще въ 1803 г. отношеніе числа учащихся къ числу жителей было
 въ Волынской губ. 1 : 235,
 » Подольской » 1 : 292,
 » Кіевской » 1 : 999.

тизма. По присоединеніи западнаго края къ Россіи, мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы греко-россійскаго духовенства на униатское духовенство и помѣщиковъ, которые «мѣшаютъ народу обращаться отъ униі къ православію, и обращенныхъ совращаютъ и соблазняютъ». Съ своей стороны у католическихъ писателей встрѣчаемъ жалобы на то, что православное духовенство, совращая народъ отъ прежней вѣры (униі), разрываетъ союзъ помѣщиковъ съ крестьянами и, вмѣсто примиренія, питаетъ раздоръ и раціональное охлажденіе. (См. письмо еп. Варлаама въ Синодъ, 1798 г. и Чацкого рапортъ о состояніи народнаго образованія въ Вол. губ. въ 1803 г.). Переходя отъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній къ высшимъ, мы должны замѣтить, что на академію Виленскую имѣли вредное вліяніе споры ректора ея, Почобута, съ эдукаціонною комиссіею, а еще болѣе революція 1793 года, вспыхнувшая въ Вильнѣ. Конецъ XVIII вѣка былъ самымъ, можетъ-быть, худшимъ періодомъ и для Кіевской духовной академіи: влѣдствіе основанія Московскаго университета и медико-хирургической академіи, въ ней уменьшилось число лучшихъ воспитанниковъ, особенно высшихъ классовъ, не было и особенно-замѣчательныхъ наставниковъ. Это была переходная эпоха, въ которую она, сознавая необходимость реформы, сообразной съ измѣнившимися потребностями времени, колебалась еще въ выборѣ средствъ къ этой реформѣ. Этимъ объясняется отчасти и не слишкомъ выгодный отзывъ, сдѣланный Чацкимъ о Кіевской академіи, послѣ осмотра ея въ 1804 году *).

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX столѣтія оказывалась настоятельная потребность обратить серьезное вниманіе на народное просвѣщеніе: сознавали ее и тѣ, которые посредствомъ образованія думали возвратить навсегда утраченную

---

*) Объ упадкѣ Кіевской Академіи см. *Булакова*: Ист. Кіев. Акад., стр. 170.— *Смирнова*: Ист. Славяно-Греко-Лат. Акад.— *Филарета*: Исторія русск. церкви. Періодъ синодальный.— Отзывъ Чацкого помѣщенъ въ письмѣ его къ Колонтаю: *Rewidowałem Akademię kiowską: to ustanowienie jest satyrą rozumu ludzkiego: służy za naukę — co to jest oddać nauki mnichom.* Въ этомъ рѣзкомъ и пристрастномъ отзывѣ, нельзя не узнать человека, въ которомъ странно сталкиваются католикъ и воспитанный XVIII вѣка

самобытность, сознавали и тѣ, которые посредствомъ образованія хотѣли упрочить благосостояніе и союзъ жителей, развивавшихся въ теченіи многихъ вѣковъ разными путями и подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ условій.

8-го сентября 1802 года учреждено было *министерство народнаго просвѣщенія*, и первымъ министромъ назначенъ д. т. с. графъ *П. В. Завадовскій*. Министерству ввѣрены были въ главное вѣдѣніе всѣ учебныя заведенія въ Россіи, кромѣ духовныхъ, военныхъ и состоящихъ подъ особымъ управленіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Министерство немедленно, по образованіи своемъ, составило общую систему народнаго просвѣщенія въ Россіи въ «Предварительныхъ правилахъ, 24-го января 1803 года» и въ «Уставѣ учебныхъ заведеній, 5-го ноября 1804 года». На основаніи этихъ постановленій, вся Россія въ учебномъ отношеніи раздѣлена была на шесть учебныхъ округовъ. Въ каждомъ округѣ полагался университетъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ — гимназія, въ уѣздномъ — уѣздное училище, а въ селеніяхъ — училища приходскія. Главный надзоръ надъ каждымъ округомъ порученъ былъ попечителю и университетскимъ училищнымъ комитетамъ, а общее управленіе всѣми учебными заведеніями имперіи — учрежденному при министрѣ главному правленію училищъ.

На основаніи этого новаго раздѣленія Россіи, въ учебномъ отношеніи, губерніи Кіевская, Волынская и Подольская отошли къ Виленскому учебному округу и университету и получили особенную, примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ составленную, систему народнаго образованія (18-го мая 1803 г.); а губерніи Черниговская и Полтавская причислены на общихъ основаніяхъ къ Харьковскому учебному округу, для котораго въ 1805 году учрежденъ былъ новый университетъ въ Харьковѣ.

Ходъ, устройство, духъ и направленіе народнаго образованія, вслѣдствіе такого раздѣленія, были различны по обѣ стороны Днѣпра.

Разсмотримъ сначала образованіе на западномъ, а потомъ на восточномъ берегу его.

I.

Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и университета назначенъ былъ князь *Адамъ Адамовичъ Чарторижскій*. Съ самаго ранняго дѣтства взросшій въ Россіи, при дворѣ Екатерины, совоспитанникъ, другъ юности и наконецъ довѣренный министръ иностранныхъ дѣлъ при Императорѣ Александрѣ I, князь Адамъ Чарторижскій имѣлъ задушевную мысль связать національную независимость Польши съ интересами Россіи. Надежда на Францію нѣсколько разъ обманула уже поляковъ: кромѣ великолѣпныхъ фразъ и обѣщаній, они отъ нея ничего не получили. На тронъ Россіи только что взошелъ молодой, великодушный, гуманно-образованный императоръ, удостоивавшій Чарторижскаго своею дружбою. Очень понятны надежды Чарторижскаго. При его содѣйствіи, нѣсколько поляковъ поступили въ число важнѣйшихъ сановниковъ имперіи. Самъ Чарторижскій обратилъ особенное вниманіе на возвращенныя отъ Польши губерніи. Какъ попечитель округа, онъ оказалъ, безспорно, огромныя услуги народному образованію. Подъ начальствомъ его трудились два замѣчательные человѣка, которые оставили по себѣ самую благородную память въ жителяхъ западно-русскаго края, обязаннаго своимъ просвѣщеніемъ ихъ усиленной, безкорыстной дѣятельности: эти люди — *Янъ Сядецкій*, ученый астрономъ и ректоръ Виленскаго университета, и тайный совѣтникъ, графъ *Фаддей Чацкій*, ученый правовѣдъ и визитаторъ школъ на Волыни.

Оба эти человѣка, сначала связанные между собою тѣсною дружбою, всецѣло посвятили себя дѣлу народнаго образованія; но несходные по происхожденію, характеру, обстоятельствамъ жизни, общественному положенію и воспитанію, они расходились въ средствахъ къ достиженію своей цѣли. *Чацкій* *) былъ богатый аристократъ, всецѣло предавшій себя дѣлу науки и народнаго образованія. Воспитанный дома, онъ былъ не знакомъ съ правилами и условіями общественнаго воспитанія; — пылкій и увлекающійся по характеру, онъ не хотѣлъ и не умѣлъ иногда подчиняться требованіямъ

*) Род. въ 1766 г. въ Порицкѣ, на Волыни.

извѣстныхъ формальностей и постановленій. Для успѣшнаго устройства школь ему необходимы были матеріальныя средства, и потому, во всѣхъ его предпріятіяхъ и всѣхъ мѣрахъ, на первомъ планѣ стояли интересы того сословія, которое могло дать эти средства, къ которому онъ принадлежалъ самъ по рожденію и воспитанію. Соединеніе общественнаго обученія съ воспитаніемъ, изученіе языковъ, особенно новыхъ, въ первые годы пребыванія въ училищѣ, сообщеніе воспитанникамъ какъ можно болѣе разносторонняго образованія, хотя бы въ ущербъ основательности, и обученіе каждаго соотвѣтственно тому званію, въ которомъ онъ родился, и тому поприщу, на которомъ долженъ въ послѣдствіи дѣйствовать — вотъ основныя идеи, по которымъ онъ устроилъ гимназію въ Кременцѣ, впослѣдствіи преобразованную въ лицей. Для того, чтобы дѣйствовать самостоятельнѣе, онъ хотѣлъ освободить ее вовсе отъ зависимости Виленскаго университета, въ ученomъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, и образовать изъ нее высшее центральное заведеніе, даже университетъ, для кіевскихъ, волынскихъ и подольскихъ училищъ, въ которыя могъ бы проводить свои идеи о народномъ образованіи *).

Янъ Снядецкій былъ совершенно другой человѣкъ. Съ раннихъ лѣтъ въ борьбѣ съ жизнью, самъ себѣ всѣмъ обязанный, онъ получилъ основательное математическое образованіе въ Краковской академіи и довершилъ его за-границею. По характеру твердый и пунктуальный, математикъ въ наукѣ и жизни, вѣрившій только правилу и цифрѣ, онъ былъ пуристъ въ языкѣ, полякъ въ душѣ, врагъ иноземнаго вліянія вообще, и въ-особенности нѣмецкой спекулятивной науки. Черезъ Виленской университетъ, строго придерживаясь существующихъ постановленій, подчинявшихъ университету всѣ училища округа, Снядецкій проводилъ мысль о томъ, что изученіе иноземныхъ языковъ только мѣшаетъ основатель-

---

*) «Дѣло не въ томъ, чтобы люди различными науками занимались, но въ томъ, чтобы благодѣтельное вліяніе этихъ наукъ давало способныхъ чиновниковъ и вообще гражданъ, чтобы священникъ, воинъ, земледѣлецъ даже, зналъ то, что ему слѣдуетъ и необходимо знать.» (Объясненіе Чацкого предъ Слѣд. Ком.)

ному знанію роднаго, требоваль немногосторонняго, но основательнаго обученія и, исключая изъ общаго образованія науки политическія, въ основу его ставиль: польскій и латинскій языки, математику и естественныя науки; хотѣль, однимъ словомъ, сообщить среднимъ учебнымъ заведеніямъ практическое, реальное направленіе.

Чацкому удалось свое созданіе — Кременецкую гимназію освободить изъ подъ власти университета, и, по своему общественному положенію и званію, имѣть чрезъ нее *de facto*, то влияніе на образованіе въ краѣ, которое принадлежало Снядецкому, какъ ректору Виленскаго университета, *de jure*. Изъ столкновенія противоположныхъ мнѣній Чацкаго и Снядецакаго выработалась та система, которой край былъ въ короткое время весьма многимъ обязанъ. Обученіе съ ранняго возраста иноземнымъ языкамъ, предпринятое Чацкимъ изъ аристократическихъ побужденій, принесло ту огромную пользу, что снабжало воспитанниковъ богатыми средствами дальнѣйшаго самостоятельнаго образованія. Съ другой стороны, строгость и математическая точность Снядецакаго ограничили нѣсколько разнохарактерность предметовъ преподаванія, и дали ему болѣе прочности и самостоятельности.

Эпоха лучшей жизни для Виленской академіи, преобразованной въ университетъ, начинается съ царствованія Александра I, въ ректорство Стройновскаго и Снядецакаго. Ученое университетское сословіе, стараніемъ Стройновскаго, было украшено многими замѣчательными учеными, вызванными изъ-за границы, каковы напр. Гроддекъ, извѣстный филологъ въ краѣ, и два Франка, составившіе гордость медицинскаго факультета. Съ этихъ поръ польза и значеніе университета были всеми признаны. Число слушателей его и число приготавливаемыхъ имъ для общества полезныхъ дѣятелей постоянно увеличивалось. Успѣхи университета такъ были быстры, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ не только далъ дѣльныхъ учителей для многихъ училищъ своего обширнаго округа, но приготовиль и для себя людей, которые съ честью заняли въ немъ кафедры бывшихъ своихъ наставниковъ-инострanceвъ, такъ что университетъ могъ уже развиваться собственными силами безъ иноземной помощи. Значительное

содержаніе, эмеритуръ, пенсіи профессоровъ, поставили ихъ въ независимое положеніе въ обществѣ. Сверхъ того, университетъ вмѣстѣ съ профессорами и студентами получилъ собственный судъ и полицію, т. е., образовалъ особую учебную корпорацію въ государствѣ. Владѣя такими средствами, имѣя въ числѣ своихъ членовъ людей даровитыхъ, университетъ съ честью отражалъ все нападки и покушенія іезуитовъ, которые въ 1812 году, съ учрежденіемъ Полоцкой академіи, приобрѣли было значительное вліяніе на воспитаніе въ Россіи и враждебно смотрѣли на университетъ Виленскій, охранявшій отъ нихъ западно-русскій край. Въ 1820 году орденъ былъ изгнанъ и опасность съ этой стороны миновалась.

При всехъ огромныхъ заслугахъ Снядецкаго на пользу университетскаго и вообще народнаго образованія въ краѣ, надо однакожь замѣтить, что исключительно придерживаясь эмпирически-практическаго направленія и будучи врагомъ нѣмецкой философіи и вообще спекулятивной науки, Снядецкій далъ и университету, и среднимъ учебнымъ заведеніямъ довольно односторонній характеръ. — Виленскій университетъ состоялъ изъ 4 факультетовъ: *физико-математическаго, медицинскаго, филологическаго и нравственно-политическаго*. — Первый особенно выдвинулъ и развилъ Снядецкій — и онъ, дѣйствительно, былъ въ цвѣтущемъ состояніи и имѣлъ наиболѣе слушателей. Самъ Снядецкій въ математикѣ и астрономіи, братъ его, Андрей Снядецкій, въ химіи и физиологіи, Юндзиль въ зоологіи, Шимановичъ въ минералогіи, Подчашинскій въ архитектурѣ — далеко подвинули точныя и естественныя науки и создали научную польскую терминологію, которая, въ опредѣленности и точности, можетъ поспорить съ французскою. Медицинскій факультетъ по сродству съ физико-математическимъ, по практическому направленію своему и по славѣ братьевъ Франковъ, былъ также въ цвѣтущемъ состояніи. Филологическому факультету покровительствовалъ Снядецкій, — потому что ожидалъ отъ него очищенія и разработки польскаго языка и заготовленія преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній. Особенно благотворное вліяніе на среднія учебныя заведенія оказалъ университетъ посредствомъ преобразованной Снядецкимъ учительской семинаріи и вновь

311984

основанной, въ 1808 году, подъ руководствомъ славнаго Гроддека *филологической семинаріи*, изъ которой вышли воспитанники съ основательными и живыми свѣдѣніями въ классической древности и филологіи, убившіе окончательно варварскую латынь и Альвара, все еще державшихся въ школахъ западнаго края. Самъ Гроддекъ, въ комментированіи авторовъ, умѣлъ соединить точность и глубину нѣмецкихъ комментаторовъ съ ясностію и остроуміемъ французскихъ, обращая особенное вниманіе при толкованіяхъ извѣстнаго автора на все, что могло служить къ изображенію жизни и духа того вѣка и общества, въ которомъ жилъ авторъ. Принадлежа по эстетическимъ убѣжденіямъ болѣе къ школахъ французской, Гроддекъ тѣмъ не менѣе придалъ жизненность той наукѣ, которая прежде стояла въ буквоѣдномъ, чисто формальномъ изученіи автора.—Переводы, которые онъ заставлялъ дѣлать воспитанниковъ съ латинскаго на польскій, съ польскаго на латинскій, были не безцѣльнымъ переложеніемъ смысла оригинала на какой-то смѣшанный, дикій, не-польскій и не-латинскій языкъ, но служили къ усовершенствованію языка польскаго и точному изученію конструкціи обоихъ языковъ.—Мы распространились о Гроддекѣ не безъ цѣли: слѣды его дѣятельности не безъ вліянія остались и для университета св. Владиміра, въ первый періодъ его жизни.

Односторонность Снядецкаго особенно проявлялась въ его пренебреженіи къ факультету нравственно-политическихъ наукъ, который, до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, находился въ совершенномъ упадкѣ.—Законовѣдѣніе и камеральныя науки казались Снядецкому бесполезными въ государствѣ, въ которомъ судъ и администрація зависѣли непосредственно отъ правительства.—Исторію и политику почиталъ онъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, опасными для тишины, необходимой къ процвѣтанію наукъ вообще;—Философія, по его мнѣнію, только напускала туманъ въ головы и съ пользою замѣнялась естествознаніемъ, которое одно онъ почиталъ единственно полезною и истинною философіею.—Вслѣдствіе этого, кафедры нравственно-политическихъ наукъ были или незамѣщены вовсе, или замѣщаемы кое-какъ. То направленіе, которому Снядецкій мѣшалъ проявиться въ уни-

верситетѣ легально, вошло въ него другимъ путемъ. Въ 1816 году Снядецкій сложилъ съ себя ректорство. Какъ профессоръ, онъ не могъ уже имѣть такого вліянія на университетъ, какое имѣлъ какъ ректоръ, и потому, мало-по-малу, выдвинуть былъ на первый планъ факультетъ нравственно-политическій. Въ 1821 году каедру исторіи занялъ въ немъ извѣстный *Іоакимъ Лелевель*, преобразователь исторической науки въ Польшѣ. Снядецкій всѣми силами противился назначенію этого человѣка, за его неправильный польскій слогъ. — Наконецъ онъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію всего общества и Лелевель вошелъ въ университетъ. Вслѣдъ за нимъ, каедру философіи занялъ ученикъ Шеллинга, *Голуховскій*, имѣвшій своимъ яснымъ и одушевленнымъ преподаваніемъ огромное вліяніе на слушателей и общество. Стараніями Лелевеля и Голуховскаго и при содѣйствіи вошедшихъ по слѣдамъ ихъ въ университетъ *Данюловича*, профессора мѣстныхъ законовъ, и *Княжевича*, профессора статистики и дипломатіи, факультетъ нравственно-политическій скоро получилъ перевѣсъ надъ физико-математическимъ. — Лекціи исторіи, политики, статистики, права и философіи стало посѣщать наибольшее число слушателей. — Оживленіе гуманическаго направленія въ университетѣ отразилось въ литературѣ сильнымъ развитіемъ романтической и національной поэзіи. Снядецкій и его партія стали за старо-французскую классическую школу, — центромъ которой была Варшава и которой Снядецкій сочувствовалъ за совершенство ея ополитиванной формы; Лелевель, Голуховскій и большинство виленскихъ литераторовъ стали въ главѣ ново-германской романтики. Явился Мицкевичъ, и упорные защитники старо-французскаго классицизма были побѣждены. Виленскому университету принадлежитъ въ этомъ отношеніи огромное значеніе въ польской литературѣ.

Обратимся къ обзорѣ дѣятельности Чацкаго.

Назначенный въ должность визитатора училищъ Кіевской, Подольской и Вольнской губерній, Чацкій прежде всего личнымъ обзоромъ ознакомился съ дѣйствительнымъ состояніемъ учебныхъ заведеній ввѣренныхъ ему губерній. — О результатахъ своего обзорѣнія онъ донесъ правительству.

Правительство, убѣдившись въ настоятельной потребности реформъ, предоставило Чацкому привести ихъ въ исполненіе и дозволило ему, не стѣсняясь общимъ уставомъ 1804 года, измѣнять его по требованію мѣстныхъ обстоятельствъ *).

Трудъ Чацкому предстоялъ огромный. «Нужно было, говорить онъ самъ, завести, какъ можно болѣе, приходскихъ школъ, увеличить содержаніе уѣздныхъ училищъ, найти способныхъ учителей, обновить и привести въ стройное состояніе систему преподаванія, обезпечить насущный хлѣбъ духовнымъ наставникамъ, — облегчить бѣдному возможность учиться, создать вновь училища для воспитанія женщинъ и, наконецъ, образовать въ краѣ такое училище, въ которомъ мѣстные уроженцы могли бы получить высшее образованіе, такъ чтобы постепенное совершенствованіе ихъ происходило на глазахъ родителей и начальства того края, въ которомъ они родились, росли и на пользу котораго себя обрекаютъ» **).

Важнѣйшимъ средствомъ къ удовлетворенію этихъ потребностей Чацкій почиталъ — соединеніе дѣятельности общества съ дѣятельностію правительства, въ стремленіи къ великой цѣли народнаго образованія. — Первымъ результатомъ этого взаимодѣйствія государства и общества было увеличеніе матеріальныхъ средствъ учебныхъ заведеній частными *фундушами*.

Чацкій самъ объѣзжалъ всѣ уѣзды и собиралъ пожертвованія и вклады отъ дворянства и духовенства. Увлеченные общимъ примѣромъ, жертвовали даже иноземцы, жившіе на Волыни. — Вообще Чацкій собралъ для волынскихъ школъ вѣчныхъ пожертвованій 62,200 р. или 414,666 злот., не считая единовременныхъ; для кievской гимназій 450,000 р. ас., для уѣздныхъ училищъ 32,862 злотыхъ (4,930 р.). Какъ предсѣдатель комиссіи для разбора эдукаціонныхъ фундушей, онъ для Виленскаго округа обезпечилъ 2,350,000 злотыхъ (352,500 р. сер.).

Главное вниманіе Чацкаго обращено было на учрежденіе

*) Указы 29 іюня 1805 г., 27 іюня 1807 г., 31 авг. 1804 г.

***) Объясненіе, поданное Слѣдет. Комиссіи.

гимназіи въ Кременцѣ, которую онъ хотѣлъ организовать по собственнымъ идеямъ о народномъ обученіи и воспитаніи.

Для нея онъ собралъ:

Единовременныхъ пожертвованій до 25,000 руб. серебр., доходовъ постоянныхъ до 30,000 и, наконецъ, ежегодныхъ доходовъ съ староства Кременецкаго, Высочайше пожалованныхъ гимназіи, по его ходатайству — 7036 руб. Сверхъ того отъ правительства ежегодно отпускалось на гимназію 5,700 руб. На эти средства устроена была Кременецкая гимназія съ состоящими при ней школами землемѣровъ и механиковъ. (Открыта 1-го октября 1805 года.)

Кременецкую гимназію, которая, по плану Чацкаго, должна была заступить мѣсто университета для этого края, «граждане не только Вольнской, но Кіевской и Подольской губерній называли надеждою дѣтей своихъ» *). Основанія, на которыхъ гимназія была устроена, Чацкій долго обдумывалъ и поручалъ обсужденію замѣчательныхъ друзей своихъ: *Колонтая*, преобразователя Краковской академіи, *Чеха*, бывшего потомъ первымъ директоромъ Кременецкой гимназіи, и извѣстнаго уже намъ *Яна Снядецака* **). Послѣ долгихъ обсужденій и собственныхъ разсужденій, Чацкій наконецъ составилъ уставъ гимназіи, Высочайше утвержденный 27-го іюня 1805 года, — и по этому уставу далъ своему заведенію слѣдующее устройство.

Весь гимназическій курсъ продолжался 10 лѣтъ и раздѣлялся на 4 однолѣтніе класса и 3 двухлѣтніе курса.

Въ классахъ преподавались языки латинскій и польскій, русскій, французскій и нѣмецкій, какъ главные предметы, и сверхъ того ариѳметика учителемъ русскаго языка, — ученіе о нравственности учителемъ французскаго языка, географія учителемъ нѣмецкаго языка, — какъ предметы побочные. Учители переходили вмѣстѣ съ воспитанниками изъ одного

---

*) Объясненіе, поданное Слѣдст. Комиссіи.

***) Переписка съ этими лицами о вольнской гимназіи издана въ 1844 г., въ 4 большихъ томахъ, подъ заглавіемъ: X. Hugona kollataja korrespondencya listowa z Tadeuszem Czackim z rękopisimu wydał F. Kojśiewicz. Krakow. 1844. IV voll.

класса въ другой. Цѣлью обученія въ классахъ было поставлено приготовленіе учениковъ къ продолженію ученія въ курсахъ. Посредствомъ усовершенствованія въ языкахъ, къ которому въ особенности способенъ ученикъ въ томъ возрастѣ, когда преимущественно развита въ немъ память, — онъ приготовлялся къ слушанію литературы этихъ языковъ; посредствомъ ариометики развивались въ немъ первыя начала мышленія, которыя должны были крѣпнуть и вырабатываться слушаніемъ высшей математики и логики въ курсахъ; географія знакомила ученика съ основною исторіею и давала ему понятіе о тѣхъ странахъ, жизнь которыхъ, въ разныхъ ея общественныхъ проявленіяхъ, онъ долженъ былъ изучать въ курсахъ. Наконецъ ученіе нравственности, вмѣстѣ съ уроками закона Божія, преподаваемого по одному разу въ недѣлю, приготовляло его къ слушанію естественнаго права въ курсахъ. Такимъ образомъ ученіе въ классахъ должно развить память, мышленіе и нравственное чувство въ ученикѣ на столько, на сколько это необходимо для слушанія высшихъ наукъ. Изъ донесенія Чацкаго Слѣдственной Коммиссіи видно, что воспитанники классовъ были всегда первыми въ курсахъ.

Предметы курсовъ раздѣлялись на главные, придаточные и произвольные. Изъ главныхъ въ *первомъ курсѣ* преподавались: теоретическая и начертательная геометрія, алгебра, до теоріи кривыхъ линий, логика, всеобщая исторія, теорія и исторія русской словесности, русская исторія, теорія польской и латинской словесности, теорія и исторія французской словесности; во *второмъ курсѣ*: физика, химія, высшая математика, естественное право, международное право, политическая экономія и статистика; въ *третьемъ курсѣ* преподавались: римское право и мѣстные законы, исторія литературъ — римской и греческой обширно, а другихъ народовъ вкратцѣ, и естественная исторія. На волю учащихся предоставлены были языки греческій и латинскій, черчене, древняя географія, практическая механика, а изъ искусствъ — музыка, пѣніе, танцваніе, фехтованіе, верховая ѣзда и плаваніе. Прибавочные предметы 1-го курса: прикладная математика съ астрономіею, сферическая тригонометрія, гражданская и военная архитектура, нумизматика и древности.

Еще Янъ Снядецкій замѣчалъ Чацкому, что добрыхъ слѣдствій отъ такой смѣси разныхъ предметовъ факультетскаго и гимназическаго преподаванія ожидать трудно и даже невозможно. Какъ возраженіе на это замѣчаніе, Чацкій представилъ циркулярный отзывъ попечителя округа кн. Чарторижскаго, который лично обозрѣвъ гимназію въ 1809 году, нашелъ ее «вполнѣ оправдывающею надежды и ожиданія родителей». Самъ Чацкій такъ отзывается о результатахъ, данныхъ его гимназіею въ 1811 году: «тамъ, гдѣ нѣсколько десятковъ учениковъ достойны медали, гдѣ она дается по жребію, гдѣ попечитель нашелъ цѣлый курсъ достойнымъ медали, гдѣ каждый изъ жителей съ восторгомъ смотритъ на эти отрасли, нашею рукою прищепленные, тамъ съ гордостію могу сказать: смотрите и судите!»

Въ состоявшей при гимназіи *школь землемровъ* преподавались: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра, рисованіе, черченіе плановъ, и во время каникулъ практическая геометрія. Сверхъ того ученики упражнялись въ русскомъ и польскомъ языкахъ, въ составленіи дѣловыхъ бумагъ и изучали мѣстные межевые законы. Въ *школь практической механики*, также учрежденной при гимназіи, нѣкоторые ученики, начиная отъ первыхъ началъ грамоты, слушали: ариѳметику, геометрію, алгебру, механику, гидростатику и гидравлику. Не многіе учились высшей математикѣ, физикѣ и сельской архитектурѣ. О двухъ этихъ заведеніяхъ Чацкій отзывается: «что ихъ нужно видѣть, чтобы оцѣнить вполнѣ». Ученики обѣихъ школъ воспитывались на счетъ гимназіи и особыхъ фундушей. Кромѣ конвикта для 24 бѣдныхъ учениковъ, Чацкій озаботился заведеніемъ въ городѣ конвиктовъ, въ которыхъ менѣе достаточные родители могли отдавать на содержаніе своихъ дѣтей. Въ этихъ конвиктахъ все содержаніе ученика съ квартирою, отопленіемъ, освѣщеніемъ, обѣдомъ, ужиномъ (пзъ 3-хъ блюдъ), подвечеркомъ, надзоромъ, репетиторомъ и аптекою обходилось отъ 62 до 22 руб. 50 коп. сер. въ учебный годъ, смотря по состоянію ученика. Докторъ лицея *Лернетъ* положилъ капиталъ въ 250,000 злотыхъ для стипендіи бѣдныхъ учениковъ гимназіи.

Что касается до количества учениковъ, то оно отъ 280 человекъ, поступившихъ въ гимназію при ея основаніи, въ первые пять лѣтъ ея существованія увеличилось почти въ два раза съ половиною, потому что въ 1810 году ихъ было уже 612. Другой такой многочисленной гимназіи въ то время не было въ цѣлой имперіи; едва ли были подобныя и въ Германіи. «Этому училищу,—говоритъ Чацкій,—мы обязаны ослабленіемъ предубѣждений, господствовавшихъ въ пользу домашняго воспитанія: теперь дѣти мѣстныхъ жителей вполне стали дѣтьми государства. Учители заступаютъ въ школахъ мѣсто родителей, а родители при помощи нѣсколькихъ надзирателей, дома заступаютъ мѣсто учителей».

Трудами и стараніями Чацкого, гимназія и находившіяся при ней заведенія снабжены были и хорошиими, по своему времени, преподавателями (Шейдтъ, Бессеръ, А. Янковскій, Кублицкій и даже Лелевель), и всѣми учебными пособиями. Коллекціи кременецкія послужили основаніемъ всѣмъ коллекціямъ кievскаго университета. Если цѣнить ихъ сообразно съ современными потребностями университетской науки, они сами собою, разумѣется, окажутся довольно плохими. Но если взять во вниманіе, что эти коллекціи принадлежали гимназіи, даже лицею въ началѣ XIX вѣка въ Россіи, тогда только можно понять все величіе заслугъ Чацкого въ этомъ отношеніи. Библіотека лицея состояла, при перенесеніи въ Кіевъ, почти изъ 34,000 томовъ (въ томъ числѣ много драгоценныхъ изданій), минералогическій кабинетъ заключалъ въ себѣ около 15,000 минераловъ (съ дублетами), зоологическій — около 12,000 предметовъ, физическій 251 инструментъ (правда чрезвычайно плохіе), лабораторія химическая состояла изъ 540 аппаратовъ и 660 штукъ посуды; монетно-кабинетъ — изъ 8,500 монетъ и медалей древнихъ и 9,406 новыхъ; механический кабинетъ — 418 моделей и 1665 архитектурныхъ рисунковъ; — наконецъ ботанический садъ, доведенный до цвѣтущаго состоянія стараніями ученаго Бессера и получившій извѣстность за-границею, содержалъ въ себѣ болѣе 12,000 видовъ растений. Стараніями Чацкого и на суммы графа Плятера основана была при гимназіи типографія, которая, по смерти графа, должна была поступить въ полное

вѣдомство ея, а до тѣхъ поръ печатать для нея 10% ниже самой дешевой цѣны въ краѣ.

Желая сдѣлать Кременецъ, такъ сказать, метрополіею новаго образованія для губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, Чацкій предполагалъ учредить при гимназіи училища хирургическое, повивальное, ветеринаровъ, земледѣлія и садоводства; двѣ семинаріи для образованія приходскихъ учителей и для воспитанія гувернантокъ. Ему удалось основать только школу садоводства и семинарію для сельскихъ приходскихъ учителей; на семинарію для гувернантокъ онъ уже собралъ фундуши. Онъ не бросалъ мысли основать и остальные заведенія,—но обстоятельства принудили его отложить исполненіе ея до поры до времени.

Что касается до школъ приходскихъ и уѣздныхъ, то при содѣйствіи Чацкаго, духовенство Луцкой и Каменецкой епархіи—изъявило согласіе: одно на единовременные, другое на постоянные взносы для содержанія городскихъ и сельскихъ приходскихъ училищъ, при монастыряхъ и церквяхъ. Училища эти были открыты для мальчиковъ и для дѣвушекъ. Въ нихъ дѣти бѣдныхъ дворянъ получали самыя необходимыя свѣдѣнія для промышленной, городской и сельской жизни.

Не смотря на множество препятствій, поставляемыхъ и добросовѣстными противниками его убѣжденій, и злонамѣренностію завистливой посредственности, Чацкій достигъ своей цѣли: чрезъ нѣсколько лѣтъ Кременецкая гимназія получила почетную извѣстность и въ западно-русскомъ краѣ, и въ австрійской и прусской Польшѣ: со всѣхъ сторонъ шли сюда за образованіемъ. Городъ Кременецъ, до-толѣ ничтожный, обстроился, украсился, сдѣлался центромъ не только просвѣщенія, но и общественной жизни всего края. Многіе замѣчательные польскіе и литовскіе жители поселились въ немъ для воспитанія дѣтей своихъ. Жилъ въ немъ и самъ Чацкій для ближайшаго надзора за любимымъ своимъ созданіемъ. Ни трудовъ, ни имѣнія не щадилъ онъ для него. Общая признательность родителей была ему наградою. Императоръ Александръ удостоивалъ его нѣсколько разъ всемілостивѣйшими рескриптами.

То было счастливѣйшее время въ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Съ 1810 года все пошло иначе. Еще въ 1807 г. Чацкій былъ вызванъ въ Петербургъ для оправданія въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ. На этотъ разъ онъ оправдался и воротился обласканный императоромъ, въ званіи заступающаго мѣсто попечителя Виленскаго округа. Въ это время начался споръ его съ прежнимъ другомъ, ректоромъ Виленскаго университета, Яномъ Снядецкимъ о фундашахъ и устройствѣ учебныхъ заведеній. Споръ этотъ произвелъ между двумя друзьями значительное охлажденіе. Чацкій велъ его съ свойственною ему запальчивостію, часто увлекаясь пристрастіемъ къ своему созданію, Кременецкой гимназіи. Снядецкій велъ его съ хладнокровіемъ и точностію математика, не рѣдко показывая упорную привязанность къ своимъ одностороннимъ убѣжденіямъ. Въ 1810 г., по дошедшимъ до правительства свѣдѣніямъ о безпорядкахъ въ хозяйственной и учебной частяхъ Вольнской гимназіи, наряжена была слѣдственная коммиссія (изъ графовъ Яблоновскаго, Мощинскаго и Ромуальда Быстраго) для подробнаго изслѣдованія этихъ безпорядковъ и рѣшенія вопроса: не удобнѣе ли перенести гимназію въ Винницу? — Сколько можно было догадываться изъ энергическаго объясненія поданнаго въ коммиссію Чацкимъ, — доносъ былъ сдѣланъ людьми, которые завидовали быстрому возвышенію и процвѣтанію Кременца и изъ личнаго своекорыстія желали поднять г. Винницу *). Чацкій и на этотъ разъ былъ оправданъ и коммиссіею и громкимъ голосомъ общественнаго мнѣнія. Насталъ бурный 1812 годъ. Съ нимъ вмѣстѣ возникли новыя подозрѣнія на Чацкаго. Не въ силахъ будучи бороться съ ними и находясь въ неловкихъ отношеніяхъ съ генераль-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ, онъ распустилъ учениковъ, закрылъ гимназію, обезпечилъ ея коллекціи и удалился въ Подольскую губернію. Прошло смутное время нашествія, и Чацкій посѣтилъ снова Кременецъ, но остаться въ немъ не могъ. Чацкій былъ измученъ борьбою, въ которой потерялъ и здоровье и разстроилъ имѣніе.

*) Объясненіе, поданное Слѣд. Ком.

Въ 1813 году, при вѣсти о приѣздѣ въ округъ кн. Чарторижскаго, онъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Дубно. Едва успѣли свидѣться два друга — Чацкій вдругъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ. Послѣднія слова его были: «*o swoich nadzieiach, to jest, o szczęsciu rodaków*» *).

Когда Чацкій, въ 1803 году, принялъ должность визитатора въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской, было всего 5 учебныхъ заведеній; когда умеръ — ихъ было уже 127. Тѣло Чацкаго погребено въ Порыцкѣ, а сердце хранится въ Кременцѣ, съ надписью «*Gdzie skarb twój, tam i serce twoje*».

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности того, что стало съ этимъ кременецкимъ сокровищемъ Чацкаго послѣ его смерти. Въ 1818 году правительство, принявъ въ уваженіе, что Волынская и Подольская губерніи, по отдаленности отъ Виленскаго университета, имѣютъ надобность въ высшемъ училищѣ, признало справедливымъ переименовать Волынскую гимназію въ лицей. Въ то же время предположено было дать этому заведенію новый уставъ и исчислить сумму, нужную на него изъ эдукаціоннаго фондуша въ пособіе приношеній, сдѣланныхъ на Волынскую гимназію. Но послѣднее распоряженіе, по разнымъ причинамъ, не было приведено въ исполненіе, и вся реформа ограничилась только перемѣною названія. Волынскій лицей подчиненъ былъ послѣ Чацкаго, *de jure* и *de facto*, Виленскому университету. Научная дѣятельность въ немъ начала падать съ утратою самостоятельности. Выборъ профессоровъ не всегда былъ удаченъ, приращеніе коллекцій остановилось. За то, вслѣдствіе подчиненія Виленскому университету, Волынскій лицей усвоилъ направленіе начальствующаго и руководствующаго заведенія и не остался чуждъ тѣхъ движеній, отъ которыхъ пострадалъ университетъ, закрытый въ 1831 году. Лицей не пережилъ его и года, переданный временно подъ управленіе Харьковскаго попечителя и университета.

Въ послѣдній годъ своей дѣятельности, Чацкому удалось видѣть, въ подвѣдомственномъ его визитаціи округѣ, — от-

*) St. Hr. Potocki: Pochwała T. Czackiemu. Roczniki Tow. Król. Warsz. przyciścił nauk. T. XII, 33.

крытіе новой *гимназіи высшихъ наукъ въ Кіевѣ*. Еще въ 1805 году, во время общаго порыва къ пожертвованіямъ, возбужденнаго Чацкимъ, дворянство Кіевской губерніи, соревнуя Волинскому, пожертвовало капиталъ въ 450,000 р. асс. на содержаніе гимназіи, въ которой курсъ наукъ былъ бы обширнѣе, чѣмъ въ другихъ подобнаго рода заведеніяхъ. Очевидно, Кременецкое заведеніе было образцомъ для всѣхъ въ то время. Въ уваженіе къ огромному пожертвованію, правительство исполнило желаніе кіевскаго дворянства, и 30-го января 1812 года открыта была въ Кіевѣ гимназія изъ 8-ми классовъ, съ особыми правами и преимуществами *).

Наконецъ и подольское дворянство, послѣ окончательнаго рѣшенія въ пользу Кременца вопроса о переводѣ гимназіи Чацкаго въ Винницу, получило свою гимназію, также выходившую изъ круга обыкновенныхъ сего рода учреждений. *Подольская гимназія* открыта была въ *Винницѣ*, уже по смерти Чацкаго, 27-го октября 1814 года.

Обѣ гимназіи, и Кіевская и Подольская (Винницкая), были устроены по образцу Волинской (Кременецкой), съ нѣкоторыми только частными отступленіями отъ системы Чацкаго: каждая изъ нихъ дѣлилась: на четыре годичные класса, въ которыхъ на первомъ планѣ стояло обученіе языкамъ (латинскому, русскому, польскому, нѣмецкому и французскому), а на второмъ, такъ-называемой морали, ариметикѣ и географіи; и на четыре годичные курса, обнимавшіе высшую математику, науки естественныя (физику, химію и естественную исторію), философію, естественное, народное, римское и мѣстное право, политическую экономію, исторію всеобщую и польскую, реторику, пѣнтику и исторію литературы греческой и римской, особенно послѣдней.

Цѣлью этихъ гимназій постановлено было не столько приготовленіе слушателей для университетовъ, сколько вообще приготовленіе образованныхъ *гражданскихъ* дѣятелей изъ тѣхъ, которые желали-бы окончить ученіе гимназическимъ курсомъ. На энциклопедизмъ, въ основаніи котораго лежало солидное изученіе языка древнихъ классиковъ, почти исклю-

*) Губернскій предводитель, графъ Адамъ Ржевусскій, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей при открытіи гимназіи.

чительно римскихъ, построена была вся система тогдашняго обученія и воспитанія не только въ западномъ краѣ, гдѣ она получила особое развитіе, но отчасти и въ другихъ частяхъ имперіи. Не однѣ гимназіи въ то время стремились выйти изъ своего круга и включить въ себя предметы университетскаго круга; вслѣдъ за ними тянулись и повѣтовыя (т. е. уѣздныя), при монастыряхъ основанныя училища, которыя вторгались въ кругъ гимназическаго преподаванія *). Вообще не было тогда установлено точнаго разграниченія между высшими, средними и низшими учебными заведеніями, не было опредѣлено взаимное ихъ другъ къ другу отношеніе. Каждое училище стремилось болѣе дать своимъ воспитанникамъ окончательное образованіе, чѣмъ приготовить ихъ продолжать образованіе въ высшемъ заведеніи. При ограниченномъ числѣ преподавателей, при краткости времени преподаванія, само собою разумѣется, среднія учебныя заведенія вполнѣ не достигали своей цѣли. Впрочемъ, языки *польскій* и *латинскій*, такъ называемая *утова*, т. е. риторика, приспособлявшая учениковъ, по словамъ современника, *do gładkiego, loicznego i jasnego wylewania na papier swych myśli* и все, что относилось къ изученію польской жизни — все это находилось въ хорошемъ состояніи. На эти предметы главнымъ образомъ и налегали въ тогдашнихъ польскихъ училищахъ, имѣя въ виду преимущественно поддержаніе католицизма и польской народности. Впрочемъ, вліяніе польскаго элемента въ кievскихъ учебныхъ заведеніяхъ, всегда менѣе ощущаемое, чѣмъ въ подольскихъ и волинскихъ, ослабѣло въ особенности съ того времени, когда въ 1818 году Кіевская губернія, по отдаленности отъ Виленскаго университета, была отчислена отъ Виленскаго учебнаго округа и присоединена къ Харьковскому округу и университету. Но едва-ли она отъ этого выиграла: когда въ 1833 году, фонъ-Брадке занялся преобразованиемъ Кіевской гимназіи, обученіе и особенно воспитаніе находилось въ ней въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ губерніи Волинской и Подольской на воспитаніе народа обращало вниманіе, послѣ Чацкаго, мѣстное католическое ду-

*) Такова, напримѣръ, была гимназія въ Менджиречахъ у піаровъ, Уманское — базилианское, Луцкое, Домбровицкое, Теофипольское и др. училища.

ховенство; на воспитаніе въ Кіевской гимназіи едва-ли кто-нибудь обращалъ вниманіе. Въ 1833 году, приступая къ преобразованію Кіевской гимназіи высшихъ наукъ въ простое среднее учебное заведеніе, попечитель фонъ-Брадке произвелъ испытаніе всѣмъ ученикамъ ея, и, вслѣдствіе его, очень-многіе ученики 4-го класса переведены были не впередъ, а назадъ, въ 1-й классъ. Можно судить, какъ справедливо дѣлалась прежде оцѣнка ученическихъ успѣховъ! Въ 1830 году явилась холера; паническій страхъ овладѣлъ всѣми: ученіе прекратилось, ученики были распущены по домамъ. Еще не миновала одна бѣда, какъ наступила другая: возстаніе Польши. Оно перешло въ Литву, коснулось и Волыни, и Подолья. Многіе воспитанники стали въ ряды инсургентовъ; воспитатели, особенно изъ римско-католическаго духовенства, были компрометированы въ глазахъ правительства. 21-го августа 1831 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, до перевода ихъ въ другія мѣста или до учрежденія новыхъ. Вслѣдствіе этого были закрыты:

- 1) Лицей Волынской . . . . . 1.
- 2) Гимназіи: Винницкая и Меджирецкая 2.

3) Повѣтовья училища, содержимья, по большей части, монахами: Каневское, Уманское (Кіевской губерніи), Барское (Подольской губерніи), Менджирецкое, Любарское, Овручское, Владимірское, Теофипольское, Бердичевское, Домбровицкое (Волынской губерніи) 10.

4) Приходскихъ училищъ, содержимыхъ монахами, бѣлымъ римско-католическимъ и греко-уніатскимъ духовенствомъ и помѣщиками:

въ Кіевской губерніи . . .	18.
въ Подольской » . . .	77.
въ Волынской » . .	137.

(При этомъ упразднено было 49 монастырей, при коихъ находились училища, независимо отъ другихъ содержимыхъ монахами).

Всего въ 1831—1832 г. закрыто учебныхъ заведеній 245.
На лицо оставалось:

1) Гимназія одна, въ Кіевѣ; 2) уѣздныхъ училищъ 4, изъ нихъ три въ Кіевской и 1 въ Волынской губерніи; 3) приходскихъ училищъ 14, изъ нихъ 10 въ Кіевской и по два въ остальныхъ губерніяхъ. Всего до конца 1832 года или до образованія Кіевского учебнаго округа, въ трехъ западныхъ губерніяхъ училищъ оставалось 19. Всѣ они подлежали рѣшительному преобразованію по уставу 1828 года. Ни одно не имѣло — ни полнаго состава учителей, ни опредѣленной системы управленія и обученія, рѣдкое имѣло прочную осѣдлость, ожидая перевода съ одного мѣста въ другое. — Учениковъ было мало. Старые разошлись подъ вліяніемъ паническаго страха, новые приходили не рѣшительно и боязливо оглядывались назадъ... Священникъ, преподавшій законъ Божій православнаго исповѣданія и учитель русскаго языка, имѣли преобладающій авторитетъ въ училищахъ.

Изъ этихъ, едва уцѣлѣвшихъ среди смуть и волненій бурнаго времени, обломковъ учебной системы, которая создавалась въ теченіи полувѣка (1775 по 1830 г.), образованъ былъ, по указу 14-го декабря 1832 года, Кіевскій учебный округъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію дѣйствій новаго окружнаго начальства, перенесемъ на лѣвый берегъ Днѣпра и посмотримъ, что дѣлалось въ училищахъ Черниговской губерніи въ періодъ времени отъ 1803 по 1833 г.

II.

Учебныя заведенія Черниговской губерніи, подвѣдомыя Харьковскому попечителю и университету, подвергались постепенно преобразованію по уставу 1803 года. Главныя народныя училища обращены были въ гимназіи, а простонародныя въ такъ называемыя повѣтовыя училища. Въ 1830 году приходскихъ училищъ въ цѣлой губерніи было 2; повѣтовыхъ училищъ 14; одно на степени повѣтоваго — греческое Александровское въ Нѣжинѣ. Гимназій было 2: Черниговская, открытая въ 1805 г., и Новгородсѣверская, открытая въ 1808 г. Первая никогда не пользовалась особеннымъ довѣріемъ въ краѣ, послѣдняя напротивъ обязана была своимъ двумъ первымъ директорамъ, *И. И. Халанскому* и *И. Ѳ. Тимковскому*, славою лучшей гимназіи въ Малороссіи. Пре-

подаваніе организовано было по уставу 1803 года, въ гораздо обширнѣйшемъ противъ теперешняго объемѣ, за то гораздо поверхностнѣе. «Учили всему по верхамъ», отзывается одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназіи, г. Македонскій, назидая въ русской словесности, декламируя Ломоносова и Державина, поучаль и эстетикѣ, и психологіи, и даже политической экономіи. Молодой учитель Затеplinскій преподавалъ физику, а послѣ уроковъ ея декламировалъ Людмиллу и другія, одно за однимъ появлявшіяся стихотворенія Жуковскаго. Учитель Сухомлиновъ преподавалъ естественную исторію, называя латинскими именами разныя растенія. *) — Въ директорство Халанскаго гимназіи пользовалась покровительствомъ извѣстнаго мецената, графа И. П. Румянцова, который присылалъ въ бібліотеку ея книги по русской исторіи. При Тимковскомъ, который открылъ гимназію въ качествѣ визитатора училищъ Харьковскаго округа, а потомъ занялъ въ ней мѣсто своего тестя Халанскаго, особенно хорошо шелъ латинскій языкъ. О Тимковскомъ сохранилось много преданій, живо характеризующихъ тогдашніе нравы и обычаи гимназическаго сословія. Этотъ директоръ былъ какимъ-то патриархальнымъ деспотомъ. Посѣщеній его ожидали въ гимназіи съ необыкновенными церемоніями и разставляли отъ его дома до гимназіи махальныхъ, телеграфически передававшихъ вѣсти о его прибытіи. — Обращаясь безъ всякихъ церемоній, сурово и самовластно съ подчиненными ему преподавателями, Тимковскій стоялъ крѣпко предъ окружнымъ начальствомъ не только за способныхъ учителей, но и за тѣхъ, которые по преданію сильно зашибались хмѣлемъ. — Каждый окончившій гимназію воспитанникъ, желая поступить въ университетъ, получалъ отъ Тимковскаго рекомендацію въ Харьковъ, гдѣ Тимковскій служилъ прежде профессоромъ. — Лучшіе латинисты поступали въ Харьковскій университетъ изъ Новгородъ-Сѣверска.

Какъ для трехъ западныхъ губерній центромъ высшаго образованія, кромѣ Вильно, почитался Кременецъ, такъ въ

---

*) Слова М. А. Максимовича въ біограф. словарѣ Мос. унив., II, 2.

Малороссіи эта слава принадлежала Нѣжини. — Страсть учреждать гимназіи высшихъ наукъ, въ которыхъ преподаваніе представляло какую-то смѣсь общаго съ специальнымъ образованіемъ, зашла съ днѣпровскаго запада на востокъ; и въ Малороссіи, въ 1805 году, вслѣдствіе прошенія Д. Т. С. Ильи Андреевича Безбородко, Высочайше разрѣшено учредить *гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ*. Въ 1820 году открыто ученіе въ ней, а уставъ Высочайше утвержденъ только въ 1825 году. На основаніи этого устава, цѣлью гимназіи было поставлено — доставить удобство молодымъ людямъ приобрѣтать свѣдѣнія въ языкахъ и общихъ наукахъ, полезныхъ для каждаго человѣка, и въ высшихъ наукахъ, служащихъ приготовленіемъ юношества на службу государству. — Сообразно съ этою цѣлью въ гимназіи преподавались: Законъ Божій, языки и словесность: русская, греческая, латинская, французская и нѣмецкая, географія русская и всеобщая, исторія русская и всеобщая, математика отъ ариметики до коническихъ сѣченій включительно, естественныя науки (физика со включеніемъ статики и механики, химія и естественная исторія), философія (логика, нравственная философія и естественное право), науки юридическія (право народное, государственное хозяйство, римское право, русское гражданское и уголовное право) и наконецъ военныя науки (артиллерія и фортификація, для желающихъ поступить въ военную службу), рисованье, черченіе и танцваніе. Курсъ ученія продолжался 9 лѣтъ и раздѣлялся на три разряда или трехлѣтія. Преподаваніе было раздѣлено между 8 профессорами и 3 учителями, которые преподавали только въ низшихъ классахъ. Гимназія высшихъ наукъ поставлена была въ число учебныхъ заведеній, занимавшихъ первую степень послѣ университетовъ въ имперіи: она выпускала воспитанниковъ съ званіемъ кандидата, соотвѣтствовавшимъ чину 12, и званіемъ дѣйствительнаго студента, соотвѣтствовавшимъ чину 14 класса въ гражданской службѣ *).

---

*) Директорами гимназіи высшихъ наукъ, до преобразованія ея въ 1832 году въ лицей, были: В. Г. Кукольникъ (ученый юристъ), И. С. Орлай (извѣстный латинистъ и медикъ) и Д. Э. Ясновскій, послѣдній генераль-адъютантъ.

Изъ сказаннаго видно, что поверхностный энциклопедизмъ положенъ былъ въ основу Нѣжинской гимназiи высшихъ наукъ, какъ и въ основанiе западно-русскихъ подобныхъ заведенiй, и что поэтому — и она могла сообщать своимъ воспитанникамъ только поверхностное, хотя и многостороннее образованiе. Гимназiя князя Безбородко гордится воспитанниками первыхъ выпусковъ: Гоголемъ, Кукольниковъ, Гребенкою, Рѣдкинымъ, Рославскимъ и Домбровскимъ. Но лучшiй изъ выпущенныхъ ею писателей, Гоголь, вотъ что говоритъ о своемъ научномъ образованiи: «Нужно удивляться, что я въ этомъ заведенiи могъ столько узнать еще.... Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнiя и пр., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, прiѣхавши сюда съ нѣкоторыми познанiями въ языкахъ, выѣзжали позабывши послѣднiя. Если я что знаю, то этимъ обязанъ единственно самому себѣ» *). Такой, быть можетъ даже слишкомъ рѣзкiй, отзывъ даровитаго воспитанника, произносимый тотчасъ по выходѣ изъ заведенiя, легко объясняется громаднымъ объемомъ разнородныхъ предметовъ проходимыхъ въ очень короткое время (три послѣднiе года), сравнительно весьма немногими профессорами. — Съ другой стороны, Гоголь и другiе литературные таланты, получившiе въ Нѣжинской гимназiи воспитанiе, обязаны своимъ развитiемъ не тогдашнему преподаванiю, но тому «направленiю, которое, господствовало тогда, — по словамъ Рѣдкина — между воспитанниками и которое выражалось не только въ страсти къ чтенiю, но и въ начаткахъ литературной дѣятельности.... воспитанники высшихъ классовъ, никѣмъ не руководимые кромѣ чтенiя образцовъ и своихъ природныхъ наклонностей и способностей, занимались изданiемъ, разумѣется, рукописнымъ и въ одномъ экземплярѣ, многихъ журналовъ и альманаховъ, которые по выходѣ читались и критиковались среди небольшого кружка, въ тѣсной комнаткѣ, выдѣленной изъ

тантъ Румянцова-Задунайскаго. При Ясновскомъ (до 1835 года) гимназiя преобразована была въ лицей.

*) Письмо Гоголя къ матери отъ 1 марта 1828 г. Зап. о жизни Гоголя, томъ I, стр. 52, 53.

квартиры гувернера *). «Настоящимъ ученымъ своимъ образованіемъ профессоръ Рѣдкинъ обязанъ Московскому университету и слушанію лекцій за границею. Можно вообразить, какое великолѣпное юридическое образованіе могли вынести слушатели изъ лекцій напр. профессора Бѣлевича, который опредѣлялъ различіе между воровствомъ-кражею и воровствомъ-грабежемъ, подражая лаю собаки, которая издыхаетъ отъ отравы, брошенной тихо крадущимся ночнымъ воромъ, и громкимъ крикомъ и стономъ людей грабимыхъ среди бѣла дня**). Самъ Гоголь, въ своей неудавшейся профессорской и ученой дѣятельности, и покойный профессоръ университета св. Владиміра Домровскій, — оба получившіе ученое образованіе исключительно въ Нѣжинѣ, — служили лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало солидныхъ научныхъ свѣдѣній могла вынести изъ гимназій высшихъ наукъ ея воспитанники.

Въ 1832 году обнаруживается въ общей системѣ министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи стремленіе противоположное такъ называемымъ гимназіямъ высшихъ наукъ, которыя были основаны на странной смѣси общаго образованія съ поверхностнымъ, спеціальнымъ. Вслѣдствіе этого, гимназія князя Безбородко была подвергнута радикальному преобразованію: уставомъ 7 октября 1832 года положено низшіе классы ея постепенно закрыть и оставить только три высшіе курса подъ именемъ *лицея князя Безбородко*. По составу кафедръ, цѣль лицея состояла въ распространеніи знаній физико-математическихъ. — Въ лицей принимались молодые люди, выслушавшіе предварительно гимназическій курсъ въ гимназіяхъ или дома; изъ лицея выпускались воспитанники только съ правомъ на чинъ 14 класса. — Въ такомъ видѣ Нѣжинскій лицей поступилъ въ составъ новообразовавшагося Кіевскаго учебнаго округа ***).

*) Біогр. Сл. Мос. университета, II, стр. 378, 379.

**) Гоголь, по словамъ одного его совоспитанника, удивительно вѣрно копировалъ эту лекцію Бѣлевича.

***) Новому преобразованію въ юридическое заведеніе лицея былъ подвергнутъ въ 1840 году. Тогда же учреждена въ Нѣжинѣ и гимназія.

Въ 1832 году волненія утихли въ западномъ краѣ, крайней-мѣрѣ наружно; въ глубинѣ его таились и старая вражда и старыя надежды... Но и на поверхности страны лежали печальные слѣды только-что конченной борьбы; взглядъ на нихъ могъ шевелить сильно наболѣвшія, едва начинавшія заживать раны. И теперь на Воляни, напр. въ Менджирчѣ и Лудкѣ, бросаются въ глаза путешественнику опустѣлыя, огромныя монастырскія и училищныя зданія съ выбитыми окнами, оторванными дверями, печально стоящія среди поросшихъ бурьяномъ дворовъ, напоминая о той жизни и дѣятельности, которая была и быліемъ поросла. Гораздо грустнѣе было за четверть вѣка тому назадъ, когда на обломкахъ старой системы народнаго образованія, пустыремъ стояли многія старыя учебныя заведенія вмѣстѣ съ упраздненными монастырями. Надо было думать объ томъ, чтобы скорѣе загладить эти печальные слѣды минувшаго.

По высочайшему указу, 14 декабря 1832 года, учрежденъ былъ особый Кіевскій учебный округъ изъ губерній Черниговской, Кіевской, Волянской и Подольской и ввѣренъ управленію дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Егора Ѳедоровича фонъ-Брадке*. — Учрежденіе его почти совпадало съ вступленіемъ въ управленіе министерствомъ достопамятнаго *С. С. Уварова*, радикально измѣнившаго и сильно подвинувшаго впередъ наше народное образованіе. «Общая наша обязанность,— говорилъ онъ, оповѣщая попечителей всѣхъ округовъ о вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ, — состоятъ въ томъ, чтобы народное образованіе, согласно съ высочайшимъ намѣреніемъ августѣйшаго монарха, совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности.» — Въ духѣ этихъ началъ должна была устроиться и новая система образованія въ западно-русскомъ краѣ, началъ, какъ мы видимъ, совершенно противоположныхъ прежней системѣ, основанной на католицизмѣ, конституціи и польской народности. — Трудно было вводить направленіе, такъ рѣзко противорѣчившее прошлому. Надо было дѣйствовать исподоволь и осторожно, опасаясь задѣть неугаснувшія антипатіи; слѣдовательно тутъ много зависѣло отъ способности второстепенныхъ исполнителей — а гдѣ было Брадке

взять ихъ? Не рѣдко случалось, что среди запуганныхъ мѣстныхъ жителей, какой-нибудь учитель русскаго языка, не понимая всей неловкости своего поступка, читалъ оду своего издѣлія, въ которой, летая по холмамъ Гелікона, восклицалъ торжественно и съ гордостію «я Россія!» *). Бывало и то, что самъ директоръ заведенія, въ торжественной рѣчи, неловко лстя присутствующему городничему и другимъ мѣстнымъ властямъ, называлъ ихъ «отблескомъ Божества» **). — Встрѣчается въ старыхъ дѣлахъ и такой, напримѣръ, случай, что начальникъ учебнаго заведенія требуетъ отъ католическаго священника, чтобы онъ читалъ ученикамъ священную исторію, не по избранной имъ книгѣ *Historia starego i nowego Testamentu*, но по изданной святѣйшимъ синодомъ для православныхъ «Краткой Священной Исторіи» ***). Такихъ ловкихъ и искусныхъ проводниковъ тройственнаго начала православія, самодержавія и народности было не мало. Плоды ихъ дѣятельности оказались позднѣе въ новомъ университетѣ. — Оттого мы и почли нужнымъ привести здѣсь эти факты.

Какъ бы то ни было, со второй половины 1832 г., уже начали открываться въ замѣнъ старыхъ новыя учебныя заведенія. Въ декабрѣ 1832 года и въ теченіи 1833 года уже были открыты 4 гимназіи (Луцкая, Винницкая, Каменецъ-Подольская и Житомирская), 6 уѣздныхъ и 26 приходскихъ училищъ. Всѣ учебныя заведенія среднія и низшія, какъ вновь открываемыя, такъ и тѣ, въ которыхъ ученіе не прерывалось, были устроиваемы на точномъ основаніи устава 1828 года. Новый министръ возсталъ противъ существовавшей прежде системы смѣшенія высшихъ учебныхъ заведеній, какъ специальныхъ и окончательныхъ, съ средними, какъ общими и приготовительными, и среднихъ въ свою очередь съ низшими. «Правительство не можетъ согласиться, говоритъ онъ, чтобы среднія учебныя заведенія (какъ напр. благородные пансіоны) образовались въ видѣ отдѣльныхъ,

---

*) Дѣло объ открытіи гимназій по округу въ 1832 и 1833 годахъ.

**) Ibid.

***) Ibid.

въ видѣ окончательныхъ мѣстъ воспитанія, чтобы, возвращаясь къ прежнему безпорядку, питомцы оныхъ, получая за поверхностное энциклопедическое образованіе значительныя чины, выходили отголѣ прямо въ гражданскую службу, минуя университеты *)».

Заботясь объ учрежденіи среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ-особенности для трехъ западныхъ губерній, министерство и попечитель заботились и объ основаніи при нихъ благородныхъ пансіоновъ, исключительно для дворянства, «которое будучи по духу коренныхъ учреждений столь рѣзко отлучено еще отъ прочихъ сословій, не оказывало довѣрія къ гимназіямъ, и парализовало благотѣльные попеченія высшаго правительства, открывавшаго гимназій для людей всякаго состоянія **).» Вслѣдствіе этого при Кіевской гимназій открытъ былъ, въ 1834 году, первый благородный пансіонъ и приняты дѣятельныя мѣры къ умноженію числа подобныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

Недоставало высшаго центрального учебнаго заведенія въ краѣ. Еще въ 1832 году, во время пребыванія императора Николая I въ Харьковѣ, тогдашній попечитель округа дѣйствительный статскій совѣтникъ Филатьевъ выразилъ мысль о переводѣ Кременецкаго лица, вмѣсто Житомира, въ Кіевъ. Докладная записка его о постройкѣ въ Кіевѣ зданій для лица представлена была государю въ бытность его въ Кіевѣ графомъ Левашовымъ. Государь императоръ высочайше утвердилъ предположеніе и избранное для этого мѣсто, гдѣ стояла гимназія, которая должна была войти въ составъ лица. Вслѣдъ за тѣмъ, составлены были въ Харьковѣ архитекторомъ Тономъ планы, фасадъ и смѣты на постройку зданій лица, а министерство распорядилось объ ассигнованіи суммъ на перевозку лица въ Кіевъ. Въ тоже время генераль-губернаторъ графъ Левашовъ вошелъ съ представленіемъ объ учрежденіи въ Кіевѣ для образованія гражданскихъ чиновниковъ «института правовѣднія», подѣ

---

*) Циркулярное предложеніе о благородныхъ пансіонахъ при гимназіяхъ, 16 мая 1833 года.

**) Ibid.

именемъ института Св. Владимира, на счетъ капиула императорскихъ и царскихъ орденовъ. 9 Мая 1833 года государь императоръ утвердилъ положеніе комитета гг. министровъ о предоставленіи канцлеру орденовъ сдѣлать распоряженіе, какъ объ отпускѣ одновременно на первоначальное устройство и образованіе учреждаемаго института св. Владимира 150,000 р. асс., такъ и впередъ на содержаніе его по 12,000 р. ежегодно изъ суммъ капиула.

Итакъ, Кіеву вмѣсто одного высшаго центрального заведенія готовилось два: одно въ родѣ старыхъ гимназій высшихъ наукъ, другое чисто спеціальное по одной отрасли, нѣчто въ родѣ юридическаго факультета.

Переводить въ Кіевъ лицей въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ Кременцѣ, значило прямо — противорѣчить основной мысли министра, что «дѣлать изъ среднихъ учебныхъ заведеній университеты въ сокращенномъ видѣ, сосредоточивать отрывками въ нихъ то, что принадлежитъ въ цѣлости университетамъ, — значитъ не только не вмѣщать никакой пользы, но затруднять болѣе и болѣе развитіе народнаго образованія» *).

Учреждать одинъ факультетъ для образованія гражданскихъ чиновниковъ, при тогдашнемъ ограниченіи права мѣстныхъ уроженцевъ на занятіе гражданскихъ мѣстъ въ западныхъ губерніяхъ, значило явно отнимать у нихъ право на высшее образованіе, для распространенія котораго въ западномъ краѣ сдѣлано было столько пожертвованій и поднято столько усилій. — Да при томъ спрашивалось: если не повторять ошибки предыдущаго времени учрежденіемъ гимназій высшихъ наукъ, подъ другимъ только именемъ, если не заводитъ того въ Кіевѣ, что только-что уничтожено было въ Нѣжинѣ, — то куда дѣвать богатые кременецкія и виленскія коллекціи? Институту правовѣдѣнія естественно-историческихъ коллекцій ненужно. Сверхъ-того самыя обстоятельства края требовали, чтобы правительство, уничтоживъ Виленскій университетъ, замѣнило его другимъ. Все это знали и очень хорошо обдумали и министръ, и генераль-губерна-

---

*) Циркуляръ о благородныхъ пансіонахъ.

торъ, и попечитель. Вспоминали и о томъ, что еще въ 1803 году извѣстный Н. П. Демидовъ пожертвовалъ капиталъ въ 50,000 р. серебр. на основаніи университета въ Кіевѣ.

Осенью 1833 года генералъ-губернаторъ, графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, переговоривъ съ попечителемъ, отправился въ Петербургъ. *31-го октября 1833 года*, на всеподданнѣйшемъ докладѣ управлявшаго министерствомъ народного просвѣщенія, С. С. Уварова, о причинахъ, по которымъ желательно было бы имѣть въ Кіевѣ университетъ, государь императоръ Николай Павловичъ собственноручно написалъ: *«Совершенно согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы были только два факультета, философскій и юридическій; медицинскій имѣть въ виду; богословскаго-же не имѣть: ибо для сего есть академія.»*

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

Мѣры къ открытію университета св. Владиміра. — Уставъ. — Торжество открытія. — Періоды университетской жизни.

Первая официальная вѣсть о высочайшемъ соизволеніи государя императора на учрежденіе университета св. Владиміра получена въ Кіевѣ 11 ноября 1833 года. Тогда же попечитель округа посѣдѣшилъ извѣстить объ этой монаршей милости директоровъ и почетныхъ попечителей всѣхъ гимназій для оповѣщенія чиновниковъ и дворянъ округа. Вслѣдъ за тѣмъ (23 ноября) получена была копія съ именнаго высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 8-й день ноября 1833 года.

«Обращая непрерывное вниманіе Наше на успѣхи общаго, истинно-народнаго воспитанія въ государствѣ, признали Мы за благо, по переводѣ волынскаго лицея изъ Кременца въ Кіевъ, преобразовать оный въ высшее учебное заведеніе съ надлежащимъ распространеніемъ и на твердыхъ основаніяхъ, преимущественно для жителей кіевской, волынской и подольской губерній, коихъ наслѣдственное усердіе въ пользу просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній того края. Такимъ образомъ, избравъ городъ Кіевъ, съ давнихъ лѣтъ къ учрежденію университета предназначаемый, равно драгоцѣнный для всей Россіи, колыбель святой вѣры нашихъ предковъ и, вмѣстѣ съ симъ, первый

свидѣтель ихъ гражданской самобытности, Мы повелѣли учредить въ ономъ университетѣ подь особымъ покровительствомъ и въ память великаго просвѣтителя Богомъ врученной Намъ страны, на слѣдующихъ началахъ:

1) Въ Кіевѣ открываемый университетъ наименовать императорскимъ университетомъ св. Владиміра.

2) Университетъ сей составить изъ двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Учрежденіе въ ономъ факультета медицинскаго предоставляемъ Мы, впослѣдствіи, собственному Нашему усмотрѣнію.

3) Университету св. Владиміра присвоиваются всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ вольнской, подольской и кіевской губерній для вольнскаго лицея, кои и имѣють составлять впредь неприкосновенную сего университета собственность. Сверхъ того, на содержаніе университета св. Владиміра и на возведеніе зданій, обращаются всѣ источники и суммы, подробно исчисленныя въ утвержденномъ Нами сего числа докладѣ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. За симъ недостающую на содержаніе университета сумму пополнять изъ государственнаго казначейства.

4) Министерство народнаго просвѣщенія имѣеть подь непосредственнымъ руководствомъ Нашимъ начертать нынѣ же уставъ и штатъ университета св. Владиміра и поднести оныя на Наше утвержденіе».

Едва разнеслась первая вѣсть объ этомъ многознаменательномъ для края событіи, какъ она сдѣлалась насущною пищею разговоровъ во-всѣхъ слояхъ кіевскаго общества. Чувство благодарности къ императору перемѣшивалось съ самыми разнообразными надеждами и ожиданіями. Но рядомъ съ выраженіемъ надеждъ, быть-можетъ, слишкомъ богатыхъ и мечтательныхъ, слышались сомнѣнія и опасенія. Свѣжи еще были въ обществѣ воспоминанія о недавнихъ событіяхъ въ краѣ, не улеглись еще страсти, возбужденныя этими событиями. Многіе боялись вѣрить скорому осуществленію надежды на открытіе университета, другіе сомнѣвались даже въ возможности его существованія среди слишкомъ еще натянутыхъ

мѣстныхъ общественныхъ отношеній *). Но какъ ни разнообразны были толки, всѣ они сводились къ одной мысли о томъ, что въ древнемъ городѣ готовится событіе важное, рѣзко выходящее изъ круга явленій его обыкновенной жизни. Смутно предчувствовали это, по слухамъ съ чужихъ словъ, даже люди, далеко не сознававшіе всего значенія университета.

Всѣхъ болѣе радовался, всѣхъ болѣе и яснѣе сознавалъ всю важность университета и всѣ затрудненія къ открытію его, тотъ, у котораго университетъ былъ завѣтною мечтою, кто болѣе всѣхъ трудился надъ осуществленіемъ ея, кому городъ и край обязаны были по преимуществу царскою милостію. За то глубокое сочувствіе и признательность громко выражались къ попечителю округа, *Егору Федоровичу фонъ-Брадке*, во-всѣхъ слояхъ кievскаго общества, вездѣ гдѣ онъ ни появлялся. Скоро стали доноситься до него отзывы общественного мнѣнія изъ окрестныъ губерній.

«Извѣщеніе объ учрежденіи университета, — писалъ одинъ директоръ, — обрадовало меня и всѣхъ тѣхъ, кому я успѣлъ сообщить о сей монаршей милости. Таковое счастливое для здѣшняго края событіе должно восхищать всякаго благомыслящаго, тѣмъ болѣе, что новое сіе заведеніе будетъ возникать и усовершенствоваться подъ руководствомъ начальника, неусыпно пекущагося о ввѣренной ему государственной части и объ общемъ добрѣ **»).

«Извѣстіе это — писалъ другой директоръ, — я принялъ въ отношеніяхъ моего вѣдомства, самой страны, всего отече-

---

*) На эти мнѣнія о затрудненіяхъ къ открытію университета есть официальные свидѣтельства: во-первыхъ, въ объявленіяхъ объ открытіи университета, разосланныхъ совѣтомъ университета жителямъ края, гдѣ, между прочимъ, сказано: «основаніе университета въ семь году сопряжено было съ толикими затрудненіями, что открытіе его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ.» Во-вторыхъ, г. министръ народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ государю императору объ открытіи университета, 15 іюля 1834 года, между прочимъ говоритъ: «Сіе исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія сопряжено было съ многоразличными затрудненіями.»

***) Директоръ лицея князя Безбородко Д. Яновскій, ноября 18-го, за № 264.

ства, учености и лично моею съ неописанною радостію. Съ благоговѣніемъ видя сіе великое событіе въ предѣлахъ наукъ, столь благопріятное возрожденіе ихъ въ новую славу мѣста, исполненіемъ преданности моею и вѣреннаго мнѣ заведенія побуждаюсь принести вашему превосходительству поздравленіе и въ лицѣ вашѣмъ всей власти глубочайшую благодарность *)».

«Этотъ добродѣтельное изліяніе умной и государственной объ наукахъ бдительности, — писалъ одинъ почетный попечитель, — достовѣрно возродитъ въ нихъ всемѣрную старательность, дабы мы столь великолѣпной всепресвѣтлѣйшаго государя опеки и столь дѣятельно вашимъ превосходительствомъ береженному возрасту наукъ могли достойно отвѣтствовать. Всякъ, хотя бы и въ наименьшемъ округѣ св ихъ дѣяній, всѣми силами стараться будетъ о распространеніи сущаго образованія, основаннаго на святыхъ правилахъ закона Божія и дабы въ томъ попеченіи, столь пріятномъ Богу а полезномъ обществу, никому упредить себя не дозволить **).

Наконѣцъ одинъ изъ почетныхъ попечителей выразилъ свои чувства въ слѣдующихъ словахъ: «Чувствую каково увеселеніе сіе высочайшая милость, клонящаяся къ образованію юношества, принесетъ сердцамъ родителей, бывъ очевидцемъ несравненнаго утѣшенія, благодарности и стремленія къ наукамъ при первомъ открытіи волынской гимназій въ Кременцѣ. Воспитывать дѣтей есть то прихоть господствующая родинѣ нашихъ, которые ежечастью посвѣщали все свое состояніе, то по сему самому не могучь не возчувствовать сихъ щедротъ всеавгустѣйшаго монарха, употребившаго на соотвѣтственную цѣль ихъ приношеній и увеличившаго оныя съ своей стороны на улучшеніе средствъ къ воспитанію наслѣдственнаго племени.... Дай Богъ, чтобы престарѣлый мой вѣкъ дозволилъ мнѣ счастливо насладиться зрѣніемъ того торжественнаго обряда, дабы могъ раздѣлить еще мои чувства съ радостію вообще трехъ губерній, ко-

*) Директоръ новгородъ-сѣверской гимназій, Илья Тимковскій, 21 ноября, за N° 341.

**) Почетный попечитель волынской гимназій, камергеръ Скибицкій 28 ноября, N° 199.

торыя сего съ совершенною жаждою довѣли, сколь же утѣшительно на самое послѣдствіе смотрѣть будутъ. Примите ваше превосходительство отъ меня по должности, въ которую отцами семействъ избранъ, благодарность за неотомимое усердіе ваше къ благу дѣтей ихъ... *)».

Читая теперь эти, довольно нескладно выраженные изъясненія чувствъ современниковъ основанія университета, мы невольно улыбаемся, — но они важны не по формѣ своей, а по содержанию, какъ живое выраженіе тогдашняго общественнаго мнѣнія. Въ нихъ достойный попечитель округа могъ слышать утѣшительное признаніе заслугъ его и откликъ на чувства, волновавшія его благородную душу, при мысли о важности учрежденія, которымъ край обязанъ его предстательству у престола.

25 декабря 1833 года, въ день, посвященный празднованію всемірно-историческаго событія въ жизни христіанскаго міра и воспоминанію о великомъ событіи въ жизни русскаго народа, государь императоръ Николай I-й утвердилъ проектъ устава и штатъ университета св. Владиміра.

Такъ какъ организація, данная университету св. Владиміра проектомъ устава, отличалась отчасти и отъ организаціи существовавшихъ въ то время другихъ русскихъ университетовъ и отъ той, какую онъ получилъ впослѣдствіи, по окончательному уставу 1842 года, — то не лишнимъ будетъ изложить въ общихъ чертахъ уставъ 1833 года.

1) Университету св. Владиміра, принятому подъ особое покровительство его императорскаго величества, предоставлены были всѣ права и преимущества прочихъ университетовъ въ государствѣ. Онъ ввѣрялся ближайшему начальству попечителя округа, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго все внутреннее управленіе университета должно принадлежать совѣту изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и синдика, подъ предсѣдательствомъ ректора. Вообще предметы занятій *совѣта* заключались: въ избраніи членовъ ученаго сословія, въ опредѣленіи и увольненіи всѣхъ учителей

---

*) Почетный попечитель подольскихъ гимназій, О. Држевецкій, отъ 8 декабря, за № 60.

и другихъ чиновниковъ какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ его округа, въ мѣрахъ къ устройству и правильному ходу ученой и учебной части какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ округа. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Ректоръ, непосредственный начальникъ университета, избирался въ совѣтъ по большинству голосовъ на два года изъ ординарныхъ профессоровъ и утверждался въ этомъ званіи высочайшею властію. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни ректора, мѣсто его заступаетъ проректоръ, избираемый ежегодно совѣтомъ изъ членовъ своихъ и утверждаемый министромъ.

Всѣми хозяйственными дѣлами по университету и округу должно было завѣдывать *правленіе* университета, которое, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляли деканы, совѣтникъ по управленію фондами и недвижимымъ имуществомъ и синдикъ.

Управленіе учебною частію училищъ, существующихъ въ округѣ, ближайшимъ образомъ ввѣрялось *училищному комитету*, какъ отдѣленію совѣта. Въ немъ предсѣдательствовалъ ректоръ и присутствовали избираемые на два года и утверждаемые попечителемъ, три профессора и синдикъ.

Наблюденіе за нравственностію и поведеніемъ студентовъ вообще, и казеннокоштныхъ въ-особенности, имѣли *инспекторъ* и два его *помощника*.

Сверхъ того, по части дѣлопроизводительной и въ-особенности хозяйственной и полицейской, назначено определенное количество чиновниковъ.

Наконецъ къ личному составу университета принадлежатъ: бібліотекаръ съ секретаремъ и двумя помощниками и хранители разныхъ университетскихъ коллекцій.

II) *Учебная* часть университета проектомъ устава была организована первоначально слѣдующимъ образомъ:

Университетъ св. Владиміра составленъ былъ изъ двухъ факультетовъ: философскаго, раздѣленнаго на два отдѣленія, и юридическаго.

Въ составъ философскаго факультета входили слѣдующія кафедры: а) по *1-му отдѣленію*: 1) философія, 2) греческая

словесность и древности, 3) римская словесность и древности, 4) російская словесность и 5) всеобщая и російская исторія и статистика. в) по 2-му отдѣленію: 1) чистая и прикладная математика, 2) астрономія, 3) физика и физическая географія 4) химія, 5) минералогія и геогнозія, 6) ботаника, 7) зоологія, 8) технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Въ факультетѣ *юридическомъ* преподавались: 1) общее систематическое обозрѣніе законовѣдѣнія (энциклопедія правъ) 2) основные законы и учрежденія російской имперіи, законы о состояніяхъ людей въ государствѣ, 3) російскіе гражданскіе законы, какъ общіе, такъ и особенные, какъ то: кредитные, торговые и о фабрикахъ, со включеніемъ и тѣхъ мѣстныхъ законовъ, которые дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ; 4) російскіе уголовные законы; 5) законы благочинія, 6) законы о государственныхъ повинностяхъ и о финансахъ, 7) римское законодательство въ связи съ внутреннею и виѣшнею исторіею его.

Для преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ назначено въ университетѣ пятнадцать профессоровъ ординарныхъ, четыре экстраординарныхъ и шесть адъюнктовъ. Въ ординарные и экстраординарные профессора могъ быть избранъ только докторъ и магистръ того факультета, къ которому принадлежитъ кафедра.

Сверхъ того для догматическаго и нравоучительнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго права опредѣлены двѣ особыя кафедры, не принадлежащія къ факультетамъ: одна для студентовъ греко-россійскаго, а другая для студентовъ римско-католическаго исповѣданія.

Профессоры этихъ кафедръ избирались изъ духовныхъ лицъ по сношенію съ епархіальными начальствами.

Въ университетѣ полагались лекторы языковъ: французскаго, нѣмецкаго, италіянскаго и польскаго, и учителя искусства: рисованія, музыки, танцованія, фехтованія, вольтижерованія и верховой ѣзды.

Университетское преподаваніе вообще раздѣлялось на полугодія. Полный курсъ продолжался четыре года, изъ коихъ послѣдній, особенно для казенныхъ студентовъ, могъ

быть преимущественно посвященъ спеціальнымъ и практическимъ трудамъ по избранной отрасли наукъ.

За направлениемъ, постепенностию и уснѣхомъ преподаванія въ факультетахъ должны были наблюдать три *декана*, два — по философскому, и одинъ — по юридическому, избираемые ежегодно совѣтомъ и утверждаемые министромъ. Подъ предсѣдательствомъ ихъ происходили факультетскія собранія изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Предметы занятій факультетскихъ собраній заключались въ правильномъ устройствѣ преподаванія по факультетамъ, въ испытаніяхъ студентовъ и желающихъ получить ученые степени и въ ценсурѣ сочиненій, издаваемыхъ профессорами на счетъ университета.

III. Относительно приема, состава и выпуска *слушателей* университетскихъ лекцій, проектомъ устава постановлены слѣдующія основныя правила:

Все поступающіе въ университетъ должны выдержать предварительное испытаніе изъ предметовъ гимназическаго курса.

Приемъ студентовъ назначался два раза въ годъ.

Все служащіе и не служащіе чиновники, первые съ разрѣшенія своего начальства, могутъ посѣщать университетскія лекціи, по выдержаніи предварительнаго испытанія, въ качествѣ вольныхъ слушателей.

При университетѣ находилось опредѣленное число казеннокоштныхъ студентовъ, коихъ комплектъ на первый разъ полагался пятьдесятъ, въ томъ числѣ двадцать шесть предназначались въ учительское званіе и двадцать четыре въ гражданскіе чиновники.

Казеннокоштные студенты, предназначаемые къ званію учителей, сверхъ слушанія университетскихъ курсовъ, получали руководство въ практическихъ упражненіяхъ отъ профессоровъ русской словесности, древнихъ языковъ, математики и философіи, изъ коихъ послѣдній долженъ преподавать педагогію, — сочиняли разсужденія, произносили пробныя лекціи и подъ надзоромъ профессоровъ давали уроки въ училищахъ.

Казеннокоштные студенты, назначаемые для приготавленія въ гражданскіе чиновники, сверхъ слушанія курсовъ юри-

дическаго факультета, должны заниматься практически подъ руководствомъ одного изъ факультетскихъ профессоровъ по назначенію совѣта. Въ послѣдній же годъ бытности въ университетѣ они употреблялись, въ свободное отъ лекцій время, для практики въ университетскомъ правленіи подъ руководствомъ синдика и секретарей. — Списки оканчивающихъ курсъ студентовъ правовѣдѣнія должны препровождаться съ подробнымъ объясненіемъ ихъ знаній и нравственныхъ качествъ къ кievскому военному губернатору для распределенія студентовъ въ государственную службу, по способностямъ, въ губерніяхъ кievской, волынской и подольской.

Всѣ вообще казенные студенты обязаны по выходѣ изъ университета прослужить въ томъ вѣдомствѣ, въ какое они начальствомъ опредѣлены будутъ (срокъ не опредѣленъ).

Вотъ въ общихъ чертахъ устройство, которое долженъ былъ получить новый университетъ по первоначальному уставу 1833 года. Еще въ высочайшемъ указѣ, 8 ноября 1833 г, указаны были и первыя *матеріальныя средства* на содержаніе университета и на возведеніе зданій его. Средства эти заключались:

1) Въ доходахъ съ фондушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ кievской, волынской и подольской губерній для волынскаго лицея и обращаемыхъ въ неприкосновенную собственность университета. Въ 1833 году фондушевые капиталы состояли изъ

4,796 р. — асс. золотомъ
509,485 — 85 к. сер.
44,696 — 99 ³ / ₄ к. асс.

Всего на ассигнаціи	1,832,695 р. 47 ¹ / ₄ к.
На серебро	523,627 р. 28 ⁶ / ₇ к.

Доходы съ капиталовъ лицея въ 1833 году состояли въ 115,000 р. ассигн., или 32,857 р. 14 к. сереб.

2) Въ процентахъ съ пожертвованнаго дворянствомъ кievской губерніи въ 1805 году на содержаніе кievской гимназіи и нѣкоторыхъ повѣтовыхъ училищъ капитала, который въ 1833 году взросъ до 489,489 руб. 19¹/₂ коп. асс., или 139,854 р. сер.

Изъ доходовъ съ этого капитала предположено было исключить сумму, ежегодно употребляемую на уѣздныя училища въ Махновкѣ и Радомыслѣ, и одновременно— сумму, необходимую на первоначальное обзаведеніе при кievской гимназiи благороднаго пансіона

3) Въ 12,900 р. асс., или 3685 р. сер., ежегодно отпускаемыхъ, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія комитета гг. министровъ 9 мая 1833 года, изъ капиула императорскихъ и царскихъ орденовъ на предполагавшійся къ учрежденію въ Кіевѣ институтъ правовѣдѣнія, который долженъ былъ теперь войти въ составъ университета.

4) Въ суммѣ 2,970 р. сер. ежегодно отпускаемой изъ поіезуитскихъ общихъ доходовъ на конвиктъ для бѣдныхъ дѣтей, который вмѣстѣ съ существовавшими съ нимъ при вальнскомъ лицѣѣ, механическою школою и училищемъ землемѣровъ, причисленъ къ кievской гимназiи на основаніи высочайшаго указа 25 декабря 1833 года.

Опредѣля означенные капиталы на содержаніе университета св. Владимира, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, недостающую за тѣмъ на это содержаніе сумму увеличить пособиями изъ общихъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно потребностямъ и указаніямъ опыта.—

Озабочиваясь обезпеченіемъ будущности новоучреждаемаго университета, правительство опредѣлило слѣдующія суммы на *возведеніе зданій* его:

1) Капиталъ въ 50,000 р. асс., пожертвованный дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Демидовымъ на университетъ въ Кіевѣ и взросшій въ 1833 году до 200,000 р. асс., или 57,142 р. 85 к. серебромъ.

2) Принятыя изъ капиула императорскихъ царскихъ орденовъ 150,000 р. ассиг., или 42,857 р. 14 к. серебромъ, на обзаведеніе института правовѣдѣнія.

3) Полученные изъ комиссіи духовныхъ училищъ 200,000 р. асс., или 57,142 р. 85 к. сер., за уступку въ Кременцѣ зданій, принадлежавшихъ вольнскому лицѣю; наконецъ

4) Суммы назначенныя на постройку отмѣняемаго съ учрежденіемъ университета лица въ мѣстечкѣ Оршѣ и за-

ключавшіяся въ 291,214 р. сер., вмѣстѣ съ свободными остатками съ общаго эдукаціоннаго фундуша за 1833 годъ.

Въ день подписанія проекта устава и штата университета св. Владиміра послѣдовали два высочайшіе указа: первый правительствующему сенату о приведеніи въ дѣйствіе этого устава и штата съ сохраненіемъ силы его на четыре года, соотвѣтствующихъ продолженію перваго учебнаго курса; второй на имя управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о распоряженіяхъ къ открытію университета св. Владиміра, при первой возможности, и къ начатію въ немъ публичныхъ курсовъ, не ожидая замѣщенія всѣхъ каедръ. При чемъ на непосредственное усмотрѣніе г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія возложенъ былъ первый выборъ и назначеніе всѣхъ преподавателей и чиновниковъ новаго университета.

Съ 16 января по 15 іюля 1834 года, т. е., со дня полученія попечителемъ округа копіи съ означенныхъ указовъ по день открытія университета, ровно въ теченіе полугода, мѣстное учебное и гражданское начальство предпринимало мѣры къ приведенію въ дѣйствіе высочайшихъ предначертаній касательно образованія университета. Мѣры эти не представляли блестящихъ результатовъ, быть-можетъ, вслѣдствіе поспѣшности онѣ соединены были съ нѣкоторыми ошибками, которыя оказались впоследствии и имѣли невыгодное вліяніе на первоначальную судьбу университета. Тѣмъ не менѣе онѣ важны, какъ первыя основанія важны для капитальнаго зданія, — трудны, какъ труденъ первый шагъ въ каждомъ предпріятіи, особенно если принять во-вниманіе мѣстныя обстоятельства края, еще недавно взволнованнаго смутными событіями 1830 и 1831 годовъ. Общее мнѣніе отлагало открытіе университета на многіе годы; по старанія г. министра народнаго просвѣщенія Сергія Семеновича Уварова, при просвѣщенномъ участіи кievскаго военнаго, подольскаго и вольнскаго генераль-губернатора графа Василя Васильевича Левашова, дали возможность неутомимой и благоразумной дѣятельности попечителя округа Егора Ѳедоровича фонъ-Брадке преодолѣть всѣ препятствія къ скорому исполненію высочайшей воли. Особенно трудно было замѣстить достой-

нымъ образомъ кафедры университета. Если недостатокъ въ способныхъ и достойныхъ преподавателяхъ чувствовался въ то время и въ другихъ русскихъ университетахъ, тѣмъ труднѣе было замѣщеніе всѣхъ кафедръ новаго университета, особенно по юридическому факультету, который въ университетѣ св. Владиміра предназначался въ такомъ объемѣ, въ какомъ онъ дотолѣ не существовалъ. Затрудненіе еще болѣе увеличивалось въ томъ отношеніи, что кромѣ общихъ условій, требуемыхъ отъ университетскаго профессора его званіемъ, на преподавателей новаго университета мѣстныхъ обстоятельства возлагали какъ бы особенную миссію. «Учрежденіе высшаго учебнаго заведенія для западныхъ губерній,— писалъ попечитель округа къ министру народнаго просвѣщенія,— кромѣ общей всѣмъ подобнымъ заведеніямъ цѣли, должно имѣть цѣлью сближеніе жителей сихъ губерній къ русскимъ правамъ и обычаямъ, уменьшеніе религіознаго фанатизма въ отношеніи къ частному ихъ исповѣданію и содѣланіе имъ любезнымъ общаго отечества». (Отношеніе попечителя министру народнаго просвѣщенія 16 сентября 1833 года, N° 64). На преподавателей, которые приготовлялись въ дерптскомъ профессорскомъ институтѣ и при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, университетъ св. Владиміра въ началѣ расчитывать не могъ какъ потому, что эти преподаватели предназначались для другихъ университетовъ, такъ и потому, что многіе изъ нихъ еще довершали свое образованіе за-границею. Поэтому начальство новаго университета должно было замѣстить его кафедры главнымъ образомъ бывшими преподавателями волынскаго лицея, соединить преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ въ одномъ лицѣ и отложить до нѣкотораго времени организацию юридическаго факультета. Такимъ образомъ въ первоначальномъ ученomъ сословіи университета въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при открытіи, только три лица не принадлежали къ числу лицейскихъ профессоровъ. Сословіе это составляли:

По кафедрамъ *богословія*:

1) Православнаго исповѣданія протоіерей Иванъ Михайловичъ *Скворцевъ*, ординарный профессоръ философіи въ кiev-

ской духовной академіи, докторъ богословія, получившій образованіе въ с.-петербургской духовной академіи (40-ка лѣтъ).

2) Римско-католическаго исповѣданія Іустинъ Казимировичъ *Ходыкевичъ*, магистръ богословія, получившій образованіе въ динабургскомъ и полоцкомъ іезуитскихъ училищахъ (45 лѣтъ).

По 1-му отдѣленію философскаго факультета.

1) По кафедрѣ русской словесности, ординарный профессоръ Михаилъ Александровичъ *Максимовичъ*, ректоръ университета, деканъ отдѣленія, магистръ физико-математическихъ наукъ и разныхъ ученыхъ обществъ членъ, получившій образованіе въ московскомъ университетѣ и служившій въ немъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ ботаники (30-ти лѣтъ).

2) По кафедрѣ римской словесности и древностей, ординарный профессоръ Максимилианъ Юрьевичъ *Якубовичъ*, членъ училищнаго комитета, магистръ философіи, получившій образованіе въ виленскомъ университетѣ и занимавшій мѣсто учителя латинскаго языка въ волынскомъ лицѣѣ (50-ти лѣтъ).

3) Адъюнктъ по кафедрѣ древней словесности и древностей, секретарь отдѣленія Іосифъ Викентьевичъ *Корженевскій*, получившій образованіе въ волынской гимназійи и въ варшавскомъ университетѣ, бывшій старшій учитель польскаго языка въ волынскомъ лицѣѣ (35-ти лѣтъ).

4) По кафедрѣ всеобщей и русской исторіи и статистики, экстраординарный профессоръ Владиміръ Францовичъ *Цыхъ*, членъ училищнаго комитета, магистръ этико-филологическаго отдѣленія, получившій образованіе въ харьковскомъ университетѣ и занимавшій въ немъ мѣсто адъюнкта по кафедрѣ всеобщей исторіи (24-хъ лѣтъ).

Лекторы языковъ: *французскаго* — Антонъ Карловичъ *Плянсонъ* (Planson), титулярный совѣтникъ, получившій образованіе въ французскихъ училищахъ (sic) и преподававшій тотъ же языкъ въ волынскомъ лицѣѣ (43-хъ лѣтъ); *нѣмецкаго* языка, Адальбертъ Францовичъ *Лидль*, обучавшійся и преподававшій тотъ же языкъ въ волынскомъ лицѣѣ (30-ти лѣтъ); *польскаго* языка Іосифъ Іосифовичъ *Микульскій*, коллежскій секретарь, помощникъ бібліотекаря, получившій воспитаніе

въ галиційскихъ училищахъ и въ вольнской гимназiи и преподававшій въ вольнскомъ лицей английскій языкъ (38-ми лѣтъ).

По 2-му отдѣленію философскаго факультета.

1) По кафедрѣ чистой и прикладной математики, ординарный профессоръ Степанъ Степановичъ *Выжескій*, деканъ отдѣленія, надворный совѣтникъ, магистръ философіи, получившій образованіе въ педагогическомъ заведеніи при виленскомъ университетѣ и бывшій учителемъ этого предмета въ вольнскомъ лицей (50-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

Адъюнктъ его, Григорій Власьевичъ *Гречина*, магистръ философіи, секретарь отдѣленія, воспитывавшійся въ вольнской гимназiи и въ виленскомъ университетѣ, учитель математики въ вольнскомъ лицей (38-ми лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

2) По кафедрѣ физики и физической географіи, ординарный профессоръ Игнатій Карловичъ *Абламовичъ*, магистръ философіи, получившій образованіе въ педагогическомъ заведеніи при виленскомъ университетѣ и слушавшій лекціи въ Парижѣ (sic), бывшій учитель этого предмета въ вольнскомъ лицей (48-ми лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

3 и 4) По кафедрамъ химіи, минералогіи и геогнозiи, ординарный профессоръ химіи Степанъ Федоровичъ *Зиловичъ*, кандидатъ, получившій воспитаніе въ педагогическомъ заведеніи при виленскомъ университетѣ и преподававшій въ званіи учителя въ вольнскомъ лицей химію, минералогію и технологію (54-хъ лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

5) По кафедрѣ ботаники — ординарный профессоръ Виллибальдъ Готлибовичъ *Бессеръ*, докторъ медицины, разныхъ ученыхъ обществъ членъ, надворный совѣтникъ, получившій образованіе въ краковской академіи, состоявшій въ званіи учителя ботаники въ вольнскомъ лицей (50-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія, изъ австрійскихъ дворянъ).

6) По кафедрѣ зоологiи — адъюнктъ зоологiи Антонъ Лукіановичъ *Андржеескій*, московскаго общества испытателей природы дѣйствительный членъ, коллежскій секретарь, получилъ воспитаніе въ вольнской гимназiи и состоялъ въ званіи по-

мощника учителя зоологiи и ботаники въ вольнскомъ лицѣѣ (50-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданiя).

7) По кафедрѣ архитектуры, ординарный профессоръ архитектуры Францъ Ивановичъ *Миховичъ*, исправляющiй должность архитектора въ университетѣ и округѣ, получившiй первоначальное образованiе въ кременецкомъ воеводскомъ училищѣ и довершившiй его за-границею, особенно въ политехнической школѣ Парижа,— бывшiй учитель архитектуры и механики въ вольнскомъ лицѣѣ (49-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданiя).

Учителемъ живописи опредѣленъ Бонавентура *Клембовскiй*, коллежскiй секретарь, воспитанникъ вольнскаго лица, продолжавшiй образованiе за-границею (32-хъ лѣтъ). Завѣдыванiе библиотекою и минць-кабинетомъ университета поручено было коллежскому ассессору Павлу *Ярковскому*, окончившему образованiе въ кременецкомъ выдзяловомъ училищѣ, занимавшему ту-же должность въ лицѣѣ. Помощниками его опредѣлены: лекторъ Микульскiй (по библиотекѣ) и Иванъ *Багилловскiй*, ученикъ вольнской гимназiи (по минць-кабинету). Таковъ былъ личный ученый составъ университета. Поставленное обстоятельствами въ необходимость сформировать его изъ старыхъ лицейскихъ профессоровъ, начальство руководилось, при назначенiи ихъ, между прочимъ тѣмъ, что всѣ они пользовались болѣе или менѣе ученою извѣстностью у мѣстнаго населенiя, если и не всѣ вполне удовлетворяли современнымъ требованiямъ университетской науки. Организуя ученое сословіе университета какъ предметъ первой важности, мѣстное начальство ввѣрило не менѣе важную право-наблюдательную часть инспектору студентовъ, отставному полковнику Ѳедору Ивановичу *Люце*, и его двумъ помощникамъ, титулярному совѣтнику *Фишеру* и штабсъ-капитану *Любимову*, получившимъ воспитанiе въ военно-учебныхъ заведенiяхъ.

Тогда же замѣщены были вакансіи прочихъ штатныхъ чиновниковъ при университетѣ слѣдующими лицами: синдикомъ университета назначенъ учитель кiевской гимназiи коллежскiй ассесоръ Александръ Григорьевичъ *Петровъ*, совѣтникомъ правленiя коллежскiй секретарь Игнатiй Петровичъ *Казачинскiй*, секретаремъ совѣта коллежскiй секретарь Ни-

колай *Черемисинъ*, секретаремъ правленія титулярный совѣтникъ *Волошинскій*, кассиромъ титулярный совѣтникъ *Кручковскій*, бухгалтеромъ *Янушевскій*, экзекуторомъ отставной маіоръ Сила Ивановичъ *Шишкинъ*. Врачемъ штабъ-лѣкаръ коллежскій ассесоръ Адальбертъ *Маевскій*.

Дальнѣйшія работы попечителя округа и предварительно учрежденныхъ имъ совѣта и правленія университета заключались: 1) въ составленіи плановъ и смѣтъ на постройку университетскихъ зданій и въ наймѣ частныхъ домовъ для временнаго помѣщенія многосложныхъ частей университета и его коллекцій; 2) въ распоряженіяхъ о приѣмѣ, перевозкѣ, размѣщеніи и устройствѣ университетскихъ коллекцій, перевозимыхъ изъ Кременца и Вильно; 3) въ распоряженіяхъ о приѣмѣ и устройствѣ университетскихъ имѣній и, наконецъ, 4) въ приготовленіяхъ къ торжеству открытія университета, изготовленій для этого торжества рѣчей и оповѣщеніи дворянства трехъ западныхъ губерній объ этомъ важномъ событіи.

Наконецъ торжественное открытіе университета св. Владиміра произошло *въ 15 день іюля 1834 года*, въ который Церковь празднуетъ память равноапостольнаго Владиміра. Въ девять часовъ утра сословіе университета отправилось въ пещерскую лавру для слушанія божественной литургіи, которую совершалъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ кіевскій и галицкій Евгеній, и послѣ которой профессоромъ богословія протоіереемъ Іоанномъ Скворцовымъ произнесено было слово «о свойствахъ великаго просвѣтителя Россіи св. князя Владиміра.»

По окончаніи литургіи и молебствія равноапостольному князю, ученое сословіе возвратилось въ домъ университета, куда собрались знатнѣйшіе волнскіе и гражданскіе чиновники и многочисленное дворянство трехъ западныхъ губерній, прибывшее къ этому дню въ Кіевъ. Вскорѣ прибылъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ въ сопровожденіи высшаго духовенства, и торжество началось пѣніемъ стихиря: «днесъ благодать св. духа насъ собра.» — Митрополитъ, совершивъ молебеніе, окропилъ св. водою покой университета. Когда собраніе заняло мѣста, секретаремъ совѣта прочтены были

высочайшіе указы правительствующему сенату объ учрежденіи въ Кіевѣ университета св. Владиміра. За тѣмъ синдикъ университета прочелъ записку о состояніи университета, о средствахъ дарованныхъ ему отъ правительства и пожертвованіяхъ, принесенныхъ въ коллекціи его отъ частныхъ лицъ *). Вслѣдъ за этимъ хоръ пѣвчихъ пропѣлъ народный гимнъ «Боже царя храни.»

Тогда началось произнесеніе рѣчей. Попечитель округа Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке въ рѣчи своей, изложивъ дѣйствія правительства касательно устройства училищъ въ западныхъ губерніяхъ, старался развить ту мысль, что для успѣшнаго достиженія цѣли общественнаго воспитанія, необходимо дружное содѣйствіе со стороны родителей, которое должно состоять въ правильномъ воспитаніи дѣтей до поступленія въ общественныя заведенія и въ руководствѣ по опредѣленіи ихъ въ эти заведенія. «Благородные пансіоны при казенныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, — сказалъ между прочимъ попечитель, — есть самое благонадежное средство къ обезпеченію воспитанія.» За тѣмъ, обращаясь къ ученому сословію университета, попечитель выразилъ надежды, что «университетъ св. Владиміра, облеченный именемъ того, кто первый «водрузилъ крестъ Спасителя въ благословенномъ отечествѣ «нашемъ, конечно оснуетъ на семь крестѣ всю свою мудрость.» Припоминая, что «юридическій факультетъ обяжанъ своимъ образованіемъ единовременному окончаніюс вода законовъ, — ораторъ выразилъ живѣйшее желаніе — «да изгонитъ положительность законовѣднія въ этомъ краѣ безконечныя тяжбы, раззорившія столь многія семейства, и питомцы университета да содѣлаются, одушевленные любовью къ правдѣ, поборниками ея въ судѣ и расправѣ.» Въ заключеніе попечитель сказалъ слѣдующія слова, которыми пребылъ неизмѣнно

---

*) Отъ графа Илинскаго (Януарія), гг. Лохвицкаго, Рыльке, Добелесскаго, Ковалевскаго, Анненкова, Пирожкова, Воейкова, Шмидта и г-жъ Сулятицкой и Иваненковой. «Совѣтъ университета — сказано въ запискѣ — цѣнить въ этихъ приношеніяхъ не только внутреннее достоинство, но и всеобщее изъявляемое жертвами (sic) доброжелательство къ возникающему заведенію.» — Пожертвованія преимущественно вошли въ минералогическій, зоологическій и милицъ-кабинеты.

вѣренъ во-все управление округомъ и университетомъ: «Я принимаю назначеніе моего званія въ полномъ смыслѣ сего имени, и въ сей торжественный день торжественно обѣщаю, что дѣти ваши всегда найдутъ во мнѣ отца, но не слабого, потворствующаго порывамъ страстей и дурнымъ наклонностямъ, а твердаго, постояннаго заботящагося о направленіи ихъ къ нравственному совершенству. Ухо и сердце мое всегда будутъ для нихъ открыты; охотно сообщу я имъ, изъ опытовъ собственной жизни, совѣты нужные ихъ несозрѣвшей опытности, охотно поддержку ихъ стремленіе къ добру, охотно прощу слабости ихъ, если увижу чистое раскаяніе и твердую волю къ исправленію.»

Въ отвѣтъ на одушевленные слова попечителя, гг. губернскіе предводители дворянства — кievскій (графъ Тышкевичъ), волынскій (Ленкевичъ) и подольскій (Раковскій), въ рѣчахъ своихъ высказали въ разныхъ формахъ и фразахъ одну и ту-же вѣрноподданническую признательность всего дворянства къ государю, даровавшему западному краю высшее учебное заведеніе, и дали обѣщаніе содѣйствовать съ своей стороны успѣхамъ университета.

Послѣ этого исправляющимъ должность ректора, ординарнымъ профессоромъ Максимовичемъ, поднесены были дипломы на званіе почетныхъ членовъ новаго университета тремъ сановникамъ: высокопреосвященному митрополиту кievскому и галицкому Евгенію, г. генераль-фельдмаршалу князю Фабіану Вильгельмовичу фонъ-деръ-Остенъ-Сакену и генераль-губернатору графу Василю Васильевичу Левашеву. Послѣ поднесенія дипломовъ прочитаны были двѣ академическія рѣчи — ординарнымъ профессоромъ древней словесности Якубовичемъ «De pulchro Platónico», и экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи Цыхомъ: О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой послѣдней рѣчи ораторъ, въ самомъ началѣ ея, слѣдующими словами обозначаетъ существенное ея содержаніе: учрежденіе университета въ странѣ сей есть событіе, истинно важное какъ для края сего, такъ, можно сказать, и для цѣлаго государства. Въ наше время никто не сомнѣвается въ пользѣ и выгодахъ высшаго образованія для всякаго лица въ-о-о-

бенности; но смѣло можно сказать, не все въ состояніи оцѣнить благодѣтельное вліяніе его на цѣлыя общества.... Выгоды государственной службы, сопряженныя съ основательной образованностію, выгоды вещественныя, получаемыя отъ учености, значеніе въ обществѣ, доставляемое образованіемъ — вотъ та точка зрѣнія, съ которой смотритъ на пользу просвѣщенія простой взглядъ на вещи, вотъ тотъ масштабъ, которымъ измѣряетъ онъ важность этого событія. Такое воззрѣніе неприлично человѣку истинно-образованному, неприлично гражданину, коего сердцу дорого благо его отечества: важность сего событія должна быть измѣряема вліаніемъ его на улучшение быта государственнаго и гражданскаго, важностію слѣдствій его для блага общественнаго.» Развитие этихъ слѣдствій составляетъ предметъ одушевленной рѣчи профессора. Говоря подъ вліаніемъ минуты, увлекаясь общимъ въ то время сочувствіемъ къ такому важному событію, каково было дѣйствительно появленіе новаго университета въ Россіи, ораторъ въ своихъ надеждахъ и предвѣщаніяхъ переходитъ даже за предѣлы возможнаго. «Конечно, нельзя требовать, чтобы сей новый разсадникъ просвѣщенія—говоритъ Цыхъ—принесъ полные плоды тотчасъ по своемъ насажденіи.... Дайте ему время созрѣть и тогда судите его со всею строгостию. Университетъ св. Владимира предстанетъ предъ вами въ полныхъ силахъ зрѣлости. Нѣсколько сотъ юношей, приобрѣвшихъ основательныя свѣдѣнія въ различныхъ отрасляхъ знаній человѣческихъ, утвержденныхъ въ религіи и нравственности, готовы посвятить себя разнымъ родамъ государственной службы, готовы оправдать отеческія попеченія объ нихъ правительства. Иные изъ нихъ, расположенные отъ природы болѣе къ тихой, спокойной жизни, посвятивъ себя трудамъ педагогическимъ, сдѣлаются почтенными наставниками юнаго поколѣнія въ странѣ сей; въ-другихъ вы увидите ученыхъ судей и гражданскихъ чиновниковъ, съ возвышенными понятіями о справедливости; въ-третьихъ отечество узритъ достойныхъ своихъ защитниковъ, съ твердою нравственностію, съ основательными свѣдѣніями, съ истинными понятіями о чести. Но я простираю свои надежды далѣе: почему не думать, что въ юной душѣ

кого-нибудь изъ нихъ сокрыты искры генія и тогда честь родителямъ, давшимъ ему первое воспитаніе; честь университету, развившему геній его; слава родинѣ, слава отечеству, доставившему ему средства образованія. Почему не думать, что какое-нибудь прекрасное дитя, коего малое лепетанье восхищаетъ теперь нѣжныхъ родителей, окончивъ впоследствии времени свое образованіе въ семъ университетѣ, содѣлается представителемъ своего вѣка, однимъ изъ тѣхъ чудныхъ явленій нравственнаго міра, изъ тѣхъ великихъ людей, коимъ суждено Промысломъ быть преобразователями челоуѣчества, путеводителями современнаго поколѣнія на поприщѣ стремленія его къ усовершенствованію... Какая же знаменитость ожидаетъ Кіевъ, стяжавшій уже славу въ другихъ отношеніяхъ? Какія выгоды доставить ему сіе событіе? Университетъ дастъ совершенно другой видъ сему городу. Бѣдныя лачужки, тѣснящіяся одна подлѣ другой въ отдаленныхъ частяхъ города, обратятся въ огромныя красивыя зданія; на обширныхъ пустыряхъ, отдѣляющихъ одну часть города отъ другой, представляющихъ столько неудобствъ для жителей его, столь препятствующихъ движенію внутренней его промышленности, возникнутъ прекрасныя строенія или красивыя гульбища; полный, широкій Днѣпръ покроется безчисленными судами, везущими сюда драгоцѣнныя произведенія изъ всѣхъ концевъ Россіи. Народонаселеніе увеличится, просвѣщеніе распространится на всѣ классы общества»....

По прочтеніи рѣчей, г. генераль-фельдмаршалъ вручилъ шпаги воспитанникамъ кіевской гимназіи В. Гиршу, В. Превлоцкому и А. Потаповичу, принятымъ въ студенты новаго университета, и торжественный актъ былъ заключенъ пѣніемъ хора, слова котораго были сочинены на этотъ случай г. Скуридинымъ и положены на музыку г. попечителемъ кіевской гимназіи, камеръ-юнкеромъ графомъ Илинскимъ. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ. Университетскій домъ былъ украшенъ прозрачною картиною, на которой представлены были: изображеніе императора, вѣнчаемаго мудростію и благодарностію, и въ отдаленіи Кіевъ, озаряемый лучами солнца. Оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ, находив-

шіеся вблизи картины, до глубокой ночи привлекали многочисленныя толпы народа на площадь предъ университетскимъ домомъ. Высшее общество весело проводило достопамятный день на балѣ у г. генераль-губернатора.

Но этимъ днемъ не оканчивается торжество Кіева: въ продолженіе цѣлой недѣли городъ праздновалъ учрежденіе университета.

Спустя недѣлю по открытіи университета, началъ свои дѣйствія испытательный комитетъ, а 28-го августа 1834 г. открыто было чтеніе лекцій въ новомъ университетѣ.

Университетъ св. Владиміра прожилъ *первое двадцатипятилѣтіе*. Старое, установившееся заведеніе не такъ скоро мѣняетъ свой характеръ и направленіе, какъ молодое. Последнее долго колеблется, пока найдетъ точку опоры, избираетъ разные пути, принимаетъ разнообразный характеръ, легче подчиняется вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ и только установившись, вполне сформированное, начинаетъ идти уже по одному избранному пути, рѣже мѣняетъ духъ, характеръ свой, и, окрѣпши въ силахъ, скорѣе подчиняетъ себѣ окружающую среду, нежели подчиняется само ея вліянію.

То-же случилось и съ университетомъ св. Владиміра: въ первые 25-ть лѣтъ своей жизни онъ довольно часто мѣнялъ свое направленіе и, въ извѣстной мѣрѣ, былъ не въ силахъ одолѣть вліяніе окружающихъ его событій и отрѣшиться отъ мѣстныхъ преданій того края, среди коего долженъ былъ дѣйствовать.

Вотъ почему небольшое число лѣтъ, прожитыхъ нашимъ университетомъ, едва подходящее по объему къ тому періоду, въ который одно поколѣніе смѣняется другимъ, представляетъ три существенно между собою различные періода.

I. Въ *первые пять лѣтъ* жизни университета, отъ 15 іюля 1834 г. по 15 іюля 1839 года, наука развилась въ немъ мѣстными дѣятелями, для мѣстныхъ слушателей, при посредствѣ мѣстныхъ ученыхъ и учебныхъ пособій, подъ преобла-

дающимъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ условій и среды окружавшей университетъ. По характеру онъ не былъ университетомъ въ обширномъ, идеальномъ смыслѣ слова, не былъ университетомъ даже русскимъ, но въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова былъ университетомъ *западно-русскимъ*, *мѣстнымъ*, то, что поляки называютъ *krajowym*. Это придавало ему свою оригинальную фізіогномію; но такую оригинальность нельзя назвать самобытною, самостоятельною, въ которой заключался бы залогъ усиѣха. До этой послѣдней оригинальности малой университетъ въ пять лѣтъ, само собою разумѣется, вырасти не могъ; напротивъ, его оригинальность была болѣе странностію, болѣе преданіемъ отжившей старины, чѣмъ выраженіемъ современныхъ потребностей. Не жизнь, а застой внесла въ университетъ эта оригинальность. Ей обязанъ онъ слишкомъ узкою, школьною организаціею, которая стѣсняла самодѣятельность учащихся; она нарушила тѣ благопріятныя научныя стремленія, которыя, сильнѣе, можетъ-быть, чѣмъ когда-либо, начали проявляться въ немъ. Она отклонила университетъ отъ прямого назначенія и обратила его въ орудіе чуждыхъ наукѣ цѣлей и узкихъ національныхъ антипатій, въ орудіе къ воскрешенію того, надъ чѣмъ, не за-долго предъ основаніемъ университета, произнесенъ былъ приговоръ закономъ исторической необходимости. Въ мартѣ 1839 года университетъ былъ закрытъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ снова, перемѣнивъ большую частію и слушателей и преподавателей, весь составъ свой.

II Слѣдующія *десять лѣтъ*, отъ (15 іюля) 1839 г. по (15 іюля) 1849 годъ, могутъ быть названы временемъ колебанія университета между разными направленіями при выходѣ его на настоящую дорогу, временемъ *переходнымъ*. Въ переходныя эпохи трудно уловить преобладающія свойства характера въ жизни лицъ и учреждений; а потому въ этотъ періодъ времени и университетъ св. Владиміра не имѣеть рѣзко обозначившейся фізіогноміи. Первые три года университетъ развивался подъ вліяніемъ прежней школьной организаціи *обязательнаго слушанія смѣшанныхъ*, строго не раздѣленныхъ *факультетскихъ предметовъ*; потомъ, со введе-

ниемъ новаго устава въ 1842 г., вдругъ рѣзко долженъ былъ перейти къ устройству, основанному на совершенно противоположныхъ началахъ *вольнаго слушанія* и рѣзкаго *спеціального разграниченія факультетскихъ курсовъ*. Трудно было сразу попасть на прямой путь: отсюда колебаніе то въ ту, то въ другую сторону, а колебаніе въ жизни такихъ учреждений, какъ университетъ, равно застою, — который выразился въ учебной и ученой дѣятельности его апатією и упадкомъ научныхъ стремленій. Въ университетѣ начинаютъ учить и учиться не науки, а службы ради. Сверхъ того, съ 1841 года въ число факультетовъ входитъ медицинскій, захватываетъ огромное количество слушателей, не имѣющихъ почти ничего общаго, ни въ наукѣ, ни въ практическихъ дѣляхъ, съ слушателями другихъ факультетовъ, и такимъ образомъ въ университетѣ, мало-по-малу, образуется какъ-бы два отдѣльные учрежденія, каждое съ своимъ направлениемъ и характеромъ. Это обстоятельство также, съ одной стороны, лишаетъ университетскую жизнь опредѣленной общей физиогноміи, съ другой стороны, внося въ университетъ преобладающую массу слушателей съ одностороннимъ матеріально-практическимъ направлениемъ, способствуетъ упадку гуманнаго и научнаго направленія въ университетѣ. Къ концу этого періода «*wissenschaftliche Tendenz*» дѣлается не-рѣдко предметомъ насмѣшки въ устахъ слушателей, а иногда и преподавателей. Отъ вліянія тѣхъ же обстоятельствъ страдаетъ, особенно подъ конецъ этого періода, и нравственное развитіе университета, и проявляется въ пошлости и огрубеніи житейскихъ отношеній. Ни общество на университетъ, ни университетъ на общество вліянія не имѣютъ: между ними нѣтъ почти сближенія. Съ конца 1847 года, когда такое разложеніе проявилось съ особенною силою, начинаются первыя попытки реакціи, обнаруживается стремленіе избрать одинъ путь и принять болѣе опредѣленный характеръ. Къ концу 1849 года попытки эти приносятъ уже видимый результатъ, и потому съ этого времени можно начать новый періодъ университетской жизни.

III. Въ *последнія десять лѣтъ* своего двадцати-пяти-лѣтія, т. е. съ конца 1849 по 1859 годъ, университетъ полу-

ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВЪ.	1834.				1835.				1836.				1837.				1838.				1839.						
	Ассигн.		Серебр.		Ассигн.		Серебр.		Ассигн.		Серебр.		Ассигн.		Серебр.		Ассигн.		Серебр.		Серебр.						
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.					
1) Изъ ежегодныхъ платежей по пожертвованіямъ, перенесеннымъ съ кременскаго лица на университетъ, и изъ процентовъ отъ капиталовъ, обращающихся въ кредитныхъ установленіяхъ.																											
2) Изъ доходовъ съ недвижимыхъ университетскихъ имѣній.																											
3) Изъ суммъ, получаемыхъ изъ государственнаго казначейства:																											
а) Добавочныхъ къ собственнымъ средствамъ университета.																											
б) На счетъ доходовъ общаго образованнаго фонда, отпущеннаго прежде на вольскій лицей.	31212																										
в) Въ замѣтъ потеряннаго питейнаго дохода съ университетскихъ корчемъ, отошедшихъ въ откупную черту.																											
г) На счетъ капитала императорскихъ и царскихъ орденовъ, определенныхъ на институтъ правовѣднія, вошедшій въ составъ университета.	12900																										
е) На счетъ капитала, пожертвованнаго дворянствомъ кievской губерніи на училища кievской губерніи въ 1805 году.																											
4) Изъ процентовъ общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній.																											
ИТОГО.	36953	59	32394	51	60	124461	3	45401	67	237	1035	78	48699	—	75	61798	15	36144	39	90	62842	70	5703	81	111	75863	89

часть болѣе опредѣленную физиогномію, хотя ея нельзя назвать общею, потому что въ немъ по прежнему продолжаетъ существовать два заведенія: медицинскій факультетъ образуетъ одно, а прочіе факультеты другое.

Въ предлагаемомъ историческомъ обзорѣни перваго двадцати-пяти-лѣтія университета св. Владиміра весь матеріаль будетъ разгрушированъ на слѣдующіе отдѣлы:

I. *Университетская администрація* вообще и въ частности ученая, хозяйственная и полицейская.

II. *Умственная дѣятельность* университета:

1. Быть профессоровъ: а) учебная дѣятельность ихъ, б) ученая дѣятельность ихъ, с) житейскія отношенія.

2. Быть студентовъ: а) движеніе университетскаго населенія, б) нравственное состояніи его, с) умственное и д) житейскія отношенія.

III. *Ученыя коллекціи университета* и другія при немъ установленія.

IV. *Внѣшняя исторія* университета.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ГЛАВА I.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ.

(1834—1839.)

Составъ университетской администраціи опредѣленъ въ проектѣ устава университета св. Владиміра слѣдующимъ образомъ:

«Подъ личнымъ наблюденіемъ *попечителя*, внутреннее управленіе университетомъ принадлежитъ *совѣту*, въ коемъ предсѣдательствуетъ *ректоръ*, который, какъ непосредственный начальникъ университета, имѣетъ попеченіе о благоустройствѣ всѣхъ частей сего заведенія (§§ 3, 24). Всѣ хозяйственныя дѣла по университету и округу поступаютъ въ *правленіе*, которое подъ предсѣдательствомъ ректора составляютъ деканы, совѣтникъ по управленію фондушами и синдикъ

(§§ 81, 82).» Впослѣдствіи попечителю приданъ особый *помощникъ*, а при ректорѣ въ этомъ качествѣ состоялъ *проректоръ*.

На этомъ основаніи въ изображеніе университетской администраціи у насъ войдутъ:

А) Изображеніе характеровъ и дѣятельности начальствующихъ лицъ, завѣдывающихъ общимъ управленіемъ въ университетѣ: а) *попечителя* съ его помощникомъ и б) *ректора* съ проректоромъ.

В) Изображеніе дѣйствій совѣщательныхъ собраній въ университетѣ: а) *совѣта*, завѣдывающаго по преимуществу учебною частію и б) *правленія*, завѣдующаго по преимуществу хозяйственною частію въ университетѣ.

А) *Начальствующія лица по всѣмъ частямъ университетской администраціи.*

а) *Попечитель округа и его помощникъ.*

Основатель университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке* былъ почителемъ университета въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ его существованія. Онъ живетъ, до-сихъ-поръ, въ памяти здѣшнихъ жителей какъ возстановитель просвѣщенія послѣ страшной ломки, слѣдовавшей за событіями 1830 года. И русскій и полякъ воспоминаютъ съ благодарностію объ этомъ добросовѣстномъ труженикѣ на пользу общую, дѣйствовавшемъ среди страшно запутанныхъ обстоятельствъ.

Кругомъ были одни развалины 245 учебныхъ заведеній, когда фонъ-Брадке принялъ на себя обязанность попечителя.

Онъ былъ органъ правительства. Посмотримъ чего требовало отъ него правительство.

«Общая наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе согласно съ Высочайшимъ намѣреніемъ Августѣйшаго Монарха совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности *).»

«Университетъ требуетъ непрерывнаго и самаго дѣятельнаго надзора, дабы достигнуть возможнаго совершенства...»

---

*) Циркуляръ при вступленіи въ управленіе министерствомъ Т. С. Уварова. 21 марта 1833 года.

само-собою разумѣется, что *дисциплина внутренняя между студентами составляет главное ручательство въ благосостояніи университета* и начальство онаго обязано принимать къ водворенію сей дисциплины всѣ мѣры, закономъ предписанныя *).»

Такъ говоритъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ въ циркулярныхъ инструкціяхъ попечителямъ округовъ. Какъ органъ правительства, фонъ-Брадке долженъ былъ проводить эти идеи въ администрацію, духъ и направленіе новаго университета, и проводилъ ихъ тѣмъ съ большею ревностію, что они сходились съ собственными его убѣжденіями. На университетъ фонъ-Брадке смотрѣлъ какъ на заведеніе, имѣющее главною цѣлью «сближеніе жителей западныхъ губерній къ русскимъ правамъ и обычаямъ, уменьшеніе религіознаго фанатизма въ отношеніи къ частному ихъ вѣроисповѣданію, содѣланіе имъ любезнымъ общаго отечества.... «Въ семъ отношеніи — продолжаетъ онъ — «хорошо рассчитаны дѣйствія миссіонеровъ, которые полагаютъ, что половина пути ими совершена, если послѣ долгихъ неудачъ они получаютъ вліяніе на воспитаніе юношества обитаемаго ими края **).» Средствомъ къ направленію университета къ этой цѣли попечитель вмѣстѣ съ министромъ полагалъ внутреннюю дисциплину надъ студентами, какъ людьми, которые находятся въ такихъ лѣтахъ, когда пылкія страсти дѣйствуютъ во всей своей силѣ, когда воля дѣлается самостоятельнѣе, но не имѣетъ твердыхъ основъ, когда ложная свобода въ дѣйствіяхъ считается свободою истинною ***).» Съ другой стороны, основываясь на современныхъ настоятельныхъ потребностяхъ края, фонъ-Брадке на первомъ планѣ университетской дѣятельности ставилъ не столько внутреннюю учебную и ученую дѣятельность его членовъ, сколько руководство средними учебными заведеніями и снабженіе ихъ способными учителями, посредствомъ состоявшаго при университетѣ училищнаго комитета. Сообразно съ этими убѣжденіями, фонъ-Брадке хотѣлъ, что-

*) Инструкція министра попечителямъ при осмотрѣ ими округовъ. 27 мая 1833 года.

***) Рѣчь фонъ-Брадке при открытіи университета.

***) Отношеніе министра отъ 16 сентября 1833 г., № 64.

бы изъ университетскихъ слушателей выходили благовоспитанные, энциклопедически-образованные и вполне преданные русскому правительству молодые люди, которые могли бы въ случаѣ нужды передать свои свѣдѣнія ученикамъ гимназій. Но образовать въ университетѣ ученыхъ специалистовъ, которые, по выходѣ изъ него, могли бы двигать впередъ науку, — этого Бадке не имѣлъ въ виду; онъ полагалъ, что думать объ этомъ было еще рано и что ученость и специализмъ роскошь въ университетѣ Св. Владиміра. — Въ этомъ отношеніи, какъ и во-многихъ другихъ, онъ сходилъ съ Чацкимъ. — Впослѣдствіи мы увидимъ, что идеи Бадке отразились сильно на устройствѣ всѣхъ частей университета, въ первый періодъ университетской жизни. Это потому, что онъ не стоялъ внѣ университета и не ограничивался, по точному смыслу устава, «наблюденіемъ за неукоснительнымъ исполненіемъ подчиненными ему лицами своихъ обязанностей,» но слѣдовалъ началу дѣятельной интервенціи, относительно внутренней жизни университета. — При основаніи университета оставить его на произволь стараго ученаго лицейскаго совѣта было бы дѣйствительно опасно, и потому такая система дѣйствій была, можетъ-быть, не безъ пользы. Но она внесла въ университетскую администрацію опасное преданіе, которое могло впослѣдствіи парализовать дѣйствіями одного лица дѣйствія совѣта и ставить духъ и направленіе университета въ зависимость отъ личности окружнаго начальника.

Придерживаясь, быть можетъ слишкомъ, начала вмѣшательства въ дѣйствія своихъ касательно университетскаго совѣта, фонъ-Бадке, въ отношеніяхъ своихъ съ каждымъ профессоромъ въ частности, отличался въ высшей степени гуманнымъ направленіемъ, какъ человекъ, и вникалъ въ нужды и погрѣбности всѣхъ и cadaго, какъ добрый начальникъ. — Упрекали его нѣкоторые въ привязанности къ нѣмцамъ. Но это потому только, что онъ былъ самъ нѣмецъ и что по мнѣнію нѣкоторыхъ господъ, одно ихъ русское происхожденіе, независимо отъ всѣхъ личныхъ достоинствъ, должно было обращать на нихъ преимущественное вниманіе начальника. — Для Бадке русскій, нѣмецъ и полякъ не существовали: существовали только способные и неспособные

люди. Въ оцѣнкѣ ихъ онъ могъ ошибаться, но пристрастія въ немъ не было. Скорѣе, какъ органъ правительства, онъ, при выборѣ людей въ университетъ, руководствовался критеріемъ, противоположнымъ тому, за который его обвиняли.

Въ отношеніяхъ къ студентамъ, онъ былъ до конца вѣренъ обѣту, данному при открытіи университета: «быть ихъ отцемъ, но не слабымъ, потворствующимъ порыву страстей, а твердымъ, постоянно заботившимся о направленіи ихъ къ нравственному совершенству.» Онъ изучалъ характеры и способности молодыхъ людей еще во-время пребыванія ихъ въ гимназій и часто руководилъ совѣтами, при выборѣ ими факультетовъ, когда они поступали въ университетъ. Въ самомъ университетѣ, онъ постоянно слѣдилъ за хорошими и слабыми студентами, посѣщая лекціи университета сначала ежедневно, а потомъ когда здоровье ему измѣнилось, черезъ день или непременно два раза въ недѣлю.

Высоко цѣнимый и уважаемый въ общественномъ мнѣніи, онъ поставилъ высоко и тѣ лица, которые находились подъ его начальствомъ. Онъ умѣлъ облагородить до-тѣхъ-поръ сильно упавшее въ общественномъ мнѣніи званіе учителя, заставивъ прежде всего самихъ учителей уважать свое званіе. О профессорахъ и говорить нечего: попечитель умѣлъ выставить предъ обществомъ все значеніе профессорскаго званія.... Дѣятельность фонъ-Брадке, особенно въ первые годы управленія округомъ, когда онъ имѣлъ самую ограниченную канцелярію, была по-истинѣ изумительна. Пересматривая дѣла по округу и университету, мы находимъ, что во-всѣхъ, скольконибудь важныхъ случаяхъ, онъ самъ писалъ и отписывалъ бумаги; очень часто объѣзжалъ округъ, и во-время пребыванія въ Кіевѣ ежедневно посѣщалъ всѣ учебныя заведенія, всюду внося жизнь и движеніе.

И округъ и общество умѣли цѣнить такого попечителя: въ 1837 году, когда неутомимые труды разстроили и безъ того слабое здоровье его, глубокая печаль и сочувствіе ученаго сословія и всего кіевского общества выражались къ нему и въ глаза и за-очно. Благодарность свою университетъ выражалъ и по русски и по латини: *Curator universitatis hujus optimus, vir laboriosissimus, qui virtutum humanitatis*

in litteris amoris, in muneribus abundis diligentiae et industriae admirabile exemplum docentium aequae ad discipulorum animos, ejisdem virtutibus, quibus ipse splendet, imbuunt et studia ad perficienda quaecunque pia, proba honestaque sint, suo exemplo incitat *).

Чувства, выраженные университетомъ въ 1839 году при прощаніи съ своимъ основателемъ, были завиднымъ доказательствомъ того, что жизнь этого челоука не даромъ потрачена была для здѣшняго края. Административная дѣятельность Бадке была въ высшей степени плодотворна и добросовѣстна. Не свободенъ былъ онъ отъ ошибокъ, но эти ошибки, какъ покажетъ вся исторія университета, принадлежали не столько ему лично, сколько вызваны были и современнымъ состояніемъ науки въ Россіи, и труднымъ, запутаннымъ положеніемъ края, въ которомъ Бадке долженъ былъ дѣйствовать.

Помощникомъ попечителя при фонъ-Бадке, въ послѣднее время состоялъ полковникъ артиллеріи *Гинцель*, уволенный въ 1839 году. Вліянія на университетъ онъ не имѣлъ никакого.

б) Первымъ ректоромъ университета былъ ординарный профессоръ русской словесности *Михаилъ Александровичъ Максимовичъ*. Максомовичъ родился въ 1804 году, въ украинской степи, на востокъ отъ Золотоноши, въ згарскомъ хуторѣ Тимковщины. Первая половина его ученой дѣятельности принадлежала московскому университету, въ которомъ онъ получилъ окончательное образованіе и занималъ съ честью должность сначала адъюнкта, а потомъ ординарнаго профессора ботаники. Въ біографическомъ словарѣ московскихъ профессоровъ помѣщена его автобіографія, изъ нея мы заимствуемъ тѣ свѣдѣнія, которыя относятся собственно къ административной дѣятельности его въ университетѣ св. Владимира **).

«13 іюля 1834 года Максимовичъ прибылъ въ Кіевъ; того же дня былъ уже въ университетскомъ засѣданіи и того же дня попечитель возложилъ на него исправленіе должности рек-

*) De pulchro platonico. Рѣчь пр. Якубовича.

**) Біогр. слов. моск. университета, II, стр. 1—12 sq.

тора. 15-го іюля онъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ торжественнаго открытія университета, въ сентябрѣ началъ преподаваніе русской словесности, а 16-го октября того же года, по положенію комитета министровъ, утвержденъ ректоромъ.»

«Многотрудныя занятія по устройству новаго университета (въ которомъ былъ тогда и училищный комитетъ для управленія округомъ) и, въ то-же время, занятія по новой кафедрѣ сильно изнурили здоровье Максимовича. Надобно было или оставить преподаваніе, или сложить съ себя ректорство. Наступившая болѣзнь заставила Максимовича подать попечителю прошеніе объ увольненіи его за болѣзнію отъ должности ректора, и 11 декабря 1835 года послѣдовало на то высочайшее соизволеніе. Декабря 21, въ засѣданіи совѣта прочтено было объ этомъ предложеніе попечителя и его письмо къ Максимовичу, выражавшее благодарность за управленіе университетомъ. Послѣ чего Максимовичъ сказалъ прощальное слово къ членамъ университета.»

Въ этомъ прощальномъ словѣ Максимовичъ, говоря объ единодушіи, какое господствовало при немъ въ совѣтѣ, высказалъ, между прочимъ, то начало которому онъ слѣдовалъ во-время своего ректорства: «Я думаю, что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться съ общимъ закономъ необходимости; и въ оправданіе моего управленія скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего университета, руководиться искренностію и правотою мнѣнія и вмѣстѣ желаніемъ, чтобы всѣ предпріятія и рѣшенія совѣта были исполнены на самомъ дѣлѣ. Такъ ли я дѣйствовалъ, о томъ вы лучшіе судьи мои.... Дай Богъ, чтобы и всѣмъ будущимъ преемникамъ моимъ было такъ хорошо служить, какъ было мнѣ съ вами.»

Такъ кончилось ректорство Максимовича, въ продолженіе котораго онъ трижды исправлялъ должность попечителя. Сколько можно судить по сохранившемуся преданію, Максимовичъ по натурѣ своей не былъ созданъ администраторомъ. — Въ дѣйствительности, обязанности ректора при немъ исполняли — попечитель фонъ-Брадке, къ которому онъ являлся за распоряженіями по каждому вопросу, возникавшему въ совѣтѣ, во

вторыхъ синдикъ, на которомъ лежала вся бюрократическая дѣятельность ректора.

По увольненіи Максимовича, исправленіе должности ректора было ввѣрено, 11 декабря 1835 года, ординарному профессору всеобщей исторіи, проректору Владиміру Францовичу Цыху, который 1 декабря 1836 года, вслѣдствіе избранія университетскимъ совѣтомъ, былъ высочайше утверждень въ званіи ректора.

В. Ф. Цыхъ, сынъ майора русской службы, родился въ 1805 году въ харьковской губерніи. По окончаніи наукъ въ екатеринославской гимназіи — поступилъ въ 1822 г. въ харьковскій университетъ по словесному факультету и въ 1825 г. кончилъ курсъ съ степенью кандидата. Съ 1830 года началась его служба, сперва въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ должности учителя исторіи и французскихъ переводовъ (?), и инспектора классовъ; потомъ, въ 1831 году, ему поручено было преподаваніе всеобщей исторіи въ харьковскомъ университетѣ, при которомъ онъ назначень былъ въ члены испытательнаго комитета для поступающихъ въ учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ, а въ 1833 году былъ командированъ въ С. Петербургъ для доставленія воспитанниковъ харьковскаго университета въ профессорскій институтъ. Въ 1833 году онъ получилъ степень магистра и званіе адъюнкта.

При учрежденіи университета св. Владиміра, Цыхъ, не смотря на поискательство Гоголя, былъ переведень, по представленію попечителя фонъ-Брадке, экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи въ новый университетъ. — По прибытіи въ Кіевъ, 21 апрѣля 1834 г., еще до открытія университета, Цыхъ былъ командированъ на визитацію подольской и волинской гимназій и уманскихъ пансіоновъ. Ревностное и отличное исполненіе этого порученія, обнаружило его служебныя способности. Какъ преподаватель, онъ почитался украшеніемъ университета, но объ его профессурѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Повышенный въ 1835 году въ званіе ординарнаго профессора, онъ, сверхъ прямой своей обязанности, былъ членомъ училищнаго комитета, визитаторомъ частныхъ училищъ въ Кіевѣ, и деканомъ I отдѣленія

философскаго факультета. Наконецъ, въ 1836 г. избранъ въ ректоры. Но преждевременная смерть похитила его съ поприща общественной дѣятельности, на которомъ явился онъ съ большими дарованіями и быстрыми успѣхами. При всемъ наружномъ здоровьи, онъ уже давно страдалъ внутреннею болѣзнію, которая, обратясь въ сильное удушье, отняла рано и внезапно жизнь, подававшую богатыя надежды для пользы общей. Онъ умеръ на второй день пасхи, 19 апрѣля 1837 г., погребенъ 31 сентября, ровно чрезъ три года пребыванія его въ Кіевѣ. Живая скорбь сослуживцевъ, учениковъ и знакомыхъ, сопровождала его въ могилу. Изъ горестныхъ словъ, раздавшихся надъ гробомъ его, можно заключить, какова была административная дѣятельность Цыха. Умѣнье поддержать своимъ личнымъ достоинствомъ значеніе всего сословія, имъ представляемаго, скромность по отношенію къ товарищамъ, отсутствіе всякихъ казенно-начальническихъ притязаній въ отношеніи къ подчиненнымъ, неутомимая дѣятельность, терпѣнье и умѣнье вникнуть въ малѣйшія подробности многосложной ректорской должности и дѣлъ, отъ нея зависѣвшихъ, стремленіе скорѣе самому работать за другихъ, чѣмъ заставлять другихъ работать за себя— вотъ достоинства Цыха какъ ректора, по единодушному признанію всѣхъ его знавшихъ и дѣлившихъ съ нимъ труды по управленію университетомъ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ правою рукою фонъ-Брадке, который вопіиѣ умѣлъ цѣнить его. Ревность его къ своему дѣлу простиралась до того, что онъ иногда въ теченіе цѣлаго дня, почти ничего не ѣлъ, чтобы обремененіе тѣла не мѣшало умственнымъ соображеніямъ и трудамъ его. Въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ своихъ съ учениками, онъ высказалъ желаніе: «оставить по себѣ неукоризненную память человѣка честнаго *).»

Мѣсто Цыха, съ апрѣля до 1 іюня 1836 года, т. е., до избранія новаго ректора, занималъ проректоръ, ординарный профессоръ С. О. Богородскій, а потомъ заступилъ избранный въ ректоры *Константинъ Алексѣевичъ Неволлинъ*, ординарный профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія и учрежденій рос-

*) См. Рѣчи надъ гробомъ Цыха. Кіевъ, 1837.

сійской имперіи. — Неволинъ, въ наукѣ русскаго права, есть лицо историческое. Первая ученая и административная дѣятельность его посвящена была университету св. Владиміра.

Родился онъ въ г. Орловѣ вятской губерніи, въ 1806 г., былъ сынъ священника, и первоначальное воспитаніе получилъ въ вятской духовной семинаріи, а потомъ въ московской духовной академіи. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1827 году, Неволинъ по высочайшему повелѣнію въ январѣ 1828 года вызванъ былъ во II отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, для образованія въ россійскомъ законовѣдѣніи. Послѣ полуторогодичныхъ занятій здѣсь, и въ с. петербургскомъ университетѣ, выдержавъ съ отличнымъ успѣхомъ испытаніе, онъ въ сентябрѣ 1829 года, по высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ за-границу для дальнѣйшаго образованія въ юридическихъ наукахъ, подъ руководствомъ знаменитаго Савиньи, и здѣсь уже успѣлъ обратить на себя особенное вниманіе ученыхъ. Савиньи, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ покойному графу Сперанскому, далъ самый лестный отзывъ о г. Неволинѣ и высказалъ увѣренность свою, что онъ, и нѣкоторые изъ его товарищей, по приобрѣтеніи ученыхъ степеней, съ честію могли бы занимать профессорскія кафедры въ германскихъ университетахъ. — Послѣ трехлѣтняго пребыванія за-границею, г. Неволинъ, обозрѣвъ большую часть нѣмецкихъ университетовъ и ознакомившись съ способами преподаванія тамошнихъ профессоровъ, возвратился въ отечество, въ октябрѣ 1832 г., и, по высочайшему повелѣнію, причисленъ былъ ко II отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи. Здѣсь, по распоряженію начальства, вмѣстѣ съ своими товарищами, занимался повѣркой свода остзейскихъ законовъ съ источниками, и переводилъ его на русскій языкъ, и, въ то-же время, готовился къ испытанію для полученія степени доктора законовѣдѣнія, минуя всѣ предшествующія. По окончаніи испытанія, которое произведено было въ юридическомъ факультетѣ санктпетербургскаго университета, въ присутствіи статсъ-секретаря Болугьянскаго, г. Неволинъ, по словамъ одного изъ его товарищей, самымъ блистательнымъ образомъ защитилъ публичное разсужденіе о филосо-

фин законодательства у древнихъ. Въ этомъ диспутѣ принималъ живое и дѣятельное участіе бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ. Получивъ степень доктора правъ, К. А. Неволнъ въ мартѣ 1835 г. назначенъ былъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора въ университетѣ св. Владиміра, по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ. Въ скоромъ времени онъ утвержденъ въ этой должности, а въ маѣ 1837 г., согласно избранію совѣта, утвержденъ ректоромъ университета на четыре года.

Приводимъ здѣсь мнѣніе объ административныхъ достоинствахъ г. Неволна, которое высказалъ одинъ изъ его товарищей, предлагая его въ почетные члены университета св. Владиміра. «Объ административныхъ достоинствахъ г. Неволна, въ бытность его ректоромъ университета св. Владиміра, я не имѣю надобности распространяться: многіе изъ настоящихъ членовъ совѣта служили при немъ и знаютъ его энергію, твердость, безпристрастіе, заботливость объ усовершенствованіи всѣхъ частей управленія, о скорѣйшемъ повышеніи въ должностяхъ членовъ ученаго сословія (что вошло потомъ въ обычай), и въ-особенности, о водвореніи между ними единодушія, согласія и примиренія разнородныхъ элементовъ. Для тѣхъ, кои не служили при г. Неволнѣ, считаю не лишнимъ припомнить, что его ректорство относится къ тому періоду времени, когда университетъ не имѣлъ еще ни одного своего зданія, а помѣщался въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ, когда слѣдовательно нужно было ректору заботиться о пріисканіи временныхъ помѣщеній, и засѣдать въ строительномъ комитетѣ для возведенія зданій университетскихъ, въ качествѣ члена, а иногда принимать на себя труды и отвѣтственность предсѣдателя. Порядокъ управленія разными частями не былъ опредѣленъ проектомъ устава: нужно было составить правила испытаній, правила для принятія въ институтъ недостаточныхъ студентовъ, инструкціи инспектору, бібліотекарю, церковнымъ старостамъ и т. п. Всѣ эти труды принялъ на себя и исполнилъ г. Неволнъ. Самый проектъ устава, составленный на-скоро и утвержденный на-время, требовалъ тщательнаго пересмотра.

«Этотъ пересмотръ тягостенъ былъ для членовъ совѣта: счастья и продолжительныя засѣданія, въ которыхъ происходили разсужденія объ измѣненіи и дополненіи устава, много «отнимали у нихъ времени. Но еще болѣе трудовъ понесъ ректоръ университета. Предъ каждымъ засѣданіемъ, онъ «долженъ былъ заготовить и рассмотреть предварительно «справки, собранныя въ дѣлахъ совѣта и правленія университета; во время засѣданій управлять ходомъ разсужденій, «соглашать различныя мнѣнія и, наконецъ, послѣ засѣданій «составить журналы, излагать мнѣнія и заключенія. Приятно «вспомнить, что эти труды увѣнчались успѣхомъ. Устройство «кафедры по юридическому факультету получило совершенное «преобразование, согласно проекту, начертанному факультетомъ *).» Единодушный выборъ въ 1854 году совѣтомъ университета Неволіна (бывшаго тогда уже профессоромъ петербургскаго университета и получившаго огромную извѣстность) въ почетные члены университета св. Владиміра, доказываетъ правду приведеннаго отзыва. — Впрочемъ, справедливость требуетъ добавить, что нѣкоторые изъ сослуживцевъ и товарищей Неволіна, отдавая всю подобающую честь административнымъ способностямъ его и признавая, что и они и университетъ ему многимъ обязаны, находили, что онъ слишкомъ деспотически импонировалъ свое мнѣніе въ совѣтѣ и не давалъ отчасти мѣста свободной подачѣ голосовъ. Отъ этого, опредѣленія совѣта—и вѣрныя и ошибочныя, носили отпечатокъ одной личности, а не были выраженіемъ всего ученаго сословія. Большая и, можетъ-быть, труднѣйшая половина ректорской дѣятельности Неволіна, относится къ слѣдующему періоду. Но при этомъ замѣчательно, что пока онъ былъ ректоромъ, университетъ еще отзывался старыми тенденціями: новое доказательство того, какъ сильно господствовалъ онъ въ совѣтѣ. Впрочемъ упрекать его за это едва ли можно: такая импозантность доказываетъ только силу и энергію натуры Неволіна и превосходство его надъ прочими членами совѣта. Съ большимъ, кажется, основаніемъ

---

*) Дѣло объ избраніи профессора спб. университета Неволіна въ почетные члены университета св. Владиміра 1854. — Представленіе ординарнаго профессора Богородскаго.

можно поставить въ упрекъ ректору университета и ученому профессору другой недостатокъ, а именно — недостатокъ человѣчнаго обращенія съ подчиненными, который довольно странно бросался въ глаза въ челоѣкѣ, такъ высоко развитомъ, какъ Неволинъ: сохранились преданія о томъ, какъ онъ, исправляя должность попечителя, швырялъ чрезъ спину подаваемыя ему учителями прошенія. Наконецъ, надо замѣтить, что если Максимовичъ и Цыхъ не могли равняться съ Неволинымъ ни въ учености, ни въ юридическихъ знаніяхъ, ни въ административныхъ способностяхъ; то и Неволинъ какъ ректоръ, не могъ занять того положенія въ обществѣ, какое занимали въ немъ Максимовичъ и Цыхъ. Онъ былъ кабинетный ученый и бюрократъ, они общественные люди. Они были достойными представителями ученаго сословія внѣ университета, въ обществѣ, Неволинъ своими странностями если не ронялъ, то и не возвышалъ то сословіе, котораго былъ представителемъ.

Первымъ проректоромъ въ университетѣ былъ Цыхъ, избранный въ 1835 году, но въ этомъ званіи онъ былъ не долго, возведенный чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ректоры. Послѣ него, избранный ординарный профессоръ законовъ благоустройства и благочинія, С. О. Богородскій, занималъ должность проректора во все продолженіе перваго періода.

Сынъ дьячка ярославской губерніи могогскаго уѣзда, *Савва Осиповичъ Богородскій*, родился въ 1805 году. Воспитанный вмѣстѣ съ Неволинымъ, и въ санктпетербургской духовной академіи, и при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи *), и за-границею, находясь съ нимъ въ самыхъ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ, *Богородскій* былъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Неволина. Предоставляя себѣ охарактеризовать учебную дѣятельность Богородскаго въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ здѣсь, что не уступая Неволину въ свѣ-

*) Какое человѣческое воспитаніе могъ получить Неволинъ въ Петербургѣ, видно изъ слѣдующихъ замѣтокъ дневника Богородскаго:

14-го апрѣля, въ первый день Пасхи, были у М. А. и М. М. — Отпуская насъ, М. М. подарилъ намъ по десяти р. ассиг.

15-го мая, М. М. заставлялъ насъ перечитывать ему письмо къ намъ Я. Б.—на.

26-го. Весь день пролежали съ похмѣляя.

16-го ноября. Вчера, у Предтеченскаго, подрались за картами.

дѣнійхъ по своему предмету, онъ если не превосходилъ, то нисколько уже не уступалъ ему и въ административныхъ способностяхъ. Навыкъ къ практическому дѣлопроизводству, пріобрѣлъ онъ еще во-время ученія въ семинаріи и духовной академіи, въ которыхъ въ то-же время исправлялъ должность писмоводителя. — Будучи проректоромъ, онъ принималъ участіе во-всѣхъ, сколько-нибудь важныхъ дѣлахъ по университетской администраціи, — управляя впослѣдствіи дирекціею училищъ кievской губерніи, онъ поставилъ вторую кievскую гимназію на ту степень, до какой она ни прежде, ни послѣ никогда не достигала. Если въ университетѣ приходилось составлять какой-нибудь важный проектъ, проректоръ Богородскій былъ необходимъ: учено-дѣловыя бумаги, имъ писанныя, отличались необыкновенною ясностію, стройностію и простотою изложенія, безъ всякихъ педантскихъ выраженій и пріемовъ. Подавая мнѣніе объ избраніи Неволіна въ почетные члены университета, Богородскій приписалъ ему отчасти и свои собственные труды. Такъ, важный проектъ объ организаціи кафедръ юридическаго факультета принадлежитъ вполне самому Богородскому. Изъ формулярнаго списка его видно, что онъ составлялъ всѣ годовые отчеты о состояніи университета. Исполняя по смерти Цыха, съ 19 апрѣля по 16 іюня 1836 года, должность ректора, Богородскій въ дѣлѣ о предполагаемомъ присоединеніи механической школы отъ первой гимназіи къ университету, показалъ всю свою самостоятельность по отношенію къ окружному начальнику, и умѣлъ оградить совѣтъ университета отъ преобладающаго вмѣшательства попечителя округа. Самостоятельный, по отношенію къ высшему начальнику, онъ былъ гораздо человѣчнѣе Неволіна по отношенію къ подчиненнымъ. Слабый характеромъ относительно своей частной жизни, относительно самого себя, Богородскій не зналъ никакихъ сдѣлокъ съ своею совѣстію когда дѣло шло о томъ, что онъ почиталъ правдою юридическою. — Быть можетъ, эта неуступчивость, и нежеланіе удержать косвенными путями то мѣсто, на которомъ дѣйствовали съ честію и для общей пользы, — лишило его мѣста директора гимназіи. Это обстоятельство, сильно потрясло Богородскаго и развило въ немъ ту слабость, кото-

рая сократила его жизнь. Онъ умеръ 26 ноября 1857 года. Богородскому не-разъ приходилось нести на себѣ обязанности ректора, когда Неволинъ, въ отсутствіе фонъ-Брадке, исправлялъ должность попечителя округа.

В) Коллегіальныя собранія.

а) По учебной и ученой администраціи.

Совѣтъ университета открылъ свои засѣданія 16 марта 1834 года и имѣлъ въ первыя пять лѣтъ своего существованія 454 засѣданія (включая въ то число 90 засѣданій училищнаго комитета). Наибольшее число засѣданій было въ первые 22 мѣсяца существованія университета: съ марта 1834 до конца декабря 1835 года совѣтъ собирался 266 разъ, т. е., почти по три раза въ недѣлю. Въ слѣдующихъ годахъ, собранія происходили не менѣе одного раза въ недѣлю, тогда какъ въ настоящее время совѣтъ собирается въ двѣ недѣли разъ.

Уже такія частыя засѣданія указываютъ, какъ многосложны и трудны были предметы дѣятельности совѣта въ первыя пять лѣтъ жизни университета, не смотря на то, что тогдашній составъ университета былъ не такъ обширенъ, какъ впоследствии. Многосложность и трудность этихъ занятій зависѣла во-первыхъ отъ того, что въ эти годы полагалась закладка всѣхъ частей университета, во-вторыхъ отъ того, что къ вѣдомству его принадлежали всѣ учебныя заведенія округа, которыя въ это время также или преобразовывались, или вновь возникали и устроивались въ западномъ краѣ. Едва положено было первоначальное основаніе университету въ 1834, 35 и 36 годахъ и едва отдѣленъ былъ отъ него училищный комитетъ, какъ наступила пора пересмотра всѣхъ правилъ и уставовъ университетскихъ, введенныхъ въ видѣ опыта на четыре года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, въ 1837 году, вдругъ оказалась потребность замѣстить вновь большую часть каедръ въ университетѣ.

Предметы занятій совѣта, въ разсматриваемый нами періодъ времени, относились во-первыхъ къ университету, во-вторыхъ къ училищамъ округа, ибо хотя училищный комитетъ при университетѣ былъ закрытъ 1 мая 1836 года, но

и послѣ закрытія его, попечитель округа передавалъ постоянно на обсужденіе совѣта многіе вопросы относительно устройства учебной части во всемъ округѣ.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ отраслей административной дѣятельности совѣта:

а) *Распоряженія по университету.* Основаніе благосостоянія и, такъ-сказать, начало жизненной силы учебныхъ заведеній заключается въ личныхъ достоинствахъ преподавателей: вотъ почему *замѣщеніе каѳедръ* лицами способными и благонадежными, какъ предметъ особенной важности, постоянно обращало на себя вниманіе университетскаго совѣта и высшаго начальства. — Впрочемъ, въ этомъ отношеніи совѣтъ университета почти не могъ обнаружить своей самостоятельности въ собственномъ выборѣ преподавателей, уже потому, что онъ самъ постепенно формировался. Высочайшимъ указомъ, 25 декабря 1833 года, государю императору угодно было на первый разъ возложить непосредственно на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія выборъ и назначеніе профессоровъ и чиновниковъ университета св. Владиміра. На этомъ основаніи замѣщена была, какъ мы видѣли, еще до открытія университета большая часть каѳедръ, по представленію попечителя, учителями бывшаго кременецкаго лицея. Въ числѣ ихъ только профессоръ богословія протоіерей Скворцовъ, профессоръ русской словесности М. А. Максимовичъ и профессоръ всеобщей исторіи В. Ф. Цыхъ были люди новые, не принадлежавшіе къ составу лицея. И позднѣе, почти во-все теченіе этого періода, назначеніе преподавателей происходило независимо отъ совѣта или изъ воспитанниковъ, состоявшихъ при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, или изъ воспитанниковъ профессорскаго института, или, наконецъ, изъ воспитанниковъ педагогическаго института, а также дерптскаго, московскаго университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Такъ замѣщены были почти всѣ каѳедры юридическаго факультета и многія каѳедры по обоимъ отдѣленіямъ философскаго факультета *). Собственная дѣя-

*) Вотъ списокъ преподавателей университета св. Владиміра съ 1834—1840 годъ по мѣсту ихъ воспитанія, исключая тѣхъ, которые поименованы прежде и которые назначены до открытія университета.

тельность совѣта въ этомъ отношеніи ограничивалась: 1) избраніемъ въ профессора *Новицкаго*, *Авсенева*, *Чеховича* и каноника *Головинскаго*; 2) оставленіемъ на время съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія уволенныхъ отъ службы ординарныхъ профессоровъ Бессера и Абламовича до пріисканія новыхъ преподавателей по ботаникѣ и физикѣ; 3) предложеніемъ каедры всеобщей исторіи адъюнкту санкт-петербургскаго университета Куторгѣ, которое впрочемъ не имѣло результата; 4) порученіемъ временно чтенія пред-

а) *Изъ воспитанниковъ II отдѣленія собственной его величества канцеляріи.*

1) К. А. *Неволинъ*, ординарный профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія и учреждений российской имперіи. 2) С. О. *Богородскій*, ординарный профессоръ по соединенной каедрѣ законовъ благоустройства, благочинія и казеннаго управленія. 3) С. Н. *Ориатскій*, ординарный профессоръ гражданскихъ законовъ. 4) А. А. *Федотовъ-Чеховскій*, ординарный профессоръ римскаго права.

б) *Изъ воспитанниковъ главнаго педагогическаго института:*

1) А. Н. *Ставровскій*, адъюнктъ по каедрѣ всеобщей исторіи. 2) Н. П. *Голубковъ*, адъюнктъ по каедрѣ русской словесности. 3) Г. А. *Цвѣтковъ*, адъюнктъ по каедрѣ законовъ о финансахъ. 4) А. Д. *Иванишевъ*, адъюнктъ по каедрѣ энциклопедіи права и государственныхъ учреждений. 5) А. Н. *Тихомандрицскій*, адъюнктъ по каедрѣ чистой и прикладной математики. 6) Временно — Н. М. *Гренковъ*, старшій учитель первой кievской гимназіи, преподавателемъ алгебры и аналитической геометріи.

в) *Изъ воспитанниковъ профессорскаго института:*

П. Я. *Кориухъ-Троцкій*, по каедрѣ ботаники.

д) *Изъ воспитанниковъ дерптскаго университета:*

1) В. Ф. *Федоровъ*, ординарный профессоръ астрономіи. 2) И. Я. *Нейкирхъ*, ординарный профессоръ греческой словесности. 3) А. К. *Делленъ*, адъюнктъ по каедрѣ древней словесности. 4) Э. К. *Гобманъ*, экстраординарный профессоръ по каедрѣ минералогіи и геогнозіи. 5) Р. Э. *Траутфеттеръ*, ординарный профессоръ по каедрѣ ботаники.

е) *Изъ воспитанниковъ виленаго университета*, кромѣ поименованныхъ прежде:

1) И. Н. *Даниловичъ*, ординарный профессоръ уголовныхъ и мѣстныхъ законовъ. 2) А. Н. *Мицкевичъ*, ординарный профессоръ римскаго права (до 1838 г.).

ф) *Изъ воспитанниковъ кievской духовной академіи:*

1) О. М. *Новицкій*, профессоръ философіи. 2) П. С. *Авсеньевъ*, адъюнктъ по каедрѣ философіи. 3) В. П. *Чеховичъ*, преподаватель физики.

г) *Изъ воспитанниковъ московскаго университета:*

В. В. *Красовъ*, адъюнктъ по каедрѣ русской словесности.

h) *Изъ воспитанниковъ ипжчинскаго лиція:*

В. Ф. *Домбровскій*, адъюнктъ по каедрѣ русской исторіи.

і) *Изъ прусской земледѣльческой академіи:*

Э. О. *Мерцъ*, преподавателемъ сельскаго хозяйства.

метовъ, по вакантнымъ кафедрамъ, наличнымъ преподавателямъ и, наконецъ, 5) открытіемъ конкурса на должности лекторовъ польскаго и италіянскаго языковъ. — Изъ разсужденій, поданныхъ на заданную тему по польской словесности, хотя и признано было одно вполне удовлетворительнымъ, но такъ какъ авторъ его, г. Крашевскій, не могъ представить всѣхъ нужныхъ для опредѣленія его документовъ, — то конкурсъ остался безъ результата. На мѣсто же лектора италіянскаго языка по конкурсу опредѣленъ былъ сардинскій подданный, выдержавшій въ санктпетербургскомъ университетѣ испытаніе на должность домашняго учителя, Ф. О. *Бертони*. — Кромѣ этихъ случаевъ, совѣтъ пользовался предоставленнымъ ему въ проектѣ устава избирательнымъ правомъ, только при повышеніи преподавателей изъ адъюнктовъ въ высшія званія экстраординарныхъ и ординарныхъ профессоровъ и при избраніи ректора, декановъ и почетныхъ членовъ.

Въ почетные члены университета св. Владиміра избраны были совѣтомъ, въ первые пять лѣтъ его существованія, слѣдующія лица :

Въ 1834 году.

- 1) *Евгеній*, митрополитъ кіевскій и галицкій.
- 2) Князь Фабианъ Вильгельмовичъ *фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ*, генераль-фельдмаршалъ.
- 3) Графъ Василій Васильевичъ *Левашовъ*, кіевскій военный, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ.

Всѣ, «какъ особы, знаменитыя любовью къ просвѣщенію, и оказавшія покровительство учебнымъ заведеніямъ въ здѣшнемъ краѣ».

Въ 1835 году.

- 4) Князь Петръ Христофоровичъ *Витгенштейнъ*, генераль-фельдмаршалъ.

5) Дѣйствительный тайный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ *Сперанскій*, «оказавшій незабвенныя услуги отечеству, въ-особенности, составленіемъ свода отечественныхъ законовъ, и такъ много содѣйствовавшій къ образованію и устройству юридическаго факультета въ нашихъ университетахъ».

- 6) Дмитрій Васильевичъ *Дашковъ*, министръ юстиціи.

7) Дмитрій Николаевичъ *Блудовъ*, министръ внутреннихъ дѣлъ.

8) Графъ Александръ Дмитриевичъ *Гурьевъ*, кievскій военный, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ.

9) Генераль адъютантъ Николай Николаевичъ *Муравьевъ*, исправляющій должность начальника штаба первой арміи.

10) Тайный совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ *Балузьинскій*, статсъ-секретарь.

11) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Андреевичъ *Жуковскій*.

12) Архимандритъ *Иннокентій*, ректоръ кievской духовной академіи.

13) Михаилъ Трофимовичъ *Каченовскій*, профессоръ московскаго университета.

14) Графъ Янушъ Августиновичъ *Плинскій*, почетный попечитель кievской гимназіи.

15) Графъ Феликсъ Михайловичъ *Чацкій*, бывшій предсѣдатель училищнаго фондуша.

Въ 1838 году.

16) *Филаретъ*, митрополитъ кievскій и галицкій, «во уваженіе заслугъ его высокопреосвященства на поприщѣ духовнаго образованія».

17) Генераль - лейтенантъ Дмитрій Гавриловичъ *Бибиковъ* — «за любовь его къ наукамъ и содѣйствіе успѣхамъ просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ».

18) Прусскій тайный совѣтникъ *фонъ-Савиньи*, профессоръ берлинскаго университета, «извѣстный своими учеными трудами и содѣйствовавшій образованію многихъ профессоровъ университета св. Владиміра».

Къ занятіямъ совѣта, по уставу, отнесены *разсужденія о способахъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ*. Изъ числа мѣръ, предпринятыхъ совѣтомъ по этой части, важнѣйшими были:

1. Разсмотрѣніе, составленное профессоромъ римско-католическаго богословія Ходыкевичемъ, плана преподаванія этого предмета въ университетѣ, который по обсужденію его совѣтомъ представленъ попечителю округа (1835).

2. Организация юридическаго факультета на основаніи

университетскаго устава и особаго подробнаго конспекта, присланнаго изъ министерства народнаго просвѣщенія. Она требовала особаго вниманія совѣта, потому что юридическій факультетъ въ университетѣ св. Владиміра отличался обширнѣйшимъ развитіемъ предметовъ русскаго положительнаго законодательства сообразно системѣ свода законовъ. Первоначальное устройство почти было окончено въ 1835 году распределеніемъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ между пятью профессорами. Скоро, однакожь, оказалось, что такое сгруппированіе предметовъ разнородныхъ между малымъ количествомъ преподавателей не можетъ дать успѣшныхъ результатовъ, а потому еще въ 1836 г. отъ занимаемой ординарнымъ профессоромъ Богородскимъ соединенной каедры законовъ государственнаго благоустройства и благочинія, законовъ казеннаго управленія и законовъ о повинностяхъ, отдѣлены были два послѣдніе предмета и поручены особому адъюнкту (Г. А. Цвѣткову), и съ-тѣхъ-поръ составили предметъ спеціальной каедры. Сверхъ того, отъ каедры гражданскихъ законовъ отдѣлены были законы мѣстные, дѣйствующіе въ западныхъ губерніяхъ, и преподаваніе ихъ временно возложено на извѣстнаго по этому предмету участіемъ въ составленіи свода законовъ, ординарнаго профессора уголовного законодательства Даниловича. Наконецъ, въ 1838 году, отъ каедры энциклопедіи законовѣдѣнія въ томъ объемѣ, въ какомъ читалъ эту науку ординарный профессоръ Неволинъ, отдѣлены были учрежденія россійской имперіи и чтеніе ихъ возложено было на адъюнкта Иваннишева. Кромѣ предметовъ спеціально-юридическихъ, въ число вспомогательныхъ наукъ юридическаго факультета включены были: вся философія, исторія русская и всеобщая, статистика, русская словесность, французскій и нѣмецкій языки съ ихъ литературами, и латинскій языкъ. Только съ 1837/8 года въ число обязательныхъ предметовъ поставлены были студентамъ юридическаго факультета одинъ изъ новѣйшихъ языковъ съ его литературою. Впослѣдствіи юридическій факультетъ получилъ опять новое устройство, по указаніямъ опыта и предположенію факультета и совѣта, но это преобразование относится уже къ слѣдующему періоду.

3. Каюедры обонхъ отдѣленій философскаго факультета постепенно открывались, сообразно съ открытiемъ ежегодно новыхъ курсовъ, и подвергались очень мало измѣненiямъ. Только во второмъ отдѣленiи философскаго факультета, подъ конецъ этого перiода, обнаружилось такое скопленiе предметовъ разнородныхъ, что необходимо было подвергнуть преобразованiю все отдѣленiе. Коренная реформа его произведена была уже въ началѣ слѣдующаго перiода, раздѣленiемъ всѣхъ предметовъ на два разряда наукъ — естественныхъ и наукъ математическихъ, а въ этомъ перiодѣ, въ 183⁸/₉ году, студенты втораго отдѣленiя освобождены были отъ слушанiя исторiи философскихъ системъ и отъ одного изъ новѣйшихъ языковъ, по своему выбору.

4. Во исполненiе высочайшей воли о соединенiи преподаванiя естественнаго права съ нравственною философiею, оба предмета были соединены и съ началомъ втораго полугодiя 1836 года, открыто преподаванiе этой науки.

5. По предположенiю перваго отдѣленiя философскаго факультета, совѣтъ съ 1838 г. опредѣлилъ слушателей университета, вслѣдствiе неравномѣрной степени ихъ знанiя въ новѣйшихъ языкахъ, раздѣлить на два отдѣленiя, изъ коихъ въ одномъ назначено было преподавать словесность для слушателей, знакомыхъ съ грамматикою языка, а въ другомъ правила языка для имѣющихъ въ этомъ нужду.

6. Еще въ 1835 году совѣтъ, на основанiи §§ 67, 68 и 70 устава университета, сдѣлалъ распоряженiе объ открытiи практическихъ упражненiй казеннокоштныхъ студентовъ, приготовляющихся къ учительскому званiю, — въ русской словесности, древнихъ языкахъ, математикѣ и педагогiи; а въ 1837 году привелъ въ дѣйствiе составленное юридическимъ факультетомъ и утвержденное попечителемъ положенiе объ упражненiи въ юридической практикѣ казеннокоштныхъ студентовъ, приготовляющихся къ гражданской службѣ.

7. Наконецъ совѣтъ занимался развитiемъ предположенiя правительства объ открытiи публичныхъ лекцiй техническихъ наукъ при университетахъ и объ учрежденiи реальныхъ школъ при гимназiяхъ и уѣздныхъ училищахъ. По плану, начертанному совѣтомъ университета и представленному на бла-

гоусмотрѣніе высшаго начальства, предположено было открыть, съ 1838—1839 академическаго года, при университетѣ публичныя лекціи практической механики, технологіи, рисованія и черченія, приуроченнаго къ искусствамъ, и купеческаго счетоводства. Означенные курсы были открыты дѣйствительно въ 1838—1839 академическомъ году, за исключеніемъ рисованія, черченія и купеческаго счетоводства, замѣненныхъ лекціями технической химіи.

8. Кромѣ изложенныхъ нами распоряженій, приведенныхъ по обсужденіи ихъ совѣтомъ въ дѣйствіе, разсмотрѣнію его подвергнуты были три предположенія, которыя хотя и остались безъ исполненія, но тѣмъ не менѣе отняли у совѣта нѣсколько засѣданій. Изъ этихъ предположеній особенно замѣчательно одно, возникшее по предложенному въ 1837 г. попечителемъ на обсужденіе совѣта вопросу: не полезнѣе ли было бы существовавшую при волынскомъ лицѣѣ, а потомъ отнесенную къ первой кievской гимназій, механическую школу, присоединить къ университету св. Владиміра? Ни по объему учебной части, ни по учебнымъ пособіямъ, ни по матеріальнымъ средствамъ своимъ, ни по цѣли, механическая школа въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Кременцѣ—не могла войти въ составъ университета: прямое ея назначеніе было образовать реальное отдѣленіе при среднемъ учебномъ заведеніи. Станный вопросъ о присоединеніи ея къ университету возникъ по стараніямъ директора первой гимназій, желавшаго сбыть съ рукъ учрежденіе, находившееся въ совершенномъ разстройствѣ и требовавшее большихъ усилій для приведенія его въ надлежащее устройство. Принимая все это во вниманіе, совѣтъ университета, подъ руководствомъ исправлявшаго тогда должность ректора, ординарнаго профессора Богородскаго, отвергъ предложеніе присоединить школу къ университету. Такая оппозиція вызвала негодованіе въ окружномъ начальникѣ, но и Богородскій, какъ представитель университета, показалъ сильнѣйшую энергію въ защитѣ интересовъ представляемаго имъ заведенія. Тогда попечитель предложилъ совѣту составить проектъ положенія и штата для механической школы въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла бы войти въ составъ университета, не роняя его

значенія. Богородскій самъ занялся составленіемъ требуемаго проекта и по одобреніи его въ совѣтѣ, представилъ попечителю. Проектъ составленъ былъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Богородскій долженъ былъ по этому случаю выдержать еще нѣсколько жаркихъ споровъ съ попечителемъ, но не уступилъ. Тогда попечитель предложилъ особому комитету изъ бывшихъ кременецкихъ учителей, возведенныхъ имъ въ званіе профессоровъ университета, составить новый проектъ, который и былъ имъ отосланъ въ министерство, гдѣ дѣло не получило дальнѣйшаго хода. Мы нарочно упомянули объ этомъ случаѣ съ нѣкоторою подробностію, потому-что въ немъ совѣтъ обнаружилъ первые проблески самостоятельности и потому-что онъ обрисовываетъ положеніе въ совѣтѣ профессора Богородскаго, котораго кажется уже слишкомъ заслоняетъ въ общемъ мнѣніи личность Неволіна....

Два другія предложенія, подвергнутыя въ это время обсужденію совѣта, состояли: 1) въ проектѣ, составленномъ, по высочайшему соизволенію, императорскою академіею художествъ объ учрежденіи при университетѣ св. Владиміра школы живописи и 2) въ проектѣ образованія опытнаго и пракческаго земледѣльческаго хутора при университетѣ. Оба предположенія остались неисполненными.

Наконецъ, до 1837 г., какъ мы уже сказали, особенное вниманіе совѣта обращено было на пересмотръ проектовъ устава и штата университета св. Владиміра, введеннаго въ видѣ опыта на четыре года.

Обращая вниманіе на устройство кафедръ въ университетѣ, совѣтъ не упустилъ изъ виду и мѣръ къ строгой и, вмѣстѣ, разумной повѣркѣ знаній учащихся. Такою повѣркою служатъ *испытанія* пріемныя, переводныя и окончательныя. Всѣ они были предметомъ обсуждения и заботливости совѣта.

Пріемныя испытанія, показывающія степень развитія и способности желающаго слушать университетскія лекціи, до 1837 г. производились въ одномъ общемъ комитетѣ, составленномъ изъ членовъ совѣта съ приглашеніемъ профессора богословія. Для пріема въ университетъ требовалось въ

среднемъ выводѣ болѣе половины полнаго числа шаровъ, къ переиспытанію допускались только тѣ, которые получали не менѣе половины полнаго числа балловъ. Съ 1837 года введены были правила, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія, которыя имѣютъ силу въ общихъ своихъ основаніяхъ донныѣ.

Правила *переводныхъ* испытаній окончательно установлены совѣтомъ въ 1836 году. Главное основаніе ихъ заключалось въ томъ, что перевода въ высшій курсъ могъ быть удостоиваемъ только тотъ студентъ, который изъ полнаго числа четырехъ балловъ, въ среднемъ выводѣ будетъ имѣть болѣе двухъ, и притомъ по каждой изъ наукъ своего факультета и по богословію не менѣе полтора. Въ юридическомъ факультетѣ, при опредѣленіи средняго числа балловъ, всѣ посторонніе предметы положено принимать за одинъ, чтобы такимъ образомъ главные курсы имѣли нѣкоторое преимущество предъ вспомогательными.

Правила для *окончательныхъ* испытаній, показывающихъ степень усвоенія слушателями унисерситетскихъ лекцій, были составлены совѣтомъ въ 1838 году предъ первымъ выпускомъ. Основнымъ числомъ балловъ для удостоенія степени кандидата принято три съ половиною, по каждому изъ факультетскихъ предметовъ, и два съ половиною, по вспомогательнымъ предметамъ, а для удостоенія званія дѣйствительнаго студента два съ половиною по каждому изъ главныхъ и не менѣе двухъ по побочнымъ предметамъ.

Главное *распоряженіе* всѣми принадлежащими университету *коллекціями и заведеніями для пособія при преподаваніи* поставлено проектомъ устава въ число существенныхъ обязанностей совѣта. И въ этомъ отношеніи, даже болѣе чѣмъ въ другихъ, предстояло совѣту много трудныхъ занятій. Нужно было перевозить коллекціи изъ Кременца и Вильно, для чего командированъ былъ библіотекаръ Ярковскій; нужно было устраивать временныя помѣщенія въ нанятыхъ домахъ, а для нѣкоторыхъ коллекцій постоянныя (напр. ботаническій садъ), приводить въ извѣстность количество и качество предметовъ, классифицировать ихъ сообразно съ требованіями наукъ, увеличивать всѣ коллекціи и пополнять новыми

необходимыми предметами, а нѣкоторыя создавать вновь, составлять каталоги, составлять инструкціи для хранителей коллекцій — словомъ полагать всему начало и, въ то-же время, давать всему видъ, сообразный съ новыми требованіями преподаванія, далеко обширнѣйшаго, чѣмъ то, къ которому основныя старыя коллекціи были приспособлены. Изложеніе распоряженій совѣта объ устройствѣ отдѣльныхъ коллекцій будетъ представлено въ статьѣ о коллекціяхъ ученыхъ и учебныхъ пособіяхъ.

Ученыхъ сношеній внѣ Россіи совѣтъ университета въ разсматриваемый нами періодъ времени не имѣлъ. Но независимо отъ ученыхъ трудовъ отдѣльныхъ членовъ университетскаго сословія, ученая дѣятельность совѣта выразилась въ сношеніяхъ съ императорскою академію наукъ и съ императорскою московскою медико-хирургическою академію. Ученая переписка съ академію наукъ возникла по предмету двухъ вопросовъ. Одинъ изъ этихъ вопросовъ касался хранящейся въ бібліотекѣ университета рукописи на неизвѣстномъ языкѣ, которая приобрѣтена была графомъ Потоцкимъ во время путешествія его въ Китай въ 1805 году и подарена имъ кременецкому лицію. Въ 1834 году академія наукъ, желая опредѣлить языкъ и значеніе этой рукописи, просила совѣтъ университета выслать ее съ объясненіемъ исторіи ея приобрѣтенія. Совѣтъ университета исполнилъ это требованіе; но академія не могла вполне опредѣлить языка рукописи и, снявъ съ нея fac simile, напечатала въ своихъ бюллетеняхъ, а самую рукопись возвратила въ университетъ. Второй вопросъ, бывший предметомъ сношеній между конференцію академіи и совѣтомъ университета, касался высылки въ академію восточныхъ монетъ университетскаго милицъ-кабинета для ученыхъ изслѣдованій Френа (въ 1837) и Дорна (въ 1838). Посредникомъ въ этомъ послѣднемъ сношеніи былъ извѣстный нумизматъ баронъ Шодуаръ. Предметомъ ученой переписки совѣта съ конференцію московской медико-хирургической академіи было доставленіе въ конференцію отъ университета матеріаловъ по исторіи зоологическихъ изслѣдованій въ Россіи, для сочиненія, предпринятаго по этому предмету профессоромъ мо-

сковской академіи Руле (въ 1839 г.). Сверхъ того, въ первый годъ существованія университета, совѣтъ занимался оцѣнкою и разборомъ древнихъ серебряныхъ колець, выкопанныхъ въ кievскомъ уѣздѣ, и составленіемъ надписи для открытыхъ въ Кіевѣ старыхъ золотыхъ воротъ Ярослава; а въ 1839 году доставленіемъ, по просьбѣ начальника управленія топографической съемки царства польскаго, генераль-маіора Рихтера, свѣдѣній о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Кременцѣ, Кіевѣ и Одессѣ.

Предметами особыхъ академическихъ засѣданій совѣта были: 1) чтеніе нѣкоторыхъ сочиненій, представленныхъ въ совѣтъ лицами, ищущими профессорскихъ мѣстъ, изъ коихъ одно относилось къ математикѣ (Громовича), одно къ римскому праву (Игнатовича), два къ философіи (Поссельта и Штейна), шесть къ польской и три къ италіанской словесности (представленные на конкурсѣ). 2) Обсужденіе плана программы ученаго журнала, котораго редакцію взялъ на себя профессоръ Максимовичъ, но котораго изданіе не осуществилось. 3) Чтеніемъ сочиненій, предполагаемыхъ университетомъ къ изданію. Такихъ сочиненій было очень мало. Съ 1834 — 1839 годъ совѣтомъ изданы: а) Рѣчи, произнесенныя при погребеніи ректора, В. Ф. Цыха, б) Рѣчь профессора Новицкаго объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи, и записка о состояніи университета въ 183⁶/₇ году, и с) Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной, протоіерея І. Скворцова, 1838 г.—Въ 1839 г. началъ печатаніемъ трудъ Неволіна «Энциклопедія Законовѣдѣнія.»

б) *Распоряженія совѣта по учебному округу.*

До 1 мая 1836 года, какъ отдѣленіе совѣта, существовалъ при немъ *училищный комитетъ*, составленный подъ предсѣдательствомъ ректора изъ профессоровъ: Якубовича, Цыха, Неволіна и Мицкевича и синдика, сначала Петрова, а потомъ Зимовскаго.—Съ 1 мая 1836 года, хотя училищный комитетъ былъ закрытъ, и управленіе учебною частію округа ввѣрено непосредственно попечителю и особому при немъ совѣту, тѣмъ не менѣе фонъ-Брадке продолжалъ поручать совѣту университета разсмотрѣніе важнѣйшихъ предположеній, по устройству учебной части въ западномъ краѣ.

Дѣйствія и распоряженія совѣта, въ этомъ отношеніи, касались какъ казенныхъ, такъ и частныхъ учебныхъ заведеній, и потому могутъ опредѣлить степень вліянія университета на состояніе образованія въ краѣ вообще.

Укажемъ на главнѣйшія изъ этихъ мѣръ и распоряженій.

а) *По казеннымъ учебнымъ заведеніямъ.*

Вслѣдствіе предписанія начальства о составленіи проекта преобразованія училищъ волынской и подольской губерній, и учрежденія вновь училищъ въ трехъ западныхъ губерніяхъ на мѣсто 245 уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, упраздненныхъ въ этомъ краѣ въ 1831 году, совѣтъ входилъ въ разсмотрѣніе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, собранныхъ попечителемъ округа. По соображеніи потребностей дворянства и средняго сословія, мѣстнаго удобства городовъ, избираемыхъ для учрежденія училищъ, а равно соображаясь со штатомъ училищъ бѣлорусскаго учебнаго округа, составлено было имъ, въ концѣ 1834 года, подробное предположеніе объ учрежденіи и преобразованіи училищъ въ трехъ западныхъ губерніяхъ и представлено, вмѣстѣ со штатомъ училищъ, на разсмотрѣніе высшаго начальства. 16 іюня 1835 года штатъ этотъ и проектъ, въ главныхъ основаніяхъ, удостоился высочайшаго утвержденія, и предписано было ввести его въ гимназіяхъ и училищахъ западнаго края, съ 1 января 1836 года. Введеніе это производимо было главнымъ образомъ также совѣтомъ университета, и учебныя заведенія округа получили устройство, которое они имѣютъ нынѣ, исключая нѣкоторыхъ, съ теченіемъ времени сдѣланныхъ отступленій, едва ли служившихъ къ улучшенію воспитанія и обученія въ краѣ *).

Кромѣ этого общаго преобразованія, училищный комитетъ, во время своего существованія при университетѣ, 1) открылъ двѣ гимназіи: вторую кievскую и клеванскую (переведенную изъ Луцка), и пять четырехклассныхъ уѣздныхъ училищъ: въ Меджибожѣ, Немировѣ, Острогѣ, Теофиолѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ; 2) преобразовалъ, по уставу 1828 года, двѣнадцать уѣздныхъ училищъ черниговской губерніи; 3) пре-

*) Последнее, въ-особенности, должно сказать объ учрежденіи съ 1840 года, общихъ ученическихъ квартиръ.

образоваль преподаваніе новыхъ языковъ, во всѣхъ гимназіяхъ округа, раздѣливъ учениковъ независимо отъ распредѣленія ихъ по классамъ, на шесть отдѣленій, по степени знаній въ языкахъ; 4) неупустительно слѣдилъ за исправленіемъ недостатковъ, открываемыхъ во время осмотра училищъ попечителемъ округа и двумя профессорами-визитаторами: Цыхомъ и Даниловичемъ; 5) заботился о пополненіи училищныхъ библиотекъ русскими книгами и вообще объ усиленіи преподаванія русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

б) По частнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Изъ представленныхъ директорами гимназій программъ частныхъ пансіоновъ, изъ срочныхъ вѣдомостей, а также изъ личныхъ наблюденій визитатора пансіоновъ въ Кіевѣ, профессора Цыха, училищный комитетъ увидѣлъ, что учебная часть въ частныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, вообще недостаточна, и не соотвѣтствуетъ цѣли ихъ учрежденія и что, по неопредѣленности программъ, весьма много въ этихъ заведеніяхъ зависитъ отъ произвола ихъ содержателей и содержательницъ. Отсюда возникла потребность дать этимъ учебнымъ заведеніямъ устройство болѣе опредѣленное и болѣе сообразное съ цѣлью ихъ учрежденія. — Поэтому, составлено было въ комитетѣ предположеніе о преобразованіи всѣхъ частныхъ пансіоновъ округа, и представлено на разсмотрѣніе высшаго начальства. вмѣстѣ съ этимъ, комитетъ озаботился составленіемъ: 1) общихъ правилъ для содержателей, относительно учебной части, и приѣма учителей и надзирателей; 2) инструкціи для осматривающихъ пансіоны; 3) правилъ, опредѣляющихъ отношеніе директоровъ, смотрителей и учителей, осматривающихъ пансіоны, къ ихъ содержателямъ и 4) правилъ, опредѣляющихъ отношеніе содержателей пансіоновъ къ высшему начальству.

Этотъ планъ общаго преобразованія частнаго воспитанія основанъ былъ на началѣ строгаго подчиненія частныхъ заведеній надзору правительства и на стремленія затруднить частнымъ лицамъ конкуренцію съ правительствомъ въ дѣлѣ воспитанія *). — Онъ былъ вызванъ отчасти мѣстными об-

*) Запрещалось, напримѣръ, открывать частные пансіоны въ городахъ, гдѣ не было публичныхъ училищъ. — Строго воспрещалось не только въ

стоятельствами, и отчасти малымъ числомъ лицъ, сколько-нибудь способныхъ заниматься дѣлами народнаго воспитанія и обученія, при огромномъ количествѣ людей, или недостойно спекулировавшихъ на этомъ важномъ предметѣ, или имѣвшихъ въ виду противодѣйствовать видамъ правительства. Вообще начальство боялось упустить изъ рукъ своихъ то сильное средство, на которое рассчитывали миссіонеры, «полагавшіе, что половина пути ими совершена, если они поучаютъ вліяніе на воспитаніе юношества обитаемаго ими края» *). — Стремленіе къ излишней организаціи проявляется во всѣхъ дѣйствіяхъ тогдашняго окружнаго начальства.

Вообще дѣйствія университетскаго совѣта и училищнаго комитета, въ первые два года жизни нашего университета, нисколько не доказываютъ словъ, встрѣчаемыхъ нами во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1835 годъ, по министерству народнаго просвѣщенія, «медленность, вялость въ распоряженіяхъ, и не рѣдко неудовлетворительность принятыхъ мѣръ, прикрываемыхъ формами совѣщательныхъ собраній, представляли важныя затрудненія въ самыхъ необходимыхъ усовершенствованіяхъ и не соответствовали вообще нынѣшнему быстрому ходу дѣлъ **).» Напротивъ, никогда столько не было сдѣлано общихъ преобразованій и учрежденій, никогда не было принято столько замѣчательныхъ частныхъ мѣръ къ улучшенію народнаго образованія въ западномъ краѣ, какъ въ 1834 и 1835 годахъ. — Были конечно ошибки, и ошибки важныя, но развѣ впоследствии, при новомъ устройствѣ окружнаго управленія, ихъ сдѣлано было менѣе? — Настоятельная потребность въ мнѣніи университетскаго сословія, при устройствѣ и движеніи впередъ учебныхъ заведеній въ краѣ, выразилась и послѣ закрытія училищнаго комитета, когда всѣ учебныя заведенія, на основаніи положенія объ управленіи учебными округами, высочайше утвержденного 25 іюня 1835 г., перешли въ непосредственное завѣдываніе попечителя. Пра-

---

частныхъ учебныхъ заведеній, но и въ домашнемъ воспитаніи допускать къ повторенію уроковъ и надзору за гимназистами постороннихъ лицъ безъ разрѣшенія начальства.

*) Слова фонъ-Брадке.

***) Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1835 годъ, стр. VI.

вила объ испытаніи учителей въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разсмотрѣніе учебниковъ для употребленія въ гимназіяхъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, инструкции для преподаванія русскаго языка и ариметики въ приходскихъ училищахъ, составленіе правилъ для веденія каталоговъ въ гимназическихъ библіотекахъ, разсмотрѣніе протоколовъ испытаній на учительскія званія, все это предлагалъ фонъ-Брадке на обсужденіе совѣта, все это отчасти вносится и теперь на заключеніе совѣта. Положеніе объ управленіи округами, освободивъ университетъ отъ стѣснительной для него хозяйственной и административной части учебныхъ заведеній, отняло, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма важное для самого университета, а еще болѣе важное для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, средство имѣть вліяніе на ходъ народнаго образованія. Мы разумѣемъ право университета назначать по своей оцѣнкѣ преподавателей въ окружныя училища. Въ дѣлѣ этомъ университетское сословіе едва ли не болѣе компетентный и безпристрастный судья, чѣмъ правитель канцеляріи попечителя учебнаго округа.

Въ заключеніе предлагаемъ таблицу движенія дѣлъ и бумагъ, въ совѣтѣ и училищномъ комитетѣ, на сколько можно было извлечь для нея данныхъ въ годовыхъ отчетахъ:

Д ѣ л ѣ					Б У М А Г Ъ.			
Годы.	По какому учрежденію.	Поступило.	Рѣшено.	Осталось нерѣшен.	Входящихъ.		Исходящихъ.	Число засѣданій.
					Поступило.			
1834	По совѣту.	321	189	132	844	48	1471	87
	По уч. комитету.	125	87	38	619	59	—	35
1835	По совѣту.	426	365	61	1467	20	3107	90
	По уч. ком.	841	713	128	1271	45	—	55
1836	С в ѣ д ѣ н і й			н е	н а й	д е	н о.	49
1837	По совѣту.	свѣдѣн.	нѣтъ.	38	1316	15	1780	51
1838	По совѣту.	398	325	35	1201	5	1595	45
1839	По совѣту.	353	326	27	1440	—	1816	42

На отписку и производство всѣхъ этихъ дѣлъ, по проекту устава 1834 года, полагалось семь чиновниковъ: синдикъ, секретарь совѣта и пять канцелярскихъ служителей.

б) *По хозяйственной и полицейской администраціи.*

Правленіе университета св. Владимира открыло свои дѣйствія съ 8 марта 1834 года, и до конца 1839 года имѣло 706 засѣданій, т. е. почти по три засѣданія въ недѣлю, второе болѣе сравнительно съ количествомъ засѣданій въ настоящее время.

Хозяйственныя распоряженія правленія были также многосложны какъ и распоряженія совѣта, особенно до 1 мая 1836 года, когда управленіе хозяйственною частію учебныхъ заведеній округа и фондушемъ университета и училищъ отошло непосредственно къ попечителю округа. Дѣятельность правленія главнымъ образомъ состояла:

1) Въ первоначальномъ устройствѣ университетскихъ помѣщеній, какъ то: въ наймѣ домовъ и въ производствѣ необходимыхъ въ нихъ перестроекъ и починокъ, въ приготовленіи мебели и прочихъ движимостей для присутственныхъ мѣстъ университета, аудиторій, ученыхъ коллекцій, помѣщенія казеннокоштныхъ студентовъ, университетскихъ церквей, госпиталя, типографіи и литографіи.

2) Въ перевозкѣ многочисленной движимости вольнскаго лица изъ Кременца въ Кіевъ (библіотеки, коллекцій, костелной утвари, ботаническаго сада и проч.). Для осмотра, повѣрки и оцѣнки всего перевезеннаго на мѣстѣ, крайне затруднительныхъ при стѣснительности помѣщеній, составленъ былъ особый комитетъ съ присяжными.

3) Въ завѣдываніи фондушами университета, обезпеченіи ихъ благонадежными залогами, защищеніи ихъ отъ споровъ и притязаній, предъявляемыхъ фундаторами и должниками, взысканіи долговъ и капиталовъ посредствомъ продажи заложенныхъ имѣній, въ защитѣ пользы университета и общаго училищнаго фондуша, въ дѣлахъ конкурсовыхъ, въ приведеніи въ ясность и окончаніи межевыхъ дѣлъ съ частными владѣльцами, смежными университетскимъ имѣніямъ, въ отысканіи вознагражденія университету за убытки, причиненные университетскимъ имѣніямъ проходившими въ 1830 году вой-

сками, въ обзорѣніи состоянія университетскихъ имѣній совѣтникомъ правленія Казачинскимъ, въ производствѣ въ нихъ ревизской переписки, отдачѣ въ аренду разныхъ хозяйственныхъ статей и угодій и вообще въ управленіи населенными и ненаселенными имѣніями университета. Съ 1 мая 1836 года, всѣ дѣла въ этой статьѣ означенныя отошли, вмѣстѣ съ совѣтникомъ по фундушной части, въ ближайшее завѣдываніе попечителя и за правленіемъ университета осталось:

4) Собираніе, храненіе, распоряженіе доходами какъ съ университетскихъ недвижимыхъ имѣній, фундушей и капиталовъ, такъ и съ другихъ штатомъ опредѣленныхъ статей; составленіе смѣтъ на содержаніе и обзаведеніе всѣхъ хозяйственныхъ потребностей университета, заключеніе договоровъ и подрядовъ, открытіе торговъ, производство денежныхъ выдачъ, устройство отчетности по правиламъ, изданнымъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1834 году, и сношенія съ контрольными инстанціями не только по дѣламъ новаго университета, но и стараго лица съ 1824 года; сношенія съ кредитными установленіями по отсылкѣ въ оныя основныхъ неприкосновенныхъ капиталовъ, по мѣрѣ ихъ накопленія.

Университетъ, до 1842 и 1843 годовъ, своихъ собственныхъ зданій, кромѣ деревяннаго манежа, построеннаго въ 1834 году на дворѣ первой кievской гимназій, не имѣлъ, а для помѣщенія своего со всѣми принадлежностями нанималъ нѣсколько домовъ. Число этихъ домовъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ университетскихъ коллекцій и особыхъ при немъ заведеній, и съ увеличеніемъ числа студентовъ постепенно, съ каждымъ годомъ увеличивалось: въ концѣ 1834 года университетъ помѣщался въ трехъ домахъ, а въ концѣ 1839 года въ семи. Сверхъ того въ разное время были нанимаемы амбары и другія строенія для склада перевозимыхъ изъ Кременца коллекцій.

Чтобы видѣть это наружное распространеніе университета, мы перечислимъ его помѣщенія въ 1834 и 1839 годахъ:

Въ 1834 году университетъ занималъ:

1) Домъ капитана Корта двухъ-этажный каменный съ та-

кимъ же флигелемъ и нижнимъ этажемъ особаго дома, службами и дворомъ. Здѣсь помѣщались въ 1834 году: аудиторіи, квартира казеннокоштныхъ студентовъ, нѣкоторые кабинеты, присутственныя университетскія мѣста, квартиры: инспектора студентовъ, эзекутора и эконома.

2) Часть втораго этажа каменнаго дома подполковника Самойловича для помѣщенія разложенной части библіотеки и университетскаго архива.

3) Часть одно-этажнаго дома генераль-маіора Ахте для помѣщенія университетской больницы.

Сверхъ того для помѣщенія шкаповъ и ящиковъ неразложенной университетской библіотеки нанимаемы были четыре каменные амбара, у купца Подгаецкаго, и отведено бесплатно, по распоряженію мѣстнаго начальства, каменное двухъ-этажное зданіе, занятое прежде хлѣбнымъ магазиномъ. За наемъ всѣхъ этихъ помѣщеній университетъ платилъ 13,750 руб. ас., или 3,928 р. 57 ¹/₇ к. сер.

Въ 1839 году университетъ со всѣми своими принадлежностями занималъ уже слѣдующіе дома:

1) Тотъ же домъ Корта, въ коемъ сверхъ аудиторіи помѣщалось теперь пять университетскихъ кабинетовъ, типографія съ литографіею и квартира эзекутора и одного изъ профессоровъ.

2) Весь двухъ-этажный каменный домъ Самойловича съ каменнымъ и деревяннымъ флигелями и со службами, въ которомъ помѣщался институтъ казеннокоштныхъ студентовъ со всѣми принадлежностями и квартирами двухъ помощниковъ инспектора и эконома институтскаго.

3) Домъ купца Бухтѣева, каменный двухъ-этажный, занятый весь библіотекою университета.

4) Верхній этажъ дома вдовы Иванской для присутственныхъ мѣстъ университета.

5) Домъ наслѣдниковъ надворнаго совѣтника Гудимы-Левковича, каменный двухъ-этажный со службами, въ которомъ помѣщались: шесть кабинетовъ и римско-католическая каплица.

6) Двухъ-этажный домъ генераль-адъютанта Гербея, съ

Флигелемъ для квартиры недостаточныхъ студентовъ и одного изъ помощниковъ инспектора.

7) Часть дома генералъ-маіора Севастьянова для помѣщенія общей больницы кievскихъ учебныхъ заведеній.

Сверхъ всѣхъ этихъ зданій, для помѣщенія временнаго ботаническаго сада и садовника, университетъ нанималъ мѣсто, огородъ и жилой домъ у мѣщанъ Посталыченка и Попова за 77 руб. сер.

Всего на наемъ этихъ помѣщеній университетъ въ 1839 году расходовалъ 6,923 руб. 59²/₇ коп. сер., или 24,132 руб. 54¹/₂ коп. ас.

Съ 1836 года открылъ свои дѣйствія строительный комитетъ для возведенія собственныхъ зданій университета, состоявшій въ вѣдѣніи попечителя, независимо отъ университета.

Разсматривая хозяйственную часть въ университетѣ, изложимъ источники и количество доходовъ университета, штатные расходы его и наконецъ балансъ.

Университетъ въ разсматриваемый нами періодъ времени содержался изъ источниковъ доходовъ, которыхъ движеніе видно изъ особо прилагаемой таблицы.

Мы извлекли изъ отчетовъ всѣ тѣ данныя, которыя въ нихъ имѣются: неполнота таблицы относительно опредѣленія суммъ за всѣ годы, по всѣмъ статьямъ доходовъ, зависитъ отъ неполноты самыхъ годовыхъ отчетовъ.

Опредѣляя движеніе валовой суммы доходовъ по курсу на ассигнаціи, который тогда былъ общимъ, и по нынѣшнему курсу на серебро, получаемъ:

	Ассигнаціями.	Серебромъ.
Въ 1834 году всѣхъ доходовъ	150,494 р. 51 ¹ / ₂ к.	42,998 р. 39 ² / ₇ к.
» 1835 » » »	284,112 » 87 ¹ / ₂ »	81,175 » 10 ⁵ / ₇ »
» 1836 » » »	251,707 » 28 »	71,919 » 22 ² / ₇ »
» 1837 » » »	192,850 » 35 »	55,100 » 10 »
» 1838 » » »	269,926 » 39 »	77,121 » 82 ⁴ / ₇ »
» 1839 » » »	256,523 » 53 ¹ / ₄ »	75,863 » 89 ¹ / ₂ »

Штатъ содержанія университета св. Владимира, высочайше утвержденный 25-го декабря 1833 года, служилъ нор-

мою основныхъ *расходовъ* университета до 1842 года. Только съ 10-го мая 1836 года, съ отчисленіемъ управленія фунда-
шами и имѣніями университета и училищъ округа въ вѣдом-
ство окружнаго начальника, произошли нѣкоторыя перемѣны
въ штатѣ университета. вмѣсто 122,700 р., назначенныхъ
на университетъ св. Владиміра по прежнему штату, велѣно
впредь отпускать изъ государственнаго казначейства на уни-
верситетъ 105,269 р. асс., а на управленіе округомъ 24,500 р.

Вотъ этотъ штатъ университета:

	Одному.	Всѣмъ.
15-ти профессорамъ ординарнымъ:		
жалованья	4,000 р.	60,000 р. асс.
квартирныхъ	500 »	7,500 »
4-мъ экстра-ординарнымъ: жалов.	3,000 »	12,000 »
кварт.	400 »	1,600 »
6-мъ адъюнктамъ: жалованья . .	2,000 »	12,000 »
квартирныхъ	300 »	1,800 »
4-мъ лекторамъ: жалованья . . .	1,700 »	6,800 »
квартирныхъ . .	300 »	1,200 »
2-мъ профессорамъ богословія:		
жалованья	2,000 »	4,000 »
квартирныхъ	300 »	600 »
Учителю рисованья		1,200 »
Совѣтнику по фундушной части: жалованья		3,000 »
квартирныхъ		500 »
Синдику: жалованья		3,000 »
квартирныхъ		500 »
Секретарю совѣта: жалованья		2,000 »
квартирныхъ		300 »
Секретарю правленія: жалованья		1,500 »
квартирныхъ		300 »
Бухгалтеру: жалованья		1,500 »
квартирныхъ		300 »
Экзекутору казенная квартира и жалованья		1,250 »
Библіотекарю, завѣдывающему и милицъ-ка-		
бинетомъ: жалованья		2,000 »
квартирныхъ		500 »
Секретарю библіотеки жалованья		1,000 »

Двумъ помощникамъ бібліотекаря		
жалованья	1,000 р.	2,000 р. асс.
Инспектору студентовъ жалованья		3,000 »
2-мъ помощникамъ, по	1,500 р.	3,000 »
Эконому		600 »
На бібліотеку		5,000 »
» минць-кабинетъ		1,000 »
» астрономическую обсерваторію		1,200 »
» физическій кабинетъ		1,800 »
» минералогическій кабинетъ		1,000 »
» ботанический садъ, всего съ содержаніемъ садовниковъ и рабочихъ и на умноженіе гербарія		6,000 »
» зоологическій кабинетъ		1,000 »
» технологическій в собраніе машинъ и моделей для прикладной математики		1,200 »
» рисовальную школу		360 »
» манежъ		2,500 »
(Прислуга при всѣхъ этихъ заведеніяхъ содержится изъ суммъ на оныя назначенныхъ.)		
На пенсіи		10,000 р. асс.
» Награды за рѣшеніе задачъ		900 »
» выпуску періодическихъ изданій		1,350 »
» издержки при визитаціи училищъ		4,000 »
» переписку съ иностранными корреспондентами		500 »
» печатаніе ученыхъ сочиненій		1,500 »
» освѣщеніе, отопленіе и содержаніе университетскихъ зданій до		20,000 »
» содержаніе привратниковъ, сторожей и служителей университета		5,000 »
» канцелярію попечителя		3,800 »
» одинадцать канцелярскихъ служителей въ совѣтъ и въ правленіи		3,850 »
» особый фундушный столъ въ правленіи		2,200 »
» канцелярскаго служителя высшаго оклада при бібліотекѣ		600 »
» паекъ и обмундированіе одинадцати кан-		

целярскихъ служителей среднего и низшаго оклада	1,000 р. асс.
Канцелярскіе расходы въ совѣтѣ и правленіи	2,200 »
На содержаніе 50-ти казеннокоштныхъ студентовъ, по 400 р. на каждого	20,000 »
» больницу	4,000 »
Доктору	6,200 »
Прибавочнаго жалованья:	
Ректору	1,000 »
Тремъ деканамъ, по 500 р.	1,500 »
Тремъ профессорамъ, членамъ училищнаго комитета, по 360 р.	1,080 »
Пяти профессорамъ для особыхъ занятій съ казеннокоштными студентами, по 360 р. каждому	1,800 »
<hr/>	
Итого	248,390 р. асс.
	или серебр. 70,968 р. 58 к.

Само-собою разумѣется, что сумма, назначенная по штату на жалованье преподавателямъ, расходовалась по мѣрѣ открытія кафедръ въ университетѣ, и количество ея зависѣло отъ подвергавшагося измѣненіямъ числа наличныхъ ординарныхъ, экстрординарныхъ и адъюнктъ-профессоровъ. Остатки отъ этой и отъ другихъ статей употреблялись съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія на другія статьи, и на такіе предметы, которые въ штатѣ не означены, но въ которыхъ открывалась необходимая надобность; таковы напримѣръ: наемъ и ремонтъ университетскихъ помѣщеній, обзаведеніе и содержаніе православной церкви и римско-католической каплицы, и жалованье настоятелямъ и причту, на содержаніе типографіи и литографіи, и на приведеніе въ надлежащее состояніе университетскихъ коллекцій, и, въ-особенности, бібліотеки, на которую съ 1837 года разрѣшено ассигновать по 9000 р. асс. изъ экономическихъ суммъ.

Вообще на наемъ и ремонтъ университетскихъ помѣщеній было израсходовано:

	Наемъ.	Ремонтъ.
Въ 1834 году....	13,750 р. » » ас.	» »
— 1835 » ...	21,083 р. 58 к. »	» »
— 1836 » ...	30,848 р. » » »	7,726 р. 89 к. ас.
— 1837 » ...	28,706 р. 7 к. »	10,208 р. »
Въ 1838 » ...	24,305 р. 40 к. »	2,786 р. 90 к. ас.
— 1839 » ...	24,500 р. » » »	2,870 р. »
<hr/>		
Итого ассигн. ...	143,193 р. » » »	23,621 р. 79 к. ас.
а на серебро	40,912 р. 30 к. »	6,749 р. 8 ¹ / ₇ к.

Типографія, переданная университету изъ главнаго штаба 1-й арміи въ 1835 году, только въ первый годъ своего существованія, выручивъ 6,712 руб. 68 коп., потребовала сверхъ того 3,083 руб. 86 коп. добавочныхъ для своего улучшенія и содержанія; въ слѣдующіе же за тѣмъ годы, она нетолько покрывала выручкою суммы, употребляемыя на ея содержаніе, но приносила небольшой доходъ, которымъ увеличивался экономическій капиталъ университета. Такъ въ 1831 году она принесла чистаго дохода 3685 р. ас., въ 1837 году — 1213 р. ас., въ 1838 году—1477 р. 52 к.; въ 1839 году—750 р., а всего 7125 р. 52 к. ас., т. е. 2037 р. сер.

Вновь открытая въ 1838 году литографія, съ ассигнованіемъ на первоначальное обзаведеніе ея 2706 р. ас. и на содержаніе по 3355 р. ассигнаціями, —выручила въ 1839 году всего 1253 р. ассигнаціями, а израсходовала 2681 р. ас., слѣдовательно стоила университету 428 р. ас.

За удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей университета, отсылаемо было въ кредитныя установленія для приращенія процентами неприкосновенныхъ капиталовъ и экономическихъ суммъ:

Въ 1835 году	67,500 р. » » ас.
— 1836 »	25,575 » » » »
— 1837 »	72,000 » » » »
— 1838 »	39,573 » 73 » »
— 1839 »	11,975 » » » »
<hr/>	
Всего	216,613 р. 73 к. ас. 61,889 р. 63 ⁵ / ₇ к. сер.

Сверх хозяйственной части, въ правленіи, по § 86 устава, долженъ былъ состоять такъ называемый *ректорскій судъ*, въ которомъ ректоръ, какъ предсѣдатель правленія, обязанъ былъ стараться прекращать миролюбиво всѣ недоразумѣнія и споры между лицами, принадлежащими къ университету. Но во все существованіе этого ректорскаго суда, при правленіи никакихъ дѣлъ рѣшать ему не приходилось.

Движеніе дѣлопроизводства, по правленію университета, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Д Ъ Л Ъ.			Б У М А Г Ъ.			Число засѣданій.
	Поступило.	Рѣшено.	Нерѣшено.	Входящихъ.		Исходящихъ.	
				Поступило.	Исполнено.		Съ 8 марта 1834 г.
1834	347	328	109	2847	138	1936	126
1835	317	275	151	3080	163	3272	113
1836	271	254	31	2703	37	3154	—
1837	Свѣдѣн.	нѣтъ.	37	2371	43	3009	155
1838	232	159	73	2129	—	2569	106
1839	245	209	36	2738	—	2802	102

Дѣлопроизводствомъ по правленію занимались 8 чиновниковъ: синдикъ, секретарь и шесть канцелярскихъ служителей, а до 1836 года, сверхъ того, по дѣламъ фундушевымъ: совѣтникъ, столоначальникъ и три канцелярскихъ служителя.

ГЛАВА II.

БЫТЬ ПРОФЕССОРОВЪ.

(1834—1839.)

Университетъ св. Владиміра, при самомъ открытіи своемъ, имѣлъ только одинъ факультетъ — *философскій*, въ составѣ двухъ отдѣленій: *перваго* (нынѣ историко-филологическій) и *второго* (нынѣ физико-математическій факультетъ). Но уже къ концу перваго полугодія перваго академическаго года открыта была въ нихъ первая кафедра юридическаго факультета, а именно кафедра римскаго законовѣдѣнія, а въ слѣдующемъ 183⁵/₆ академическомъ году всѣ основныя кафедры этого факультета, положенныя по уставу 1833 года. Съ тѣхъ поръ въ первыя пять лѣтъ своего существованія университетъ почти не измѣнился въ составныхъ частяхъ своихъ. }

Неполнота въ составѣ профессоровъ и, вслѣдствіе того, преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ однимъ и тѣмъ же лицомъ; чтеніе многихъ лекцій нѣкоторыми профессорами на какомъ-то ломанномъ русско-польскомъ, макароническомъ языкѣ, по незнанію русскаго; необходимость довольствоваться, по недостатку преподавателей, старыми кременецкими учителями, изъ которыхъ одни уже отжили свой вѣкъ по возрасту, другіе, вполне удовлетворяя условіямъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, никогда не могли стать

въ уровень съ требованіями университетскаго преподаванія, и только очень и очень немногіе удовлетворяли имъ; обремененіе членовъ университетскаго сословія хозяйственною администраціею училищъ округа; наконецъ неточная организація самаго преподаванія, основанная на энциклопедическомъ смѣшеніи предметовъ разныхъ факультетовъ: вотъ тѣ препятствія, которыя должны были значительно вредить надлежащему развитію университета въ первый періодъ его дѣятельности.

Впрочемъ, надо сознаться, что эти неблагоприятныя условія ощущались при началѣ университета св. Владиміра гораздо въ меньшей степени, чѣмъ при основаніи другихъ старшихъ его собратій, русскихъ университетовъ. Этимъ послѣднимъ, въ эпоху ихъ основанія, рѣшительно почти не откуда было взять сколько-нибудь способныхъ преподавателей, тогда какъ университетъ св. Владиміра могъ скоро замѣнить старый лицейскій составъ профессорами, воспитавшимися во всѣхъ другихъ русскихъ университетахъ, при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, въ главномъ педагогическомъ институтѣ и въ духовныхъ академіяхъ. Изъ университетовъ, въ особенности дерптскій и московскій, а изъ академій кievская, въ которой, въ эпоху открытія университета, философія процвѣтала при содѣйствіи ректора ея Иннокентія болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, — дали университету многихъ достойныхъ преподавателей. Потому-то новый университетъ быстрѣе сформировался, чѣмъ другіе русскіе университеты. Съ каждымъ новымъ академическимъ годомъ входили въ составъ ученія новые курсы, открывались новыя каедры, которыя поручаемы были большею частью новымъ преподавателямъ, такъ что въ теченіе какихъ нибудь пяти лѣтъ, ученый составъ университета, постепенно увеличиваясь, въ то-же время освѣжался новыми людьми и наконецъ совершенно измѣнился вслѣдствіе политическихъ волненій 1838 и 1839 года. Въ то-же время учебныя и ученыя коллекціи, которыя, при основаніи другихъ университетовъ, приходилось почти вновь создавать, кievскій университетъ, благодаря кременецкому лицію и виленскому университету, получилъ хотя и въ довольно несовершенномъ со-

стояніи, но все-таки большею частью готовыми и снабженными предметами первой необходимости, такъ что ему приходилось только увеличивать и улучшать ихъ сообразно съ современнымъ состояніемъ отечественнаго и европейскаго просвѣщенія.

Не забудемъ наконецъ, что университетъ св. Владиміра основанъ и первоначально развивался въ первые годы самой напряженной, кипучей дѣятельности министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, при которомъ совершился первый радикальный и благодѣтельный переворотъ въ жизни всѣхъ нашихъ заведеній. Какъ его собственное созданіе, университетъ св. Владиміра долженъ былъ обращать на себя особенное вниманіе министра.

Разсматривая умственную дѣятельность молодаго университета въ первый періодъ его жизни, мы обратимъ вниманіе.

Во-первыхъ на движеніе въ численномъ составѣ ученаго университетскаго сословія и на результаты его.

Во-вторыхъ на учебную дѣятельность преподавателей,

Въ-третьихъ на ученые труды ихъ.

Въ-четвертыхъ на самый житейскій бытъ ихъ.

§ 1.

Движеніе въ составѣ ученаго университетскаго сословія.

Съ постепеннымъ расширеніемъ круга дѣйствій университета, увеличеніемъ объема его, замѣщеніемъ вакантныхъ кафедръ, измѣнялось и число лицъ, принадлежащихъ къ университету по званіямъ, ученымъ степенямъ, мѣсту первоначальнаго воспитанія, вѣроисповѣданіямъ, происхожденію, возрастамъ и образу жизни. Всѣ эти измѣненія видны изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи официальныхъ отчетовъ:

	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
По должностямъ и званію.	Профессоровъ богословія по штату 2	2	2	2	2	2
	Ординарныхъ по штату 15	7	12	13	11	14
	Экстраординарныхъ по штату 4	2	2	1	3	1
	Адъюнктовъ по штату 6	3	3	6	5	6
	Преподавателей	«	1	1	4	3
	Лекторовъ по штату 4	3	2	2	2	3
	Учителей искусствъ по штату 5	4	5	5	5	5
Итого	21.	27.	30.	32.	34.	32.
По ученымъ степенямъ.	Докторовъ	2	6	5	7	9
	Магистровъ	8	10	10	8	7
	Кандидатовъ	1	1	1	2	3
	Студентовъ дѣйствительныхъ и главнаго педагогическаго ин- ститута	«	«	3	4	4
	Безъ степени	6	5	6	6	6
	Учителей искусствъ	4	5	5	5	5
По мѣсту воспитанія.	Въ университетахъ	9	11	11	12	13
	Въ лицеяхъ	5	4	4	4	4
	Въ духовной академіи	2	2	2	2	2
	Въ семинаріяхъ (католическихъ)	1	1	1	1	1
	При II отдѣленіи собственнаго его величества канцеляріи	«	3	3	3	4
	При главномъ педагогическомъ институтѣ	«	«	3	4	4
	Въ профессорскомъ институтѣ	«	1	«	«	«
	Въ среднихъ учебныхъ заведе- ніяхъ	1	1	2	2	2
	Въ иностранныхъ училищахъ	3	4	4	4	4
По вѣроисповѣданію.	Православнаго	9	7	11	12	15
	Римско-католическаго	17	19	18	17	15
	Лютеранскаго	«	1	1	3	4
	Реформатскаго	«	«	«	«	«
По происхожденію.	Дворянъ	16	18	19	19	19
	Духовнаго званія	2	5	8	10	10
	Гражданъ	«	«	«	1	1
	Мѣщанъ	«	«	«	«	1
	Иностранцевъ	3	4	3	2	3
По возра- сту.	До тридцати пяти лѣтъ	6	1	12	14	16
	До сорока пяти лѣтъ	3	6	7	9	10
	До пятидесяти пяти лѣтъ и свыше	12	12	11	9	8
По обра- зу жизни.	Холостыхъ	9	16	18	19	19
	Женатыхъ	12	11	12	13	15

Изъ разсмотрѣнія каждой изъ этихъ таблицъ порознь и изъ сопоставленія ихъ одной съ другою можно вывести слѣдующіе общіе результаты:

1) Число университетскихъ преподавателей постепенно увеличивалось, хотя и не достигло до штатнаго числа. Упадокъ въ цифрѣ ученаго сословія въ 1839 году вызванъ закрытіемъ университета, перемѣщеніемъ профессоровъ — мѣстныхъ уроженцевъ въ другіе университеты и увольненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ въ отставку.

2) Нѣкоторыя кафедры, вмѣсто ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, замѣщаемы были адъюнктами и преподавателями, потому что лица, ихъ занимавшія не имѣли требуемыхъ по уставу степеней. Впрочемъ, новому университету сдѣлано было облегченіе допущеніемъ къ званію ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ — лицъ, не имѣвшихъ докторскихъ и даже магистерскихъ степеней. Облегченіемъ этимъ воспользовались преимущественно старые кременецкіе учителя, изъ коихъ только Бессеръ имѣлъ степень доктора, прочіе — степень магистра, нѣкоторые же вовсе ученыхъ степеней не имѣли. Сверхъ того, въ 1838 г. три профессора втораго отдѣленія философскаго факультета воспользовались высочайше предоставленнымъ правомъ получить прямо учёную степень доктора безъ устнаго испытанія, по защищеніи диссертациі *). Отсюда между прочимъ объясняется увеличеніе числа ординарныхъ профессоровъ въ этомъ году.

3) Хотя число преподавателей въ 1839 году уменьшилось, но въ замѣнъ того замѣтно въ ученomъ составѣ увеличеніе цифры преподавателей, имѣющихъ ученныя степени (особенно высшую докторскую) и уменьшеніе числа не имѣющихъ никакихъ степеней. Въ 1834 году преподавателей съ ученными степенями (доктора, магистра и кандидата) было одиннадцать, а вовсе не имѣвшихъ ученыхъ степеней десять; — въ 1839 году первыхъ было двадцать четыре, а послѣднихъ только восемь. Независимо отъ этого, въ 1834 г.

*) Бедоровъ, Траутфеттеръ и Гречина.

докторовъ было только два: одинъ профессоръ богословія, одинъ на второмъ отдѣленіи философскаго факультета, а въ 1839 г. ихъ было десять: одинъ на первомъ отдѣленіи, четыре на второмъ отдѣленіи философскаго факультета и на юридическомъ и одинъ профессоръ богословія.

4) Наибольшее число преподавателей университета получили образованіе въ университетахъ и лицеяхъ. Но надобно замѣтить, что до 1838 года большая часть ихъ вышла изъ одного виленскаго университета (семь) и изъ одного кременецкаго лицея (всѣ четыре). Новые люди поступали въ университетъ изъ воспитанниковъ, приготовленныхъ при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и въ берлинскомъ университетѣ и изъ воспитанниковъ главнаго педагогическаго института. Подъ конецъ этого періода, университетъ рекрутируется изъ воспитанниковъ дерптскаго университета и получаетъ одного преподавателя изъ своихъ собственныхъ учениковъ. Кіевская духовная академія дала университету профессоровъ богословія, философіи и временнаго преподавателя физики.

5) Разсматривая ученый составъ университета по вѣроисповѣданіямъ, видимъ сначала значительный перевѣсъ въ числѣ преподавателей римско-католическаго исповѣданія, который особенно замѣтенъ былъ на второмъ отдѣленіи философскаго факультета, состоявшемъ первоначально изъ однихъ кременецкихъ преподавателей, и менѣе всего на юридическомъ факультетѣ, образованномъ изъ людей все почти новыхъ. Такимъ образомъ характеръ первоначальнаго университетскаго сословія былъ чисто *католическій*. Въ 1839 году отношеніе круто перемѣняется: цифра католиковъ совершенно затирается цифрою православныхъ и протестантовъ: университетъ окончательно обновился.

6) Тѣ-же самые результаты даетъ наблюденіе надъ возрастомъ и образомъ жизни профессоровъ: старое поколѣніе сначала перевѣшиваетъ молодое, потомъ постепенно уступаетъ ему мѣсто и наконецъ почти сходитъ со сцены: изъ двѣнадцати профессоровъ 1835 года, перешедшихъ за пятьдесятъ лѣтъ, въ 1839 году остался одинъ, да и тотъ состоялъ временнымъ преподавателемъ и поступилъ вновь въ

университетъ изъ харьковскаго университета (преподаватель римской словесности, И. О. Гриневичъ). Мѣсто ихъ заняли двадцать три человѣка изъ людей свѣжихъ и слѣдовательно по возрасту подававшихъ надежды на усиленную умственную дѣятельность. Въ этомъ отношеніи опять юридическій факультетъ и первое отдѣленіе философскаго факультета находились, до 1838 года, въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ, чѣмъ второе отдѣленіе философскаго факультета; а съ этого времени мало-по-малу уравнились всѣ факультеты.

7) Наконецъ по происхожденію преподаватели университета принадлежали болѣе всего къ дворянамъ и духовному званію. Только въ послѣдній годъ замѣтенъ приливъ иностранцевъ, да и то между лекторами и учителями искусствъ. Изъ податнаго состоянія всего университетъ имѣлъ, въ послѣдніе два года, двухъ профессоровъ.

УЧЕБНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

1. Лекціи богословскія общія всѣмъ факультетамъ.

А. Богословіе православное.

Докторъ богословія, протоіерей *Иванъ Михайловичъ Скворцовъ* *) читалъ всѣмъ вообще студентамъ грекороссійскаго исповѣданія:

1. *Церковную исторію* въ 183⁴/₅, первомъ полугодіи 183⁵/₆ и въ 183⁸/₉ году; въ первомъ году по два, въ

---

*) *Иванъ Михайловичъ Скворцовъ*, сынъ священника, родился въ 1795 году, въ нижегородской губерніи, въ Арзамасѣ. Обучался сначала въ нижегородской семинаріи, а потомъ въ санктпетербургской духовной академіи, и кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Началъ службу профессоромъ философіи, математики и физики въ кievской духовной семинаріи въ 1817 году, а чрезъ два года переимѣнъ бакалавромъ философіи въ кievскую духовную академію. Постепенно возводимъ былъ въ санъ протоіерея, званіе ординарнаго профессора, члена конференціи и члена консисторіи, а въ 1831 году, комиссіею духовныхъ училищъ возведенъ въ степень доктора богословскихъ наукъ за написанныя имъ сочиненія: 1) «Записки на посланіе къ Ефесеямъ» и 2) «Критическое обозрѣніе кантовой религіи въ предѣлахъ одного разума.» — Нѣсколько разъ исполнялъ должность ревизора духовныхъ училищъ. Нынѣ И. М. Скворцовъ состоитъ каѳедральнымъ протоіереемъ кievо-софійскаго собора и профессоромъ богословія, логики и опытной психологіи въ университетѣ св. Владиміра, имѣетъ орденъ: Анны второй степени съ короною, св. Владиміра третьей степени, наперстный крестъ и митру.

прочіе по три часа въ недѣлю, сначала по собственнымъ запискамъ, руководствуясь притомъ начертаніемъ ея, изданнымъ отъ комиссіи духовныхъ училищъ и церковною исторіею преосвященнаго Иннокентія, потомъ по собственному сочиненію: «Краткое начертаніе исторіи вѣтхозавѣтной и новозавѣтной 1838—39.»

2. *Догматическое богословіе* въ 183⁵/₆, 183⁹/₄₀ годахъ, по три часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, руководствуясь богословіемъ преосвященнаго Теофилакта (de Crendendis), которая признана классическою книгою въ духовныхъ училищахъ.

3. *Нравственное богословіе* въ 183⁶/₇ году, по три часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно богословіемъ Теофилакта (de Agendis) и частию сочиненіемъ протоіерея Кочетова: Начертаніе христіанскихъ обязанностей.

4. *Церковное право греко-россійской Церкви* въ 183⁷/₈ г., по собственнымъ запискамъ, по три часа въ недѣлю. При этомъ преподающій руководствовался: Кормчею книгою, Собраніемъ Законовъ и выписками, составленными митрополитомъ Евгеніемъ, также книгою Правилъ, изданныхъ отъ свѣтѣйшаго снода.

Преподаваніе профессора Скворцева отличалось спокойнымъ, ровнымъ изложеніемъ безъ всякихъ полемическихъ выходокъ. Профессоръ хотѣлъ передать своимъ слушателямъ существенно необходимыя для образованнаго члена Церкви свѣдѣнія объ ея ученіи и историческихъ судьбахъ. Никакихъ слѣдовъ духа нетерпимости не выносили студенты изъ его лекцій и не проявляли въ отношеніи къ товарищамъ. Повтореніемъ пройденнаго занималъ профессоръ студентовъ сначала отъ пятнадцати до шестнадцати разъ въ годъ; а потомъ изъ трехъ часовыхъ лекцій сталъ постоянно употреблять одну на репетицію пройденнаго въ двѣ предъидущія. Послѣ каждой лекціи съ неизмѣнною аккуратностію преподаватель выдавалъ студентамъ записки по этой лекціи, объемъ которыхъ никогда почти не превосходилъ одного листа.

В. *Богословіе римско-католическое.*

Въ теченіе перваго періода римско-католическое богословіе преподавали въ университетѣ одинъ за другимъ два профессора:

1. *Догматическое богословіе* читано было: а) во второе полугодіе 183⁴/₅ года магистромъ богословія Юстиномъ Казимировичемъ *Ходьскевичемъ*, который руководствовался сочиненіемъ ксенза Іоанна Ходани. Въ теченіе же перваго полугодія сего года, по два часа въ недѣлю Ходьскевичъ изъяснялъ Св. Писаніе и церковныя преданія, слѣдуя Энгельберту Клипорелю. б) Въ 183⁸/₉ году читалъ каноникъ Игнатій Петровичъ *Головинскій*, руководствуясь собственными записками, составленными на основаніи сочиненій Либмана.

2. *Нравственное богословіе* преподаваемо было: а) въ 183⁵/₆ году Ходьскевичемъ, по руководству Ходани; б) въ 183⁹/₄₀ году каноникомъ Головинскимъ, по собственнымъ запискамъ, при чемъ преподаватель придерживался сочиненій Шенкля, Поляшка и преимущественно Штапера.

3. *Церковная исторія* читана была въ 183⁶/₇ году Ходьскевичемъ. По увольненіи его, по распоряженію правительства, чтеніе прекратилось по в сьмое число апрѣля 1837 г. Съ сего времени, назначенный на мѣсто прежняго преподавателя каноникъ Головинскій продолжалъ до конца 183⁶/₇ г. излагать церковную исторію, по собственнымъ запискамъ, слѣдуя Рутенштоку.

4. *Церковное право* римско-католической церкви читалъ Головинскій въ 183⁷/₈ году. Руководствомъ служили собственныя записки, при составленіи коихъ преподаватель преимущественно держался сочиненій Девоты и Вальтера. При общемъ изложеніи науки были постоянно приводимы и объясняемы законы для римско-католической Церкви въ Россіи, на основаніи высочайшихъ указовъ, распоряженій римско-католическихъ коллегій и епархіальныхъ обычаевъ.

Всѣ лекціи читались на польскомъ языкѣ; для чтенія ихъ постоянно, съ 1835 года, употребляемо было по три часа въ недѣлю. На репетиціи пройденнаго, профессоръ Ходь-

скевичъ употреблялъ по четверти часа предъ каждою лекціею, а профессоръ Головинскій по большей части одинъ часъ въ мѣсяцъ.

Выборъ перваго преподавателя римско-католическаго богословія въ университетѣ былъ довольно неудаченъ. Воспитанный, какъ сказано въ его формулярѣ, въ динабургской и полоцкой іезуитскихъ школахъ, священникъ Ходьскевичъ *), сколько можно судить по отзывамъ и воспоминаніямъ его слушателей, не отличался ни основательнымъ знаніемъ предмета, ни даромъ преподаванія и не умѣлъ внушить къ себѣ уваженія своими нравственными качествами. Сверхъ того, онъ былъ довольно безтактенъ для того, чтобы опредѣлить свое положеніе въ университетѣ, принявъ на себя роль распространителя русскаго элемента между студентами. Начальство должно было уволить профессора, который не ловкою ревностію компрометировалъ правительство въ глазахъ студентовъ. Заступившій его мѣсто каноникъ *Головинскій* успѣлъ загладить невыгодное впечатлѣніе, произведенное предшественникомъ **). Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчатель-

---

*) *Юстинъ Казимировичъ Юноша де Ходичъ - Ходьскевичъ*, изъ дворянъ витебской губерніи, родился въ 1790 году, обучался въ динабургскомъ и полоцкомъ іезуитскихъ училищахъ, сначала принадлежалъ къ іезуитскому ордену и былъ учителемъ въ разныхъ повѣтовыхъ училищахъ, а въ 1811 году добровольно вышелъ изъ него. Потомъ служилъ настоятелемъ римско-католическаго мозырскаго прихода, имѣлъ санъ минскаго кафедральнаго богослова и каноника. Въ 1820 году виленскимъ университетомъ возведенъ въ степень магистра богословія. Уволенъ отъ должности профессора и настоятеля унѣтской римско-католической каплицы въ концѣ 1836 года.

***) Каноникъ *Игнатій Петровичъ Головинскій* родился въ 1808 году, сынъ дворянина, въ дѣтствѣ лишился отца, росъ въ бѣдности подъ надзоромъ доброй набожной матери, обученіе первоначальное получилъ въ мѣнджирѣчскомъ пiarскомъ училищѣ, а потомъ въ виленской семинаріи, которую кончилъ со степенью магистра богословія. Съ 1830 года былъ сначала законоучителемъ въ житомирскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ житомирской гимназіи. Отсюда, въ 1837 году, занялъ мѣсто профессора и настоятеля въ университетѣ св. Владимира, въ которомъ преподавалъ до 1841 года, когда былъ вызванъ ректоромъ с.-петербургской римско-католической академіи. Дальнѣйшая жизнь его не принадлежитъ къ университету. Умеръ въ 1855 году, въ санѣ митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи. Трогательный разсказъ его о своемъ дѣтствѣ помѣщенъ въ сборникѣ «TeKa Rozmoitosci», 1844, въ статьѣ «Zycie mojej matki».

ныхъ людей въ университетѣ и историческое лицо въ католической іерархіи въ Россіи. Извѣстный литераторъ,—одинъ изъ лучшихъ духовныхъ ораторовъ своего народа, Головинскій, какъ профессоръ, обладалъ и богословскою ученостію и даромъ одушевленнаго изложенія. Особенно замѣчательны были его лекціи по церковной исторіи.

По идеямъ, которыя проводилъ онъ съ университетской кафедры, Головинскій принадлежалъ къ ультрамонтанской партіи. Средневѣковое папство находило въ его лекціяхъ полное признаніе и въ теоріи и въ жизни. Онъ находилъ разумную основу для самой инквизиціи. Св. Судилище, говорилъ онъ, судило еретика, но приговоръ и исполненіе суда предоставлено свѣтской власти. Свѣтская власть возводила преступника на костеръ. Процессъ инквизиціонный находилъ у него слѣдующее оправданіе: если убійцу нашего тѣла предастъ общество казни, то гдѣ найтти достойную казнь убійцѣ нашей души, еретіку, лишшающему человѣка жизни вѣчной.

2. Лекціи перваго отдѣленія философскаго факультета.

Въ составъ перваго отдѣленія философскаго факультета входили слѣдующія кафедры:

1. Философія.
2. Греческая словесность и древности.
3. Римская словесность и древности.
4. Россійская словесность.
5. Всеобщая и руссійская исторія и статистика.

Сверхъ того къ этому отдѣленію причислены были лекторы языковъ:

Французскаго.

Нѣмецкаго.

Италіянскаго.

Польскаго.

Вмѣстѣ съ студентами перваго отдѣленія, слушали студенты юридическаго факультета всѣ предметы и языки, кромѣ греческой словесности и древностей; а студенты втораго отдѣленія философію, русскую словесность, всеобщую и русскую исторію и всѣ языки. Изъ языковъ одинъ только ита-

лянскій не былъ обязательенъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Польскій языкъ преподавался только два первые года: въ 183⁴/₅ и 183⁵/₆ г.

Деканами по первому отдѣленію философскаго факультета были профессеры: М. А. Максимовичъ, В. Ф. Цыхъ, М. Ю. Якубовичъ, снова М. А. Максимовичъ, О. М. Новицкій.

Философія въ разсматриваемый періодъ времени была преподаваема въ большомъ объемѣ. Въ составъ ея входили логика, опытная психологія со включеніемъ прикладной части ея (исторіи души), нравственная философія въ соединеніи съ естественнымъ правомъ, и исторія философіи. Для преподаванія всѣхъ этихъ частей въ теченіе четырехъ лѣтняго курса употребляемо было сначала по пяти, а потомъ по десяти часовъ въ недѣлю. При слушаніи лекціи соединяемы были студенты нѣсколькихъ курсовъ или полугодій, но вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе распредѣлялось такъ, чтобы каждый изъ студентовъ выслушалъ въ теченіе четырехъ лѣтъ полный курсъ философіи. Слушаніе философскихъ лекцій первоначально было обязательнымъ по логикѣ и исторіи философіи для всѣхъ студентовъ университета, а по прочимъ частямъ для студентовъ перваго отдѣленія философскаго и юридическаго факультетовъ. Отъ этой связи съ философіею не могли не выплывать науки юридическаго факультета, имѣвшаго, уже по этому одному обстоятельству, въ разсматриваемый періодъ времени гораздо болѣе условій къ процвѣтанію, чѣмъ впоследствии.

Преподаваніе философіи возложено было до 183⁸/₉ года на магистра богословскихъ и словесныхъ наукъ, впоследствии ординарнаго профессора *О. М. Новицкаго*; а съ 183⁸/₉ года раздѣлено было между имъ и адъюнктомъ, также магистромъ кievской духовной академіи, *П. С. Авсеньевымъ* *).

---

*) *Орестъ Марковичъ Новицкій*, изъ духовнаго званія, родился въ 1805 году, первоначальное воспитаніе получалъ въ волынской семинаріи, окончательное въ кievской духовной академіи. Удостоенный степени магистра богословскихъ и словесныхъ наукъ, Новицкій въ 1831 году назначенъ былъ профессоромъ философіи въ полтавскую духовную семинарію, но чрезъ годъ переведенъ сначала бакалавромъ по классу польскаго языка, а потомъ и

Профессоръ *Новицкій* преподавалъ: попеременно въ одно и то-же время, читая отъ трехъ до шести часовъ въ недѣлю:

а) Логикѣ сначала по системѣ Круга, потомъ придерживаясь Бахмана и Тросклера. б) Опытную психологію, слѣдующую сначала Эшенмайеру, потомъ по руководствамъ Каруса, Фишера и Гейнрота. — Преподаватель постепенно улучшалъ свои записки по психологіи, приготавливая ихъ къ изданію въ свѣтъ. — Существенное отличіе его лекцій отъ общепринятыхъ руководствъ заключалось въ расширеніи содержанія опытной психологіи: 1) прибавкою общей части или трактата о природѣ души вообще (ея простотѣ, субстанціональности, мѣстопробываніи и т. д.), который прежде былъ относимъ психологами къ метафизикѣ и слѣдовательно былъ разсматриваемъ независимо отъ опыта; 2) введеніемъ въ науку новѣйшихъ изслѣдованій лучшихъ психологовъ о душѣ, какова напримѣръ новая теорія чувственного наблюденія по Фишеру.

б) Правственную философію въ соединеніи съ естественнымъ правомъ, первую по Эшенмайеру и Кругу, а второе преимущественно по Бауеру и Шталю.

с) Наконецъ исторію философскихъ системъ до Декарта, руководствуясь Кузеномъ, Риттеромъ, Боленомъ, Виндишманомъ, Крейцеромъ, Рейнгольдомъ и замѣчательнѣйшими монографіями, профессоръ излагалъ предметъ по собственному плану. На чтеніе этого предмета употребляемо было, въ теченіе трехъ лѣтъ, ежедневно отъ трехъ до четырехъ часовъ. Съ особенною подробностію излагаемы были ученія Платона и Аристотеля. Введеніе въ исторію философіи буквально излагалось по Кузену.

Сверхъ общихъ факультетскихъ лекцій, профессоръ *Новицкій* излагалъ казеннокоштнымъ студентамъ основанія пе-

по кафедрѣ философіи въ кievскую духовную академію, и вслѣдъ за тѣмъ въ университетъ св. Владиміра. Въ 1837 году *Новицкій* былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора, нѣсколько разъ былъ деканомъ и цензоромъ. Нынѣ г. *Новицкій*, въ чинѣ статскаго совѣтника, состоитъ цензоромъ кievскаго ценсурнаго комитета и имѣетъ орденъ Анны второй степени съ императорскою короною.

дагогикѣ и упражнялъ этихъ студентовъ въ преподаваніи логики.

Лекціи профессора Новицкаго не столько производили впечатлѣніе особенною глубиною содержанія, сколько искусствомъ изложенія. Новицкій владѣлъ въ этомъ отношеніи рѣдкимъ даромъ. Всѣмъ студентамъ, его слушателямъ, памятна та удивительная простота, ясность и послѣдовательность, съ какими онъ передавалъ самыя отвлеченныя по существу своему ученія. Ни одного положенія, бывало, не оставитъ онъ безъ того, чтобы не разложить его на составныя части. Объяснивъ и доказавъ самымъ скрупулезнымъ образомъ каждую часть, давалъ потомъ ясное и отчетливое понятіе о цѣломъ. Случалось, что эта страсть къ анализу доходила у профессора до крайностей, особенно когда онъ становился оппонентомъ на публичныхъ диспутахъ; но понятно какую огромную пользу могли выносить студенты изъ лекцій Новицкаго: по собственному сознанію многихъ изъ нихъ, ему обязаны они стройностію и отчетливостію въ мышленіи и изложеніи мыслей. Не разъ случалось слышать отъ бывшихъ слушателей г. Новицкаго, занимавшихъ впоследствии трудное поприще педагоговъ, что лекціи его о системѣ Платона могли быть понятны ученикамъ четвертаго класса гимназій.

Съ 183⁸/₉ года за профессоромъ Новицкимъ осталось чтеніе опытной психологіи и исторіи древней и средневѣковой философіи до Декарта, а чтеніе логики, исторіи души, исторіи новѣйшихъ философскихъ системъ, нравственной философіи принялъ на себя адъюнктъ П. С. Авсенева, впоследствии умершій въ Римѣ въ санѣ архимандрита. Ученая дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка относится главнымъ образомъ къ слѣдующему періоду; въ этотъ же онъ читалъ: логику, исторію души и исторію новѣйшей философіи менѣе, чѣмъ два полугодія, а потому вліянія своего ничѣмъ обнаружить не могъ.

Преподаваніе *древне-классической филологіи* слагалось изъ двухъ отдѣловъ: 1) преподаванія правилъ греческаго и римскаго языковъ и объясненія классическихъ авторовъ и 2) изъ чтенія наукъ, входящихъ въ составъ филологіи.

1) Преподаваніе *греческаго языка* не могло процвѣтать въ этотъ періодъ времени. Причинами этого были сколько совершенная неприготовленность слушателей при поступленіи въ университетъ, гдѣ начинали они съ азбуки, столько и еще болѣе немѣніе въ теченіе трехъ лѣтняго курса отдѣльнаго профессора по этой каедрѣ. Съ 183⁴/₅ по 183⁶/₇ годъ ординарный профессоръ римской словесности Якубовичъ временно излагалъ на латинскомъ языкѣ греческую грамматику по Гроддеку и объяснялъ мѣста изъ хрестоматіи Якобса по два часа въ недѣлю. Въ 183⁶/₇ году тѣ-же самые предметы читалъ на русскомъ языкѣ, по три часа въ недѣлю, исправляющій должность адъюнкта по каедрѣ всеобщей исторіи, А. Н. Ставровскій, а профессоръ Якубовичъ изъяснялъ, также три часа въ недѣлю, Гомера и Ксенофонта. Для обоихъ преподавателей, особенно для Ставровскаго, греческій языкъ не былъ спеціальностію, а г. Якубовичъ, сверхъ занятій по спеціальной его каедрѣ римской словесности, исполнялъ еще должность хранителя милицъ-кабинета. Неудивительно, что успѣховъ при такихъ условіяхъ ожидать было трудно. Самъ профессоръ Якубовичъ въ отчетѣ за 183⁴/₅ годъ говоритъ: «Предположенное на сей годъ едва ли можетъ быть пройдено, по причинѣ гораздо большаго числа учениковъ въ греческомъ языкѣ, починающихъ отъ самыхъ началовъ.»

Это обстоятельство осталось во всей силѣ даже и послѣ назначенія въ 183⁷/₈ году на каедру греческой словесности и древностей отдѣльнаго профессора въ лицѣ доктора философіи изъ Дерпта, *И. Я. Нейкирха*, который преподаетъ этотъ предметъ и теперь *). Принявъ на себя лекціи гг.

---

*) *Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ*, изъ дерптскихъ гражданъ, родился въ 1804 году, образованіе получилъ при дерптскомъ университетѣ въ педагогико-философской семинаріи, и довершилъ его ученымъ путешествіемъ за границу, гдѣ въ Лейпцигѣ получилъ степень доктора философіи. По возвращеніи изъ-за границы состоялъ при дерптскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1837 году выдержалъ испытаніе на степень магистра филологіи и опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ греческой словесности и древностей въ университетъ св. Владиміра. Въ 1838 году возвышенъ въ званіе ординарнаго профессора. Въ теченіе своей службы былъ проректоромъ и нѣсколько разъ деканомъ. Съ 1850 года состоитъ въ

Якубовича и Ставровскаго, профессоръ Нейкирхъ изъяснялъ на латинскомъ языкѣ Ксенофонта, Гомера, Софокла, Оуклида и Теокрита по пяти часовъ въ недѣлю и преподавалъ студентамъ перваго курса на латинскомъ языкѣ греческую грамматику по Росту и Бутману, съ объясненіемъ статей изъ Якобса по три часа въ недѣлю. Впрочемъ послѣдняя грамматическая часть преподаванія, съ половины 183⁸/₉ года поручена была вновь назначенному адъюнктомъ, магистру древней словесности дерптскаго университета *А. К. Деллену* *). Съ поступленіемъ на кафедру греческой словесности двухъ воспитанниковъ дерптскаго университета, перенесена была въ кievскій университетъ и система дерптской филологіи, которая могла дать успѣшные результаты только подъ условіемъ той же степени развитія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ кievскаго округа, на какой они находились въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дерптскаго округа. Условію этому удовлетворяли въ извѣстной степени ученики, поступавшіе въ университетъ въ первые два года его существованія изъ бывшихъ западныхъ училищъ, въ которыхъ по крайней мѣрѣ латинскій языкъ находился въ довольно хорошемъ состояніи. Но впоследствии изученіе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ упадаетъ, а потому и Нейкирхъ и Делленъ, хотя и владѣли всѣми средствами современной филологіи, но, по необходимости, должны были ограничиваться преимущественно грамматическимъ разборомъ греческихъ авторовъ.

Римская словесность могла имѣть болѣе условій, необходимыхъ для успѣшнаго развитія, чѣмъ греческая, только въ томъ отношеніи, что въ университетъ, особенно въ началѣ, поступали слушатели, достаточно приготовленные въ латинскомъ языкѣ, тогда какъ въ языкѣ греческомъ они должны были начинать отъ первыхъ началъ. Латинскій языкъ слушали студенты обоихъ факультетовъ. Латинскій языкъ и словесность преподавали адъюнктъ Корженевскій и ординарный профессоръ Якубовичъ.

этой должности и теперь, въ чинѣ статскаго совѣтника, имѣть орденъ Анны второй степени съ короною.

*) Его дѣятельность относится къ слѣдующему періоду.

Корженевскій по два часа въ недѣлю занимался изъясненіемъ и переводомъ на русскій языкъ Юлія Цезаря, Цицерона, Теренція, Овидія и Тита Ливія по 183⁸/₉ учебный годъ. Сверхъ того, въ первые два года упражнялъ студентовъ въ переводѣ съ русскаго на латинскій языкъ по руководству Шеллера, а въ послѣднемъ году излагалъ правила латинской стилистики, по одному часу въ недѣлю. *Якубовичъ* по 183⁹/₄₀ годъ изъяснялъ, отъ двухъ до шести часовъ, на латинскомъ языкѣ, по правиламъ герменевтики Цицерона, Вергилія, Горация, Тацита съ переводомъ трудныхъ мѣстъ на русскій языкъ, руководствуясь комментаріями Гейне, Вольфа, Доуна, Нейде. Сверхъ того, профессоръ Якубовичъ задавалъ студентамъ темы для собственныхъ сочиненій по разнымъ частямъ классической филологіи и назначалъ многія мѣста изъ римскихъ классиковъ, которыя студенты должны были сами объяснять и комментировать «для показанія пробы собственныхъ силъ и опытности въ наукѣ.»

2) Что касается до преподаванія наукъ филологическихъ, то оно раздѣлено было между ординарнымъ профессоромъ Якубовичемъ и адъюнктомъ Корженевскимъ.

Профессоръ Якубовичъ открылъ свои чтенія въ 183⁴/₅ году энциклопедіею классической филологіи, которую преподавалъ въ теченіе года по полтора часа въ недѣлю, на латинскомъ языкѣ, по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно сочиненій Барби, Аста, Бернгарди и Гердера. Потомъ онъ читалъ *исторію греческой и римской литературы* сравнительно, также по собственнымъ запискамъ, изъ которыхъ давалъ каждую лекцію краткій конспектъ своимъ слушателямъ и которыя профессоръ приготовлялъ къ изданію подъ заглавіемъ: *Litteraturae antiquae h. e. Graecorum et Romanorum interioris ejusdem causarum et vicissitudinum enarratio*. Главными пособіями при чтеніи этого предмета служили автору сочиненія Бернгарди, Аста, Гродека и обопхъ Шлегелей. Наконецъ *археологію* филологическую вмѣстѣ съ *пулзматикою* преподавалъ тотъ же Якубовичъ въ теченіе одного семестра, по полтора часа въ недѣлю, на латинскомъ языкѣ, по собственнымъ запискамъ, руководствуясь Винкельманомъ, Эрнести и Адессономъ. Сверхъ того, про-

фессоръ Якубовичъ упражнялъ казеннокоштныхъ студентовъ въ преподаваніи латинскаго языка.

Адъюнктъ Корженевскій читалъ *римскія древности* по три часа въ недѣлю для перваго курса и потомъ *миѳологію* по полтара часа для студентовъ всѣхъ курсовъ по собственнымъ запискамъ, руководствуясь въ первой наукѣ сочиненіями Адама, Крейцера, Фусса и частію Нибура, а во второй — Крейцеромъ и Германомъ, при чемъ излагалъ не одну исторію боговъ и героевъ, но предпосылалъ этому изложенію трактатъ о религіозномъ, философскомъ и политическомъ значеніи мѳовъ.

Изъ этого видно, что преподаваніе классической филологіи въ университетѣ св. Владиміра задумано было и производилось по плану, даже слишкомъ, быть можетъ, обширному для слушателей, обремененныхъ множествомъ другихъ факультетскихъ лекцій. Впослѣдствіи, уже въ половинѣ слѣдующаго періода, совѣтъ университета, сознавая несоотвѣтствіе между содержаніемъ и объемомъ преподаванія древней филологіи и средствами слушателей, почелъ нужнымъ исключить изъ числа филологическихъ предметовъ мѳологію, энциклопедію филологіи и археологію съ нумизматикою. Мѣра эта едва ли достигала своей цѣли — приготовить способныхъ специалистовъ по филологіи. Въ этомъ явленіи, быть можетъ, тогда уже заключалось показаніе, что въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета соединены двѣ самостоятельныя и слишкомъ обременительныя для изученія одному человѣку отрасли человѣческаго знанія.

Обращаясь къ личностямъ и средствамъ самыхъ преподавателей, мы охарактеризуемъ только двухъ главныхъ филологическихъ дѣятелей въ этомъ періодѣ университетской жизни, — Корженевскаго и Якубовича.

Корженевскій *), сколько можно судить по общему отзыву

---

*) *Иосифъ Викентьевичъ Корженевскій*, изъ дворянъ, родился въ 1797 году, образованіе получилъ въ вольнскомъ лицей, потомъ слушалъ лекціи въ варшавскомъ университетѣ и наконецъ, въ 1823 году, опредѣленъ былъ въ вольнскій лицей учителемъ польской словесности. Въ 1830 году избранъ былъ въ члены корреспонденты королевскаго варшавскаго общества любителей наукъ, а въ 1834 году опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ древней

слушателей, и сознательно и бессознательно передававших свои впечатлѣнія, былъ не основательный ученый, но дилетантъ въ наукѣ. Истинное призваніе его и тогда было то-же, какое и теперь: онъ былъ даровитый беллетристъ, а профессура служила для него только средствомъ занять известное положеніе въ обществѣ. Сверхъ того, аристократическія заманки мѣшали научному сближенію его съ студентами. Гораздо выше былъ онъ на каюдрѣ польской словесности, отчасти потому, что былъ къ этому предмету болѣе подготовленъ, а отчасти потому, что самый предметъ, независимо отъ личности преподавателя, возбуждалъ интересъ въ тѣхъ слушателяхъ, которые составляли большинство въ университетѣ.

Профессоръ Максимиліанъ Юрьевичъ *Якубовичъ* *) принадлежалъ къ числу характеристическихъ лицъ въ молодомъ университетѣ. Онъ былъ истинный представитель чисто на-

словесности въ университетъ св. Владиміра. Уволенъ изъ университета въ 1838 году, и нынѣ состоитъ директоромъ варшавской гимназіи и приобрѣлъ своими сочиненіями известность въ польской драматической литературѣ.

*) Максимиліанъ Юрьевичъ *Якубовичъ* родился въ 1784 году отъ родителей дворянскаго сословія. Образование получилъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи Гроддека. По полученіи степени магистра филозофій, въ 1811 году, опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ луцкое уѣздное училище, потомъ въ светелиское уѣздное училище, потомъ въ гродненскую гимназію, варшавскій лицей, потомъ опять въ гродненскую гимназію и наконецъ, въ 1824 г., въ вольнскій лицей. Здѣсь издалъ грамматику польскаго языка, принятую въ число учебниковъ въ виленскомъ округѣ, и велѣлъ за тѣмъ латинскую грамматику и разсужденіе о способѣ изученія языковъ. По закрытіи лицея, опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ римской словесности въ университетъ св. Владиміра. Здѣсь онъ преподавалъ этотъ предметъ (а сначала и греческую словесность) до 1839 года, отбывая должность члена училищнаго комитета, потомъ декана, ревизуи кіевскія гимназіи и исполняя другія порученія начальства и университета. При открытіи университета произнесъ рѣчь *de pulchro Platonicis*. — Въ 1839 году переведенъ былъ на ту-же должность въ московскій университетъ, гдѣ, въ 1841 году, произнесъ на актѣ рѣчь «*de virtute romana ejusque causis*.» — Уволенный въ 1842 году, за выслугу сверхъ двадцатилѣтняго срока еще пяти лѣтъ, Якубовичъ отправился въ Вильно, потомъ въ Кіевъ, а наконецъ въ Кременецъ. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ Житомирѣ, занимаясь нравственною философіею и приготавливая сочиненіе по этому предмету на польскомъ языкѣ. Умеръ въ 1853 году.

учной дѣятельности стараго лица, — и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названъ однимъ изъ послѣднихъ представителей филологин времени возрожденія, которыхъ типы, быть можетъ, и теперь еще не совсѣмъ вымерли въ Европѣ. Высокій, сухой человѣкъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами и безпрестанно мигающими глазами, онъ виѣ своего предмета являлся дряхлымъ старикомъ. Но когда дѣло шло о какомъ-нибудь словѣ или оборотѣ римскаго писателя, о какомъ-нибудь вариантѣ стиха виргиліева или гораціева, — Якубовичъ совершенно преобразался и становился молодымъ энтузіастомъ: вся фигура его приходила въ движеніе и слова шли изъ усть какъ-то смѣшанно, торопливо, погоняя другъ друга. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова влюбленъ въ произведенія и обычай римской жизни. Слушатели его никогда не забудутъ лекціи о римскихъ баняхъ. Потерявъ любимаго сына, старый профессоръ, обливаясь слезами, говорилъ: «что за мальчикъ былъ! двѣнадцати лѣтъ зналъ наизусть двѣ книги Энеиды!» При такомъ живомъ сочувствіи къ своему предмету, и владея самъ огромною, хотя, быть можетъ, и непримѣяемою къ жизни эрудиціею, Якубовичъ къ сожалѣнію не умѣлъ передать своего чувства студентамъ. Его восторги срывали у нихъ невинную улыбку, которой не замѣчалъ добродушный профессоръ. Положительныхъ свѣдѣній изъ его грамматическихъ и филологическихъ лекцій слушатели выносили немного. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что первый и второй выпускъ въ университетѣ болѣе всего дали способныхъ филологовъ. Но это явленіе принесть должно не университету св. Владимира: оно было слѣдствіемъ системы обученія, принятой въ старыхъ польскихъ училищахъ этого края.

Русская Словесность была преподаваема до 1840 года тремя преподавателями: сначала ординарный профессоръ М. А. Максимовичъ преподавалъ одинъ, а съ 1836 года при помощи адъюнктовъ: Н. П. Голубкова, а потомъ В. Н. Крассова.

Профессоръ Максимовичъ постоянно преподавалъ студентамъ обоихъ факультетовъ исторію русской словесности по своимъ запискамъ, которыя составилъ на основаніи самыхъ памятниковъ отечественной словесности. Съ особенною любовію останавливался Максимовичъ на произведеніяхъ велико-

русской и южно-русской народной поэзии и на Слово о Полку Игоревѣ. Кромѣ этого, съ 1836—1837 года, онъ употреблялъ сначала три, а потомъ полтора часа въ недѣлю для критическаго чтенія образцовыхъ русскихъ писателей, для разбора сочиненій студентовъ на заданныя или ими самими избранныя темы, и наконецъ для упражненія казеннокоштныхъ студентовъ въ чтеніи изустныхъ лекцій о разныхъ предметахъ. Какъ первый ректоръ новаго университета, какъ профессоръ, имѣвшій болѣе другихъ литературную извѣстность, Максимовичъ пользовался особеннымъ авторитетомъ въ университетѣ и въ обществѣ и служилъ въ то время единственнымъ органомъ къ сближенію ихъ между собою. Такое значеніе Максимовича не осталось безъ вліянія и на студентовъ. Независимо отъ этого, и какъ преподаватель, одаренный живою одушевленною рѣчью, онъ увлекалъ молодежь университетскую. Положительныхъ знаній изъ лекцій его студенты выносили мало, но такими лекціями, каковы, напримѣръ, всѣмъ памятныя лекціи его о народной поэзии и Слово о Полку Игоря, и его замѣчательные критическіе разборы авторовъ, онъ умѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и дѣйствовать на эстетическое развитіе молодыхъ людей. Въ этомъ и заключается великая заслуга Максимовича для молодого университета, гораздо болѣе плодотворная и въ то время необходимая, чѣмъ огромная, но сухая эрудиція. Къ сожалѣнію, не владѣя иностранными языками, онъ не могъ знакомить слушателей съ произведеніями западной словесности, для которой впрочемъ не было особенной кафедры. Максимовичъ не былъ теоретикомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Высказанныя имъ въ первыхъ лекціяхъ предварительныя теоретическія понятія о словесности, быть можетъ, и не удовлетворяли правиламъ строго-логическаго построенія; но одушевленность и жизненность изложенія увлекали студентовъ. Сила и значеніе Максимовича — въ критическихъ разборахъ писателей. За теорію онъ никогда и не брался, возлагая этотъ трудъ на своихъ адъюнктовъ, которымъ поручалось чтеніе теоріи краснорѣчія и теоріи поэзии. Сначала исправляющимъ должность адъюнкта у Максимовича былъ воспитанникъ педагогическаго института, Н. П. Голубковъ, который въ 1836

и 1837 году читалъ теорію поэзіи по Бахману студентамъ втораго и третьяго курсовъ по два часа въ недѣлю, и сверхъ того по три часа занимался съ студентами перваго курса обоихъ факультетовъ разъясненіемъ свойствъ русскаго языка и практическими упражненіями въ сочиненіяхъ. Голубковъ прошелъ, въ свое короткое однолѣтнее пребываніе въ университетѣ, вовсе незамѣченнымъ и памятенъ только совершенною неспособностію въ преподаваніи. Въ 1837 и 1838 году замѣнилъ его кандидатъ московскаго университета, В. И. *Крассовъ*, читавшій всего два года *): въ первомъ году теорію краснорѣчія по запискамъ, составленнымъ на основаніи чтеній о словесности Давыдова и сочиненій Бутервека, Рихтера, Эбергарда и Бахмана, а во второмъ году излагалъ теорію поэзіи по Бахману, употребляя на чтеніе по три часа въ недѣлю и сверхъ того упражнялъ студентовъ въ русскомъ слоgѣ по полтора и по три часа въ недѣлю.

Крассовъ былъ даровитая поэтическая натура, но несколько не профессоръ. Поэтической талантъ его видѣнъ въ немногихъ напечатанныхъ имъ стихотвореніяхъ (въ Библіотекѣ для чтенія и Отечественныхъ Запискахъ) въ гейневскомъ родѣ. Чтобы быть хорошимъ профессоромъ и ученымъ ему не доставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію ихъ. Читалъ онъ подъ вліяніемъ минуты съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Сверхъ того, у него была способность видѣть въ утрированномъ поэтическомъ свѣтѣ самыя обыкновенныя вещи. Этою восторженностію онъ производилъ нѣкоторое впечатлѣніе на слушателей, только что наступившихъ въ

---

*) Василій Ивановичъ *Крассовъ* родился въ 1810 году отъ родителей духовнаго званія. Окончивъ ученіе въ вологодской семинаріи, поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ, по окончаніи курса наукъ по словесному бдѣленію, получилъ степень кандидата и въ 1835 году опредѣленъ старшимъ учителемъ русской словесности въ черниговскую гимназію. Въ 1837 году опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта въ университетъ св. Владиміра, гдѣ произнесъ, въ 1838 году, на торжественномъ актѣ рѣчь «О современномъ направленіи вообще и преимущественно въ Россіи.» Въ 1839 году уволенъ изъ университета и занималъ должность учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній московскаго округа. Умеръ въ 1855 году, въ крайней бѣдности.

университетъ, но старые студенты мало цѣнили его лекціи, состоявшія изъ ходячихъ въ то время фразъ «о непонятныхъ натурахъ, о людяхъ, родившихся на свѣтъ съ богатствомъ жизненныхъ вопросовъ» и т. п. Впрочемъ къ чести Крассова должно сказать, что восторженность его была неподдѣльная и жаръ, съ которымъ онъ читалъ лекціи, не *подкожнымъ* жаромъ, но истекалъ прямо изъ свойствъ его поэтической личности. Вообще у него было много благородства и душевной теплоты. Несостоятельность ученыхъ свѣдѣній Крассова вполне оказалась на докторскомъ его диспутѣ; тутъ его не могла уже выручить даже блестящая его фразеологія и ему отказано было въ ученой степени.

При вопросѣ о замѣщеніи каѳедры *всеобщей исторіи* въ новомъ университетѣ, явилось два претендента: художникъ *Гоголь* и ученый магистръ и адъюнктъ харьковскаго университета *В. Ф. Цыхъ*. — Не смотря на то, что перваго претендента поддерживала литературная аристократія столицы, не смотря на то, что онъ, по его собственнымъ словамъ, «имѣлъ чинъ коллежскаго асессора и былъ не новичекъ, потому что занимался долго преподаваніемъ и имѣлъ глубокія историческія познанія» *), правительство предпочло художнику — скромнаго, едва начинавшаго профессорское поприще ученаго. Къ сожалѣнію, профессоръ Цыхъ началъ свои чтенія въ августѣ 1834 года, а въ апрѣлѣ 1837 года его уже не стало.... Въ столь короткое пребываніе въ университетѣ, Цыхъ успѣлъ прочесть древнюю исторію, средневѣковую и часть новой до Людовика XIV, преподавая по четыре часа въ недѣлю. Официальные отчеты самаго Цыха о своихъ лекціяхъ, мысли изложенныя имъ въ его замѣчательной магистерской диссертациі о способѣ преподаванія исторіи, и наконецъ рассказы и впечатлѣнія, вынесенныя изъ его лекцій слушателями, даютъ приблизительно вѣрное понятіе о томъ, 1) какъ понималъ онъ свою науку, 2) какъ смотрѣлъ онъ на свое призваніе и наконецъ 3) о томъ планѣ, по которому преподавалъ свой предметъ въ университетѣ.

«Исторія въ идеалѣ, говоритъ онъ (диссертациія стр. 120),

*) Записки о жизни Гоголя. I. Письмо къ Максимовичу.

есть наука, изображающая течение нравственной жизни рода человеческого, какъ индивидуально, такъ и по народамъ и относительно всего рода человеческого.... Исторія, разсматриваемая съ высшей точки зрѣнія и сколько-нибудь приблизительно къ своему идеалу, есть нѣкоторымъ образомъ *Παρηχθεις*; относительно предшествующихъ періодовъ человѣческихъ знаній (*ibid.* 127—128)». Имѣя такое понятіе объ наукѣ, Цыхъ долженъ былъ имѣть высокое понятіе и о призваніи своемъ, какъ профессоръ исторіи. «Истинный преподаватель исторіи въ университетѣ, по его словамъ, долженъ во-первыхъ имѣть гуманное настроеніе духа, быть прежде всего человѣкомъ, а потомъ гражданиномъ извѣстнаго общества, во-вторыхъ обнимать и излагать свою науку стройно и органически, владѣть самъ и знакомить слушателей со всѣми источниками своей науки, быть вполне современнымъ проводникомъ всѣхъ новыхъ воззрѣній и открытій въ наукѣ къ своимъ слушателямъ и наконецъ соглашать свое преподаваніе съ потребностями слушателей и съ образомъ мыслей того государства, въ которомъ живетъ онъ. Сознаваясь, что ни лѣта, ни способности, ни познанія не позволяли ему сдѣлаться достойнымъ исполнителемъ той высокой обязанности, къ которой призванъ, Цыхъ думалъ только со временемъ постепенно приближаться къ своему идеалу. Что касается до плана его лекцій, то за основу преподаванія онъ бралъ обыкновенно лучшій учебникъ, изданный въ Германіи, отдавая предпочтеніе германскимъ учебникамъ предъ французскими за ихъ систематизмъ, всеобъемлемость относительно фактической стороны и богатое указаніе источниковъ. Лучшими же изъ германскихъ учебниковъ онъ признавалъ по древней и новой исторіи Герена, а по средневѣковой — Рёмера. Придерживаясь системы избраннаго учебника, Цыхъ излагалъ историческіе факты въ жизни отдѣльныхъ народовъ по какому-нибудь хорошему новому сочиненію (*Umarbeitung*), повѣряя это изложеніе источниками первой руки и лучшими монографіями. Исторію каждаго народа или періода Цыхъ раздѣлялъ на «исторію происшествій и исторію внутреннюю, т. е., на томъ основаніи, что человѣкъ, живя въ предѣлахъ «гражданственности, живетъ наружно и внутренно». Исто-

рія произшествій у него всегда предшествовала исторія внутренней, то есть; «отдѣльному развитію главныхъ элементовъ человѣчества: религій, гражданственности, ученаго образованія, и второстепенныхъ: быта военнаго, торговли и промышленности и быта обществённости». — (Диссертация стр. 123, 26). Если Цыху приходилось излагать событія по источникамъ первой руки, то онъ старался представлять факты со всею точностію и сохранять по возможности характеръ и, такъ сказать, колоритъ произведеній того источника, которому слѣдовалъ. Такъ въ своихъ лекціяхъ о персидской исторіи онъ дѣлалъ краткое извлеченіе изъ книгъ Зенд-Авесты, чтобы короче познакомить своихъ слушателей съ характеромъ и духомъ какъ цѣлой системы ученія Цердушты, такъ и важнѣйшихъ догматовъ ея порознь. Извѣстные отдѣлы греческой исторіи онъ излагалъ въ извлеченіяхъ по Геродоту, Фукидиду и Ксенофону. Въ римской исторіи Цыхъ уклонялся отъ своего плана: всё его лекціи представляютъ просто огромное извлеченіе изъ Нибура — безъ всякой повѣрки и безъ общаго изложенія исторической системы знаменитаго историка. Въ средневѣковой исторіи Цыхъ знакомилъ своихъ слушателей съ первыми въ его время коренными исторической науки: Гизо, Тьерри, Барантомъ и Люденомъ.

Излагая съ кафедры всеобщую исторію по обыкновенному ея раздѣленію на древнюю, среднюю и новую, Цыхъ признавалъ впрочемъ это раздѣленіе «какъ не основанное на различіи характера развитія элементовъ человѣчества, не «сообразнымъ съ понятіями объ исторіи повѣйшаго времени, «въ которое обращаютъ несравненно болѣе вниманія на исторію внутреннюю». А потому у Цыха было другое понятіе о частяхъ всемірной исторіи. Онъ признавалъ, «что на основаніи понятій о цѣлой совокупной жизни рода человѣческаго исторія можетъ быть раздѣлена на три отдѣленія:

- 1) Исторію азіатскаго или восточнаго человѣчества,
- 2) Исторію народовъ эллинскихъ и итальянскихъ и
- 3) Исторію народовъ средней и сѣверной Европы».

(Диссертация страница 125). По этому плану профессоръ, сколько видно изъ отчета объ его занятіяхъ въ 1834 году,

намѣренъ былъ обработать полный курсъ всеобщей исторіи, но многосложныя занятія по преподаванію, ректорской должности и визитаторству училищъ, а потомъ преждевременная смерть не позволили осуществиться этому труду.

Университетъ гордился Цыхомъ, какъ лучшимъ изъ своихъ преподавателей, у всѣхъ слушателей, безъ различія народныхъ предубѣжденій, онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ. И дѣйствительно — въ свое время Цыхъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи въ Россіи. Но владѣя огромною памятью и эрудиціею, Цыхъ не имѣлъ ясности и живости историческаго созерцанія. Бойко владѣя языкомъ, въ плавной одушевленной рѣчи Цыхъ передавалъ слушателямъ всю массу своихъ свѣдѣній, часто не умѣя совладѣть съ громадностію своего знанія, и потому невольно наводилъ на мысль объ отсутствіи въ немъ самостоятельной энергіи. Онъ не былъ профессоромъ-художникомъ, подобно Грановскому, который умѣлъ извлечь изъ извѣстныхъ ему источниковъ именно все существенно необходимое въ предметѣ и въ пластическихъ образахъ передать извлеченное слушателямъ. Такимъ образомъ и влияние Цыха на студентовъ и значеніе его между ними *) было совсѣмъ не то, какое имѣлъ Грановскій въ Москвѣ. Цыхъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, которое было близко къ страху, ибо онъ подавлялъ своихъ слушателей своею ученостію и громадностію своего преподаванія. Цыхъ очень хорошо понималъ всю важность сочувственнаго настроенія между профессоромъ и его слушателями. «Между преподавателемъ и его слушателями,» говорилъ онъ въ вступительной лекціи, «должна существовать нѣкоторая симпатія, и эту симпатію я почитаю однимъ изъ вѣрныхъ ручательствъ, а дидактическую дѣятельность перваго и за успѣхи послѣднихъ». Но напрасно ожидалъ этой симпатіи профессоръ, замѣчательный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Отсутствіемъ этой симпатіи, при кратковременности преподаванія Цыха,

---

*) Мы не говоримъ уже о значеніи въ обществѣ. Независимо отъ личныхъ качествъ, Цыхъ не могъ имѣть такого значенія, какъ Грановскій, вѣдѣтіе временныхъ и мѣстныхъ условій, среди коихъ былъ поставленъ.

между прочимъ объясняется и то, что Цыхъ не успѣлъ образовать ни одного спеціалиста, тогда какъ его сотоварищъ Максимовичъ, уступавшій ему въ учености, успѣлъ приготовить ихъ нѣсколько *). Съ другой стороны, отсутствіемъ самостоятельности объясняется и то, что изъ всѣхъ разсказовъ его слушателей трудно уловить и опредѣлить социальныя убѣжденія, вынесенныя профессоромъ изъ занятія исторіею. «Любимыхъ историческихъ явленій и личностей», по словамъ одного изъ его слушателей, «у Цыха не было: онъ высказывалъ сочувствіе не къ историческимъ дѣятелямъ и явленіямъ, но къ ихъ историкамъ, которыхъ онъ любилъ за то, что они написали исторію». Одно только можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностію: Цыхъ былъ врагъ клерикальнаго направленія....

Мѣсто Цыха заступилъ исправляющій должность адъюнкта (нынѣ экстраординарный профессоръ) *А. И. Ставровскій* **), ученикъ Лоренца. Оканчивая въ первомъ полугодіи по два часа въ недѣлю начатую покойнымъ Цыхомъ повую исторію, отъ вестфальскаго мира до приведенія въ исполненіе Наполеономъ плана всемірной монархіи, Ставровскій, сначала по два часа, а потомъ по шести часовъ и по четыре часа въ недѣлю, читалъ древнюю исторію до паденія западной римской имперіи. Въ лекціяхъ своихъ Ставровскій въ первые годы держался, подобно Цыху, плана учеб-

---

*) Замѣчательно, что при всей доступности со стороны Цыха, студенты косо смотрѣли на одного изъ товарищей, который спеціально трудился по исторіи и пользовался особымъ вниманіемъ профессора. Спеціалистъ, впрочемъ, изъ этого студента не вышелъ: будущее показало, что онъ занимался усильно предметомъ ректора Цыха, нынѣ цѣлей ради. Студенты чутьемъ, въ этомъ отношеніи, вѣрнѣе угадали, чѣмъ профессоръ.

***) *Алексій Ивановичъ Ставровскій*, сынъ священника, родился въ 1809 году, въ новгородской губерніи, воспитывался въ главномъ педагогическомъ институтѣ и началъ службу въ 1836 году при университетѣ св. Владиміра, въ званіи исправляющаго должность адъюнкта. Въ 1842 году, по выдержаніи испытанія на степень магистра, утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ. Сверхъ своей должности, былъ членомъ временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, преподавателемъ исторіи въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и владиміревскомъ кадетскомъ корпусѣ. Нынѣ имѣетъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ Станислава второй степени.

ной книги Герена, обрабатывая фактическую часть ихъ по Беккеру и Бекку, а прагматическую по идеямъ своего учителя Лоренца. Впослѣдствіи Ставровскій измѣнилъ способъ преподаванія, но эта позднѣйшая дѣятельность его относится уже къ слѣдующему періоду.

Съ кафедрой всеобщей исторіи соединена была по первоначальному образованію факультета *статистика*, которую съ 1836 до 1837 года преподавалъ также А. И. Ставровскій, читая въ теченіе года отъ часу до трехъ часовъ въ недѣлю. Руководствомъ Ставровскому служили сначала Цицусъ, Мальхусъ и Роонъ; а съ 183⁸/₉ года теорія статистики Гёльцетана и, для такъ называемой прикладной статистики, Statystyka Енору Козловскаго и статистика Зябловскаго. Данные, изложенныя у Козловскаго и Зябловскаго этнографически, профессоръ передавалъ по синкретической или сравнительной методѣ, видоизмѣняя ихъ иногда на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ русскихъ газетъ и журналовъ.

Русская исторія съ открытія университета въ теченіе двухъ лѣтъ не была преподаваема, такъ какъ чтеніе ея было отнесено въ первоначальномъ распредѣленіи предметовъ къ третьему и четвертому курсамъ. Въ 183⁶/₇ году началъ читать ее исправляющій должность адъюнкта, А. И. Ставровскій по три часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, заимствуя планъ и основныя идеи изъ лекцій своего учителя, профессора Устрялова, и дополняя ихъ свѣдѣніями изъ Карамзина, Полеваго и Лѣтописей. Ставровскаго чрезъ годъ замѣнилъ вновь назначенный адъюнктомъ, воспитанникъ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко, старшій учитель исторіи первой кievской гимназій, В. О. *Домбровский* *), при кото-

*) Василій Федоровичъ *Домбровский*, изъ дворянъ черниговской губерніи, родился въ 1810 году. Образование получалъ въ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко и по окончаніи въ ней курса опредѣленъ, въ 1831 году, учителемъ нѣмецкаго языка въ этой гимназій. Съ 1833 по 1837 годъ онъ состоялъ учителемъ географіи и исторіи, сначала въ уѣздномъ кievо-подольскомъ училищѣ, потомъ въ первой кievской гимназій и сверхъ того комманднымъ надирителемъ при благородномъ пансіонѣ. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, прослушавъ его лекцію въ гимназій объ Ивѣкѣ III, прочитанную, впрочемъ, по Устрялову, остался весьма довольнымъ и вызвалъ его въ С. Петербургъ для ознакомленія съ методою

ромъ собственно русская исторія сдѣлалась въ послѣдствіи предметомъ спеціальной каедры. И при Домбровскомъ русская исторія въ университетѣ св. Владиміра не выходила изъ границъ учебника Устрялова и лишена была всякой самостоятельности. Причинъ этого должно искать отчасти въ обстоятельствахъ, не зависѣвшихъ отъ профессора, а отчасти въ немъ самомъ заключавшихся. Устряловъ въ то время царилъ въ области русской исторіи, приобрѣти магическую силу новымъ рѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ, занимаемомъ въ русской исторіи великимъ княжествомъ лнтовскимъ. Изданные имъ три тома русской исторіи пользовались непререкаемымъ авторитетомъ. Министръ народнаго просвѣщенія, назначая Домбровскаго преподавателемъ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, почелъ нужнымъ вызвать его сначала въ Петербургъ для изученія у Устрялова методы преподаванія. Очевидно, что при этомъ имѣлась въ виду цѣль уяснить посредствомъ изслѣдованій Устрялова историческія отношенія здѣшняго края восточной Руси и ко всему государству русскому. Но мѣстные обстоятельства въ краѣ были въ то время таковы, что стоило слушателямъ угадать эту цѣль, чтобы охладѣть къ русской исторіи и подозрѣвать въ самомъ даже правильномъ рѣшеніи вопроса преднамѣренное искаженіе. Преподаваніе русской исторіи въ здѣшнемъ краѣ могло принести плоды, только сохраняя чисто научный характеръ. Но требованіямъ науки не могъ вполнѣ удовлетворять профессоръ Домбровскій при всѣхъ своихъ достоинствахъ нравственныхъ, какъ благородный человѣкъ, и умственныхъ, какъ краснорѣчивый преподаватель.

Всѣми свѣдѣніями, какія имѣлъ онъ, былъ онъ обязанъ

Ливинскаго и преподаваніемъ Устрялова. По возвращеніи изъ столицы, онъ былъ опредѣленъ сначала преподавателемъ, потомъ адъюнктомъ по кафедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1838 году онъ уволенъ былъ отъ всѣхъ прежнихъ должностей и остался исключительно при университетѣ. Въ 1841 году возведенъ въ званіе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ періодѣ университета онъ читалъ, сверхъ русской исторіи, политическую экономію и русскія древности, исправлялъ должность секретаря факультета и исполнялъ разныя порученія начальства по округу. Умеръ въ 1846 году.

самому себѣ. Съ историческими школами, съ литературою исторической науки и современными требованіями и результатами ея онъ вовсе не былъ знакомъ. Какъ лекціи, такъ и ученые труды Домбровскаго служили доказательствомъ, что трудно быть профессоромъ русской исторіи, не получивъ серьезнаго общенсторического образованія. Домбровскій памятенъ своимъ слушателямъ снисходительностію на испытаніяхъ, благороднымъ гуманнымъ обращеніемъ и лекціями, въ которыхъ слышались фразы изъ книги Устрялова, произносимыя громкимъ, размѣреннымъ, торжественнымъ голосомъ съ добавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей изъ Карамзина. Подробности эти, впрочемъ, безъ особенной раціональной цѣли излагаемыя, заключались большею частію въ трудно произносимыхъ названіяхъ ничтожныхъ личностей и мѣстностей изъ татарской или литовской исторіи. Правда, профессоръ поднималъ и бывший тогда въ ходу вопросъ о происхожденіи руссовъ, но въ памяти слушателей отъ всего историческаго ученія остались только дико звучація названія дѣлпровскихъ пороговъ. Литовскою и западно-русскою исторіею профессоръ занимался у себя въ кабинетѣ, но не знакомилъ слушателей съ результатами своихъ изслѣдованій. Напечатаны были въ «Кіевлянинѣ» только двѣ довольно замѣчательныя статьи его по этой части: «Острожская и Луцкая старина».

Преподаваніе новыхъ языковъ и ихъ литературъ.

Въ университетѣ преподавались языки нѣмецкій, французскій, польскій, подъ конецъ этого періода замѣненный италіянскимъ.

Слушаніе языковъ нѣмецкаго и французскаго и ихъ литературъ было обязательно для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ перваго отдѣленія филологическаго факультета. Студенты тѣхъ же курсовъ прочихъ факультетовъ обязаны были по выбору слушать одинъ изъ этихъ языковъ съ его литературою.

Все преподаваніе и всѣ слушатели, по степени ихъ знаній, раздѣлялись на два разряда: въ первомъ, низшемъ, по три

часа въ недѣлю преподавался языкъ по преимуществу практически, во второмъ, высшемъ — излагалась исторія словесности и объясняемы были критически произведенія лучшихъ авторовъ, также по три часа въ недѣлю. На каждый языкъ употреблялось такимъ образомъ шесть часовъ.

1) Лекторъ нѣмецкаго языка, А. Ф. Лидль *), въ низшемъ отдѣленіи преподавалъ главныя правила нѣмецкаго языка по Гримму и Гейзе и упражнялъ учащихся въ переводахъ и легкихъ сочиненіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ, объясняя практически отличіе нѣмецкаго языка отъ русскаго и наконецъ читалъ и объяснялъ легкія сочиненія Шиллера и Грильпарцера.

2) Въ высшемъ отдѣленіи лекторъ читалъ исторію нѣмецкой словесности по Вахлеру, Коберштейну, Штеберу и Бутервеку и объяснялъ критически поэтовъ Шиллера и Гете, и прозаика А. Шлегеля. Въ этомъ же отдѣленіи студенты упражняемы были въ переводахъ на нѣмецкій языкъ отрывковъ изъ произведеній Жуковского, Батюшкова и другихъ русскихъ писателей. По отзывамъ всѣхъ, имѣвшихъ случай учиться у Лидля, онъ былъ мастеръ своего дѣла и умѣлъ заставить слушателей заниматься своимъ предметомъ.

Лекторъ А. К. Плясонъ, изъ бывшихъ учителей лицея**),

*) Альбертъ Францовичъ Лидль, изъ дворянъ волынской губерніи, родился въ 1805 году и воспитаніе получилъ въ кременецкомъ лицей. По окончаніи курса наукъ, въ 1825 году, состоялъ на службѣ учителемъ нѣмецкаго языка, сначала въ минской, потомъ виленьской гимназій и наконецъ въ кременецкомъ лицей. Издалъ грамматику нѣмецкаго языка и хрестоматію, принятія виленьскимъ университетомъ за учебныя руководства для гимназій, перевелъ, по порученію университета, на нѣмецкій языкъ съ польскаго католическій катихизисъ. Въ 1834 году опредѣленъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ университетъ св. Владиміра и, состоя въ этой должности, сверхъ того читалъ нѣмецкій языкъ въ высшемъ классѣ первой кievской гимназій. Въ 1837 году переведенъ въ казанскій университетъ на ту-же должность. Окончилъ жизнь въ отставкѣ самоубійствомъ, въ сороковыхъ годахъ.

**) Антонъ Карловичъ Плясонъ, изъ иностранцевъ, кавалеръ ордена Лиліи и Почетнаго легіона, родился въ 1791 году, прибылъ въ Россію въ 1812 году. Сначала занимался обученіемъ въ частныхъ домахъ, а съ 1817 по 1834 годъ состоялъ учителемъ французскаго языка въ бѣлостокской, гродненской, виленьской гимназійхъ и волыскомъ лицей. Въ этомъ періодѣ времени издалъ на польскомъ языкѣ грамматику французскаго языка, при-

располагалъ свое преподаваніе въ томъ же порядкѣ, какъ и Лидль. Въ низшемъ отдѣленіи онъ излагалъ главныя правила и трудности, то есть, особенности (*difficultés*) французскаго языка по собственной грамматикѣ съ дополненіями изъ Ноэля и Шансаля, кромѣ того упражнялъ студентовъ въ легкихъ переводахъ, сочиненіяхъ и декламациі. При этомъ должно замѣтить, что онъ владѣлъ безукоризненнымъ произношеніемъ, а относительно декламациі придерживался преданій классической пѣвучей школы. Въ высшемъ отдѣленіи Плянсонъ читалъ исторію французской словесности по руководству Женгене (*Ginguéné*), дополняя объясненіями изъ Баранта и Лагарпа и сопровождая чтеніе критическимъ разборомъ отрывковъ изъ классическихъ авторовъ. Сверхъ того и въ этомъ отдѣленіи Плянсонъ задавалъ студентамъ сочиненія. По своимъ эстетическимъ мнѣніямъ онъ былъ вполне послѣдователь Буало и Лагарпа. И въ практическихъ упражненіяхъ, и въ историческихъ чтеніяхъ, особенно налегалъ на эпистолярный родъ и былъ любитель фразъ, риторическихъ украшеній и псевдо-классическихъ преданій. Каждую лекцію Плянсонъ начиналъ словами: «*Messieurs! Henri IV a dit: par droit et par raison, chaque professeur dans sa classe est comme maître dans sa maison! Silence donc!* По отзывамъ студентовъ того времени, на сколько Лидль приносилъ пользы студентамъ, на столько Плянсонъ былъ бесполезенъ. Кромѣ громкихъ фразъ въ родѣ той, что слава Расина не умретъ, пока будутъ люди пить кофе — студенты изъ его лекцій ничего другаго не выносили.

Польскій языкъ въ 1834 году преподавалъ лекторъ *Микульскій* *), для желающихъ, по два часа въ недѣлю, раздѣляя

нятую въ руководство въ виленскомъ округѣ. Съ 1834 по 1839 годъ былъ лекторомъ при университетѣ св. Владимира и читалъ французскій языкъ въ VII классѣ первой кievской гимназій, а въ 1839 году переведенъ лекторомъ въ харьковскій университетъ.

*) Иосифъ Иосифовичъ *Микульскій*, изъ дворянъ, родился въ 1796 году, обучался сначала въ галицкихъ училищахъ, въ Сбаражѣ и Бучачѣ, а потомъ въ кременецкомъ лицей. Съ 1818 года состоялъ при томъ же лицей помощникомъ библиотекаря и учителемъ англійскаго языка; а въ 1834 году опредѣленъ на должность лектора польскаго языка и помощника библиотекаря въ университетъ св. Владимира. Въ 1835 году уволенъ.

также слушателей на два отдѣленія: въ низшемъ читалъ грамматику по Савиничу и упражнялъ студентовъ въ переводахъ, а въ высшемъ — читалъ о слогѣ и упражнялъ ихъ въ сочиненіяхъ. Въ 1835 году Микульскій былъ уволенъ и преподаваніе польскаго языка поручено было адъюнкту по кафедрѣ древней словесности, *Корженевскому*, который продолжалъ преподаваніе по тому же плану, излагая студентамъ низшаго отдѣленія грамматику и занимая ихъ изъясненіемъ авторовъ, а въ высшемъ отдѣленіи, читая исторію польской словесности по одному часу въ недѣлю. Съ 183⁶/₇ года преподаваніе польскаго языка было прекращено сначала по неимѣнію преподавателя, а потомъ вовсе исключено изъ круга университетскаго преподаванія.

Италіянский языкъ до 183⁸/₉ года не былъ преподаваемъ по недостатку лектора; съ этого же года назначенный лекторъ г. *Бертони* излагалъ для желающихъ, на французскомъ языкѣ, отъ трехъ до пяти часовъ въ недѣлю правила италіянской грамматики и фразеологій, упражнялъ ихъ въ переводахъ съ италіянскаго языка на французскій и объяснялъ италіянскихъ образцовыхъ авторовъ.

Лекціи 2-го отдѣленія философскаго факультета.

Въ составъ втораго отдѣленія философскаго факультета по уставу 1833 года входили слѣдующія кафедры:

- 1) Чистая и прикладная математика.
- 2) Астрономія.
- 3) Физика и физическая географія.
- 4) Химія.
- 5) Минералогія и геогнозія.
- 6) Ботаника.
- 7) Зоологія.
- 8) Технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ, студенты втораго отдѣленія слушали еще нѣкоторые предметы перваго отдѣленія, о которыхъ сказали выше. Только въ 1840 году отдѣленіе раздѣлено было на два разряда: наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ.

Всѣ почти каедры этого отдѣленія замѣщены были въ первомъ году университета, исключая каедры астрономіи, сельскаго хозяйства, технологіи и лѣсоводства.

Деканами отдѣленія въ періодъ времени съ 183³/₅ по 183⁹/₄₀ годъ были профессора: Выжевскій, Зѣповичъ и Гофманъ.

1. Чистая и прикладная математика.

Всѣ предметы, входящіе въ составъ этихъ каедръ, были преподаваемы въ университетѣ сначала ординарнымъ профессоромъ прикладной математики *Выжевскимъ*, адъюнктомъ *Гречиною* и профессоромъ архитектуры *Мѣховичемъ*. Съ 1837 года, по увольненіи Выжевскаго, Гречинѣ, возведенному въ званіе экстраординарнаго профессора, и Мѣховичу помогали сначала временный преподаватель, старшій учитель первой кievской гимназій *Гренковъ*, а съ 1839 года опредѣленный адъюнктомъ *А. Н. Тихомандрицкій*.

Ординарный профессоръ Степанъ Степановичъ *Выжевскій* *) читалъ: а) дифференціальное, интегральное и вариационное исчисленіе, руководствуясь сочиненіемъ Лакроа, — студентамъ 2 и 3-го курсовъ по три часа въ недѣлю; б) аналитическую геометрію по руководству Біо, студентамъ 1-го курса по три часа въ недѣлю, и в) въ 1836 году статику и динамику, придерживаясь сочиненій Пуассона и Франскера также по три часа въ недѣлю.

По отзывамъ бывшихъ его слушателей Выжевскій отличался послѣдовательнымъ, строгообдуманымъ и чрезвычайно

---

*) Степанъ Степановичъ *Выжевскій*, магистръ философіи, надворный советникъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, изъ дворянъ, родился въ 1783 году, образованіе получилъ въ педагогическомъ институтѣ виленскаго университета, и съ 1811 по 1834 годъ служилъ учителемъ математики, сначала въ виленской гимназій, а потомъ въ волынской (лицей). Три раза исправлялъ должность префекта лицея. Въ январѣ 1834 года опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ прикладной математики въ университетъ св. Владиміра. Во время службы при университетѣ, три года сряду избираемъ былъ въ деканы отдѣленія, ревизовалъ университетскія имѣнія и въ 1837 году, по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ, вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Умеръ въ Кременцѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

обширнымъ преподаваніемъ. Не приготовленный на лекцію никогда не приходилъ; самъ въ высшей степени точный и отчетливый въ выраженіяхъ, требовалъ того же отъ своихъ слушателей. Въ сношеніяхъ своихъ съ студентами держалъ себя довольно непреступно и гордо.

Адъюнктъ, а потомъ экстраординарный профессоръ, Г. В. *Гречина* *) съ 1834 по 1837 годъ читалъ алгебру по собственному сочиненію студентамъ 1-го курса по три часа въ недѣлю; въ 1836 году аналитическую геометрію; а съ 1837 года, по увольненіи Выжевскаго, началъ преподавать дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе, гидростатику и гидродинамику, передавъ алгебру и аналитическую геометрію старшему учителю Гренкову. По свидѣтельству слушателей, Гречина, уступаая Выжевскому въ точности и обширности изложенія, превосходилъ его живостию чтеній. Не всегда являясь въ аудиторію приготовленнымъ, онъ вообще читалъ не такъ ровно, какъ Выжевскій, за то инныя обдѣланныя лекціи у него выходили гораздо выше лекцій Выжевскаго. Читалъ по переведеннымъ учебникамъ.

Преподаватель Н. М. *Гренковъ* читалъ полтора года алгебру и годъ аналитическую геометрію по собственнымъ запискамъ, которыя извлекалъ изъ лекцій своего учителя Остроградскаго и изъ сочиненій Гречиной и Бурдона.

Въ 1839 году математику начали преподавать экстраординарный профессоръ Н. А. Дьяченко и адъюнктъ А. Н. Тихо-мандрицкій.

---

*) Григорій Власъевичъ *Гречина*, докторъ математическихъ наукъ, коллежскій ассессоръ и кавалеръ ордена Станислава четвертой степени, изъ дворянъ, родился въ 1796 году. По окончаніи курса наукъ въ волынской гимназіи, Гречина обучался въ виленскомъ университетѣ и получилъ чрезъ годъ, по окончаніи курса, степень магистра философіи (1817 г.). Въ 1819 году началъ службу въ званіи учителя алгебры и геометріи въ волынскомъ лицѣѣ и служилъ здѣсь до перехода въ университетъ св. Владиміра, въ 1834 году. Въ Кременецѣ издалъ на польскомъ языкѣ переводъ начертательной геометріи Потье, теорію капиллярныхъ явленій и алгебру. Въ 1837 году возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора; въ 1839 году утверждёнъ въ ученой степени доктора и переведёнъ на кафедру математики въ харьковскій университетъ, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ.

2. Архитектура.

Архитектуру, вмѣстѣ съ *начертательною геометрією*, съ 183⁵/₆ по 183⁹/₄₀ годъ преподавалъ ординарный профессоръ архитектуры *Мѣховичъ* *). Архитектуру профессоръ читалъ по три и по два часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно Бортиса, также пользуясь сочиненіями Дюронда и Вобскинга. Въ пособіе при лекціяхъ преподаватель употреблялъ коллекціи чертежей и моделей архитектурнаго кабинета. Недостатокъ первоначальнаго математическаго образованія профессоръ Мѣховичъ, владѣвшій замѣчательными способностями, вполне успѣлъ дополнить специальнымъ изученіемъ своего предмета во время трехъ-лѣтняго пребыванія за-границею. Въ Парижѣ, въ политехнической школѣ, онъ слушалъ знаменитыхъ специалистовъ по прикладной математикѣ. Онъ производилъ впечатлѣніе на студентовъ не столько чтеніемъ архитектуры, сколько лекціями о приложеніи начертательной геометріи къ наукѣ о тѣняхъ, перспективѣ, оптическихъ изображеніяхъ, анеморфозахъ, рисованіи географическихъ картъ и проч. Записки свои по этому предмету онъ составлялъ на основаніи сочиненій Валле, Гашета и Пюисана. Кромѣ дѣятельности по преподаванію, Мѣховичъ очень много сдѣлалъ для устройства архитектурнаго кабинета въ университетѣ и исполнялъ разныя порученія по строительной части въ округѣ и въ университетскихъ имѣніяхъ.

3. Астрономія.

По причинѣ поздняго прибытія въ Кіевъ назначеннаго для преподаванія астрономіи профессора, — эта наука въ университетѣ св. Владиміра до 183⁸/₉ года вовсе не была

---

*) Францъ Ивановичъ *Мѣховичъ*, надворный совѣтникъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, изъ дворянъ, родился въ 1786 году, обучался сначала въ кременецкомъ, вольнскомъ училищѣ, а потомъ уже на службѣ довершилъ образованіе въ Парижѣ, съ 1818 по 1821 годъ. До 1834 года служилъ сначала помощникомъ учителя, а потомъ учителемъ архитектуры и архитекторомъ въ вольнскомъ лицейѣ, завѣдывалъ школою механиковъ, былъ членомъ администраціи лицей. Въ 1826 году издалъ сочиненіе «Теорія машинъ.» Въ университетѣ св. Владиміра служилъ съ 1834 по 1839 годъ, когда вышелъ въ отставку съ полною пенсією.

читана. Въ 1838 году въ первый разъ открыта была кафедра астрономіи, которую занялъ ординарный профессоръ Василій Оедоровичъ *Оедоровъ*.

Наука была проходима имъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) для студентовъ 1-го курса профессоръ излагалъ *тригонометрію* (какъ плоскую, такъ и сферическую) по два часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, составленнымъ преимущественно изъ лекцій дерптскаго профессора М. Бартельса; б) для студентовъ 2-го курса — *теоретическую астрономію* по руководствамъ сочиненій Перевощикова, Шуберта и преимущественно Бонсбергера; в) студентамъ же 3-го и 4-го курсовъ — *популярную астрономію* по собственнымъ запискамъ, при составленіи которыхъ руководствомъ служила астрономія В. Брандеса. Сверхъ того студенты 3-го и 4-го курсовъ упражняемы были подъ руководствомъ преподавателя въ производствѣ легкихъ астрономическихъ наблюдений.

В. О. Оедоровъ по своей учебной и административной дѣятельности принадлежитъ къ числу главныхъ дѣятелей во второмъ періодѣ университетской жизни. По этому въ неоторіи этого періода и будетъ изложена біографія и характеристика его.

4) Физика и физическая географія.

Съ 183 $\frac{1}{5}$ по 183 $\frac{7}{8}$ годъ физику читалъ ординарный профессоръ *Абламовичъ* отъ трехъ до семи часовъ въ недѣлю. Руководствомъ вообще служили сочиненія Бедана и Пулье, въ частности же преподаватель пользовался и другими авторами. Физическая географія не была читаема по недостатку преподавателя. Съ 183 $\frac{7}{8}$ года, по увольненіи г. Абламовича, обѣ науки преподавались состоящимъ при университетѣ въ качествѣ преподавателя ординарнымъ профессоромъ кievской духовной академіи г. *Чеховичемъ*, по шести часовъ въ недѣлю. При изложеніи физики преподаватель руководствовался сочиненіемъ *Щеглова*: «Начальныя основанія физики», дополняя и измѣняя его соотвѣтственно плану, имъ самимъ составленному, придерживаясь притомъ сочиненій Пулье, Віота, Ленца и другихъ. Физическая географія проходила была по запискамъ, извлеченнымъ изъ Мальтъ-Брюна,

Профессоръ *Абламовичъ* *) въ молодости подавалъ большія надежды и получилъ, можетъ быть, больше всѣхъ другихъ своихъ кременецкихъ сотоварищей средствъ быть отличнымъ профессоромъ, но не удовлетворилъ нисколько богатымъ ожиданіямъ. Положительныхъ знаній во время пребыванія въ Парижѣ онъ приобрѣлъ весьма мало, а въ зрѣломъ возрастѣ физическое развитіе профессора физики остановило развитіе умственное. И на кафедрѣ и въ обыкновенномъ быту, онъ являлся однимъ изъ самыхъ скучныхъ говоруновъ, чтобы не сказать больше. Положительнаго изъ его лекцій слушатели ничего не выносили: онъ говорилъ на кафедрѣ обо всемъ, кромѣ своего предмета. Странная поворотливость языка увеличивалась въ немъ вмѣстѣ съ лѣтами, неповоротливостію ума и развитіемъ тѣла. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ грозою для своихъ знакомыхъ и для всѣхъ студентовъ; онъ ловилъ на улицѣ встрѣчнаго и поперечнаго, и по нѣскольку часовъ задерживалъ его своими разказами; поэтому каждый, завидя его издалека, уходилъ какъ отъ чумы. Выйдя въ отставку, ничѣмъ не занятый, для удовлетворенія своей страсти къ разказамъ, *Абламовичъ* нанималъ на цѣлый день извожника, разѣзжалъ безъ цѣли по городу и отводилъ душу свою въ бесѣдѣ съ этимъ извожникомъ.

Заступившій его мѣсто преподаватель *В. П. Чеховичъ* читалъ физику въ томъ духѣ, въ какомъ она преподается въ духовныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ онъ самъ изучалъ и

---

*) *Игнатій Карловичъ Абламовичъ*, изъ дворянъ, родился въ 1787 году, образованіе получилъ въ учительской семинаріи при виленскомъ университетѣ и, окончивъ ее, получилъ степень магистра философіи и денежное вознагражденіе за успѣхи въ наукахъ. Съ 1808 по 1817 годъ служилъ попеременно то учителемъ физики, химіи и естественной исторіи въ виленской гимназіи, то помощникомъ профессора физики и химіи въ виленскомъ университетѣ. Въ 1818 году отправленъ для усовершенствованія въ естествознаніи въ Парижъ. Черезъ шесть лѣтъ возвратился къ прежней должности, и въ 1824 году опредѣленъ учителемъ физики въ бывшій волынской лицей. Въ 1834 году поступилъ ординарнымъ профессоромъ этого предмета въ университетъ св. Владимира, былъ членомъ училищнаго комитета и въ 1834 году, по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ, уволенъ съ полною пенсіею. Имѣлъ орденъ св. Анны третьей степени. Никакихъ ученыхъ трудовъ не оставилъ. Умеръ въ 1848 году отъ холеры.

потомъ преподавалъ этотъ предметъ, и въ которыхъ, какъ извѣстно, физика и математика не восходятъ далѣе гимназическаго курса.

5) Химія.

Съ 1834 по 1839 годъ читалъ химію ординарный профессоръ Степанъ Ѳеодоровичъ *Зѣновичъ* *), излагая каждый годъ студентамъ 1-го курса химію неорганическую о тѣлахъ простыхъ не металлическихъ, студентамъ 2-го курса о металлахъ, и органическую химію о растеніяхъ, и наконецъ студентамъ 3-го курса органическую химію о животныхъ и анализъ сложныхъ тѣлъ, — въ каждомъ курсѣ по три часа въ недѣлю.

Какъ неорганическая, такъ и органическая химія слагались у Зѣновича изъ двухъ частей, теоретической и практической. Къ послѣдней онъ относилъ такъ называемую чистую и техническую химію и читалъ ее, придерживаясь главнымъ образомъ сочиненій Тенара, Берцелліуса, Гизе и Гесса, а также сопровождая свои лекціи опытами, на сколько позволяло состояніе химической лабораторіи. Въ лекціяхъ о такъ называемой теоретической химіи профессоръ являлся вполне самостоятельнымъ: въ нихъ онъ излагалъ свою собственную теорію, которая придавала ему характеръ Парацельса XIX вѣка. Эти лекціи памятливы студентамъ, его слушателямъ. Читая ихъ, этотъ согбенный, добродушный старикъ приходилъ въ какой-то наосъ, голосъ его получалъ

---

*) Степанъ Ѳеодоровичъ *Зѣновичъ*, кандидатъ философіи, надворный советникъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, членъ варшавскаго общества любителей наукъ, изъ дворянъ, родился въ 1779 году, по окончаніи курса наукъ въ луцкомъ уѣздномъ училищѣ, приготовлялся въ педагогическомъ институтѣ при виленскомъ университетѣ четыре года къ учительской должности. Въ 1808 году поступилъ въ службу учителемъ математики и физики, сначала въ бобруйское, потомъ въ винницкое уѣздное училище. Въ 1814 году поступилъ учителемъ химіи, минералогіи и геогнозіи въ вольнскій лицей. Въ 1834 году опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ химіи въ университетъ св. Владиміра и читалъ сверхъ того минералогію и геогнозію. До назначенія ректора, съ января по іюль мѣсяць 1834 года, былъ председателемъ совѣта. Въ 1839 году уволенъ по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ съ полною пенсією, и съ тѣхъ поръ, до конца жизни, въ 1856 году, жилъ попеременно то въ Кіевѣ, то въ Кременцѣ.

необыкновенную силу и звучность, — вся личность его оживлялась и онъ въ своей лабораторіи, окруженный внимательными слушателями, являлся какимъ-то средневѣковымъ алхимикомъ-чародѣемъ.

Изложеніе программы его чтеній (изъ официальныхъ отчетовъ) можетъ дать понятіе о его теоріи, но никогда не передастъ того впечатлѣнія, какое производилъ Зѣновичъ на свою аудиторію. «Въ теоретической части неорганической химіи, доноситъ профессоръ, давши понятіе о химіи вообще, я изложилъ ученіе о неизмѣняемыхъ свойствахъ пространства, объ атомахъ тѣлъ, о теплотворѣ и электричествѣ, о дѣйствіи ихъ на атомы и другъ на друга. Показавъ раздѣленіе атомовъ по полюсамъ, соединеніе атомовъ однородныхъ въ тѣла простыя и разнородныхъ въ тѣла сложныя, раздѣленіе тѣлъ по полюсамъ, причины отъ чего происходятъ связь и сила химическая, какъ на атомахъ образуется теплота усобная и скрытая, огонь, лучистость, я присоединилъ номенклатуру и стехиометрію. По изложеннымъ законамъ изъяснена была причина общихъ свойствъ самыхъ тѣлъ и силъ физическихъ и химическихъ, показано образованіе и разложеніе солнечнаго свѣта посредствомъ атмосферы и объяснены феномены метеорологическіе (приливы и отливы, періодическіе вѣтры, времена дня, мѣсяца, года) и геологическіе (образованіе земли, первородныхъ и слоевыхъ горъ). Въ теоретической части органической химіи было показано мною существованіе пятого невидимаго органическаго начала и его дѣйствіе на атомы тѣлъ и теплотворъ; дано понятіе о связи органической, о теплотѣ и жизни; на основаніи сего былъ изъясненъ процессъ прозябанія сѣмянъ, питанія и жизни, болѣзни и смерти растений..... далѣе было показано, различіе между животными и прозябаемыми, изъяснены феномены чувственности, отдохновенія, совершеннаго сна, сновидѣнія, безсонницы, зимоваго сна, болѣзни смерти и гніенія съ показаніемъ началъ, входящихъ въ составъ животныхъ. По отношенію къ человѣку въ-особенности показано шестое невидимое начало — *душа*, отличающая его отъ другихъ животныхъ; изслѣдованы качества души и показано, что *мудрость* или знаніе прошедшаго, настоящаго и будущаго происхо-

дѣтъ отъ дѣйствія одной души, — *инстинктъ* отъ дѣйствія одного органическаго духа, а *умъ* происходитъ отъ совокупнаго ихъ дѣйствія, при чемъ показано, отъ чего умъ бываетъ различный въ людяхъ.»

«Ого великая и важная есть наука Хемья!» повторялъ не разъ профессоръ своимъ слушателямъ. «И эту Хемью называли барбары «*Ars sine arte cuius principium est mentire, medium laborare, finis mendicare!*» Въ высшей степени краткій и общительный, Зѣновичъ пользовался общимъ уваженіемъ у товарищей и студентовъ.

6) *Минералогія и геогнозін*

Тотъ же профессоръ *Зѣновичъ* въ 183⁵/₆ и 183⁶/₇ годахъ преподавалъ, за неимѣніемъ особаго преподавателя, минералогію, сначала по три, а потомъ по два часа въ недѣлю. Руководствомъ ему служили: Соколовъ, Ловецкій, Држевинскій, Северинъ и Щегловъ.

Съ 183⁶/₇ года назначенъ былъ отдѣльный преподаватель, ординарный профессоръ *Гофманъ* *), который читалъ пропедевтику минералогіи по четыре, а геогнозін по три часа въ недѣлю. Минералогія сначала излагаема была по руководству *Наумана*, потомъ по собственному сочиненію преподавателя; при изложеніи геогнозін руководствомъ слу-

---

*) Эрнестъ Карловичъ *Гофманъ*, сынъ лифляндскаго пастора, родился въ 1802 году. По окончаніи курса наукъ участвовалъ въ морскомъ кругосвѣтномъ путешествіи, подъ начальствомъ капитана Коцебу (съ 1823 по 1826 годъ). Въ 1828 году отправленъ былъ съ ученою цѣлью, по высочайшему повелѣнію, на южный Уралъ и пробылъ тамъ до октября 1829 года. Сначала состоялъ на службѣ по министерству финансовъ, а потомъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія и состоялъ доцентомъ минералогіи при дерптскомъ университетѣ. Въ 1830 и 1831 годахъ путешествовалъ съ ученою цѣлью по Германіи и въ іенскомъ университетѣ получилъ степень доктора философіи. По возвращеніи получилъ въ дерптскомъ университетѣ степень магистра философіи. Въ апрѣлѣ 1834 года назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи и геогнозін въ университетъ св. Владимира. Во время пребыванія въ этомъ университетѣ былъ возведенъ въ ординарные профессора, избираемъ въ деканы, совершилъ поѣздку въ новороссійскій край для геогностическихъ изслѣдованій и въ Вильно для расфортровки и приема коллекцій тамошней академіи. Въ 1842 году перешелъ на службу профессоромъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ и переименованъ въ подполковника.

жили сочиненія спачала Леонгардта, потомъ Дехена и Лей-эля. Профессоръ Гофманъ, пріобрѣвній ученую извѣстность участіемъ въ кругосвѣтномъ морскомъ путешествіи Коцебу, геогностическими изслѣдованіями на южномъ Уралѣ и личнымъ знакомствомъ съ лекціями знаменитыхъ минералоговъ Германіи, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, впрочемъ болѣе ученостію, чѣмъ преподаваніемъ, профессоровъ университета св. Владміра. Гофманъ оказалъ значительную услугу университету трудами по устройству нѣкоторыхъ его коллекцій, при перевозкѣ ихъ изъ Вильно. Къ сожалѣнію профессоръ Гофманъ въ началѣ слѣдующаго періода уѣхалъ изъ Кіева, оставя какъ результатъ ученой своей дѣятельности въ кіевскомъ университетѣ «Руководство къ ориктогнозіи», напечатанное имъ въ Кіевѣ въ 1840 году.

7. Ботаника.

Лекціи ботаники въ разсматриваемый нами періодъ университетской жизни читали четыре преподавателя, но главнымъ дѣятелемъ по этой наукѣ, который опредѣлялъ ходъ и направленіе студентскихъ работъ, былъ ординарный профессоръ, докторъ медицины *В. Г. Бессеръ*. Въ первомъ полугодіи 1834^{1/2} учебнаго года преподавалъ органологію растений адъюнктъ *Андржеіовскій* на русскомъ языкѣ по три часа въ недѣлю. Съ конца января 1835 года началъ лекціи самъ Бессеръ и съ тѣхъ поръ до 5 марта 1838 года продолжалъ свое чтеніе, раздѣляя только во второмъ полугодіи 1835^{1/2} года труды преподаванія съ докторомъ философіи *Корнухъ-Троцкимъ*, который читалъ органологію растений по Максимовичу, а физиологію по собственнымъ запискамъ *). Въ мартѣ 1838 года, по увольненіи Бессера, преподаваніе возложено было на исправлявшаго должность ординарнаго профессора, Рудольфа Эрнестовича *Траутфеттера*, котораго

---

* Профессоръ Бессеръ (родился 1784 г., умеръ 1842 года), получившій медицинское образованіе въ лембергско-краковскомъ университетѣ, началъ службу ассистентомъ при краковской клиникѣ (1808 г.), продолжалъ ее въ званіи учителя зоологіи и ботаники въ кременецкомъ лицѣ (1809—1831 г.) и окончилъ въ нашемъ университетѣ (1838 года) въ званіи заслуженнаго профессора ботаники.

ученая дѣятельность принадлежитъ главнымъ образомъ уже слѣдующему періоду. Какъ ученый, Бессеръ стоялъ въ уровень съ замѣчательными ботаниками и энтомологами своего времени: особенную услугу оказалъ онъ своими неутомимыми изслѣдованіями флорѣ западной Россіи и Галиціи. Онъ былъ первою знаменитостію кременецкаго лицея. Ботаническій садъ въ Кременцѣ обязанъ ему своимъ процвѣтаніемъ. Съ ничтожными средствами онъ успѣлъ привести его въ такое состояніе, что при немъ онъ заключалъ въ себѣ до 12,000 родовъ. Волынское дворянство, гордясь профессоромъ, составившимъ славу его лицея, въ 1828 году приняло его въ свое сословіе, многія ученые общества сдѣлали его своимъ членомъ. Ревность, терпѣніе и ученое трудолюбіе Бессера были изумительны: преподавая лекціи на чуждыхъ ему языкахъ, созидая изъ ничего огромный ботаническій садъ, завѣдывая коллекціями учебныхъ заведеній, при коихъ состоялъ преподавателемъ, и исполняя обязанности многочисленной медицинской практики въ Кременцѣ, Бессеръ находилъ время обрабатывать съ полною добросовѣстностію и точностію самые трудные вопросы своей науки (*Artemisia*, *Rosae*, fam. *Umbeliferae*) и находился въ постоянной перепискѣ съ замѣчательнѣйшими ботаниками и энтомологами своего времени. Единственный недостатокъ его сочиненій, по отзыву специалиста, состоялъ въ томъ, что замѣчая съ свойственною ему скрупулезностію и точностію всѣ отклоненія растительнаго царства отъ нормальныхъ формъ, онъ, особенно въ послѣднее время своей ученой дѣятельности слишкомъ оприметчиво возводилъ эти уклоненія въ нормальныя формы.

На каедрѣ Бессеръ не отличался особеннымъ даромъ преподавателя. Этому мѣшала отчасти природный недостатокъ — неясность выговора, а отчасти то, что онъ обязанъ былъ излагать свой предметъ на чуждыхъ ему языкахъ: польскомъ (въ Кременцѣ) и латинскомъ (въ Кіевѣ). Бессеръ преподавалъ въ университетѣ св. Владимира по шести часовъ въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, придерживаясь въ порядкѣ изложенія «Органографіи, терминологіи и фізіологіи растений» — Бартоломея, а въ изложеніи

семействъ и классовъ растений, руководствуясь Кунтомъ и Ахиломъ Ришаромъ съ дополненіями изъ Пирама Декадоля, Линдлея, Бартлинга и Марціуса. Отличаясь дружескимъ расположеніемъ по отношенію къ товарищамъ и сослуживцамъ, Бессеръ выше всего ставилъ страсть къ порядку, аккуратность и точность во всѣхъ дѣлахъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ иногда былъ тягостенъ для своихъ товарищей, а тѣмъ болѣе для молодыхъ слушателей, которыхъ сверхъ того пугалъ латинскій языкъ преподавателя. Вопли признавая ученое достоинство въ другихъ, никогда не присвоивая себѣ чужихъ заслугъ въ наукѣ, Бессеръ въ то-же время съ полнымъ самодовольствіемъ придавалъ вѣсъ и значеніе своимъ ученымъ трудамъ, радуясь всякому одобрѣнію и похвалѣ. Не смотря на это чувство самодовольствія, заставлявшее его держать отъ себя студентовъ въ далекомъ разстояніи, какъ новичковъ въ наукѣ, Бессеръ поощрялъ въ слушателяхъ любовь къ труду. Чѣмъ дальше держалъ себя профессоръ отъ студентовъ вообще, тѣмъ больше дорожили избранные его вниманіемъ. Этимъ объясняется то, что не смотря на свою видимую недоступность, Бессеръ могъ образовать спеціалистовъ.

8. Зоологія.

Зоологію съ 183⁴/₅ по 183⁹/₁₀ годъ преподавалъ отъ трехъ до шести часовъ въ недѣлю адъюнктъ А. Л. *Андржеіовскій* *), показывая въ отчетахъ, что держалъ я въ своихъ

---

*) Антонъ Лукіановичъ *Андржеіовскій*, коллежскій секретарь, дѣйствительный членъ императорскаго московскаго общества испытателей природы, московскаго общества любителей садоводства и комиссіи высочайше учрежденной для описанія губерній кievскаго учебнаго округа, изъ дворянъ, родился въ 1786 году. По окончаніи курса въ вольнской гимназіи, определенъ помощникомъ учителя рисованія въ той же гимназіи, въ 1809 году, и состоя въ этой должности до 1815 года, старался, подъ руководствомъ Бессера, усовершенствовать себя въ ботаникѣ. Для этого предпринималъ ботаническія экскурсіи по при-днѣпровскимъ, при-днѣстровскимъ и при-бугскимъ странамъ. Въ 1815 году определенъ помощникомъ учителя ботаники, и продолжалъ свои экскурсіи, издавая въ свѣтъ результаты своихъ изслѣдованій, въ 1823 и 1830 году, въ двухъ сочиненіяхъ, подъ заглавіемъ: *Rys botaniczny* etc. Въ 1834 году определенъ адъюнктомъ по кафедрѣ зоо-

лекціяхъ Ламарка, Кювье, Бленвиля, Астрейля и принималъ въ соображеніе сочиненія Ловецкаго, а въ естественной исторіи человѣка придерживался Вирея и Бори-де-С.-Венсена. Въ дальнѣйшихъ отчетахъ Анджеіовскій показываетъ, что измѣнилъ свое преподаваніе на основаніи Мильнъ-Эдвардса, Бессера и Кобреза. Въ 1839 году его мѣсто заступилъ профессоръ Миддендорфъ.

Профессоръ Анджеіовскій не получилъ правильнаго ученаго образованія въ естественныхъ наукахъ. Онъ изучилъ одну часть ихъ — ботанику и то болѣе практически въ экскурсіяхъ и, такъ сказать, самоучкою. Такой образъ предварительнаго приготовленія къ профессурѣ отражался въ преподаваніи г. Анджеіовскаго и въ ученыхъ трудахъ его — отсутствіемъ ученой точности и основательности. Онъ могъ быть полезенъ въ Кременцѣ, гдѣ педагогическая дѣятельность его обращена была на ботанику, предметъ его специальныхъ занятій, и гдѣ онъ занимался подъ руководствомъ ученаго Бессера. Но въ университетѣ св. Владимира, зоологія, въ которой Анджеіовскій рѣшительно былъ самоучка, была совершенно ему не по силамъ и потому преподаваніе шло довольно плохо. Студенты, не смотря на громкія ученія имени, которыми Анджеіовскій обставлялъ лекціи, скоро разгадывали своего учителя.

9) *Сельское хозяйство.*

Допущенный временно къ преподаванію технологіи, сельскаго хозяйства и лѣсоводства поручикъ прусской службы *Эдуардъ Осиповичъ Мерцъ* читалъ студентамъ съ 1835⁵/₆ годъ по четыре часа въ недѣлю одно *сельское хозяйство*. Руководствомъ при преподаваніи служили (какъ показываетъ впрочемъ самъ Мерцъ въ отчетѣ) записки, составленныя на основаніи сочиненій Адама Смита, Теэра, Швейцера, Крейсига и собственныхъ наблюденій. Кто былъ этотъ преподаватель, до-

---

логіи въ университетъ св. Владимира и состоялъ въ этой должности до 1839 года, когда былъ переведенъ въ лицей князя Безбородко, гдѣ, окончивъ двадцати-пяти-лѣтнюю службу, вышелъ въ отставку. Ужъ въ отставку, избранъ былъ въ дѣйствительные члены комиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа.

пущенный въ университетъ временно и между тѣмъ утвердившійся въ немъ до 184³/₄ года, гдѣ получилъ онъ свое ученое образованіе, по неизмѣннѣю его формулярнаго списка, неизвѣстно. Извѣстно одно только, что къ Мерцу, читавшему какъ студентамъ, такъ и слушателямъ всѣхъ состояній, при началѣ учебнаго года обыкновенно являлось на первую лекцію много студентовъ перваго курса; но чрезъ пять лекцій преподаватель долженъ былъ уже ловить слушателей. Онъ былъ сердечно радъ, если ему удавалось завербовать двухъ или трехъ, а иногда и одного слушателя изъ какого бы то ни было факультета. Заставить студентовъ исправно посѣщать лекціи Мерца не могли никакія строгія дисциплинарныя мѣры. Лекція обыкновенно диктовалась по какой-нибудь русской книгѣ. Мерцъ произносилъ каждое слово по складамъ съ удивительными удареніями, которыя какъ капли дождя равномерно и монотонно били въ уши слушателей. Замѣчательно, что Мерцъ былъ необыкновенно пунктуаленъ: если звонѣкъ, возвѣщавшій окончаніе лекціи, заставалъ его на половинѣ слова, онъ закрывалъ книгу и прекращалъ диктовку. На слѣдующій разъ лекціи начинались съ прерваннаго слова. Въ памяти студентовъ сохранились лекціи Мерца *о горохѣ*, изъ которыхъ первая прервана была звонкомъ на слогъ *гор*, а вторая начиналась глубокимъ вздохомъ *оах!*

Лекціи юридическаго факультета.

Въ составъ юридическаго факультета по уставу 1833 года входили слѣдующія науки:

1) Общее систематическое обозрѣніе законовѣдѣнія или такъ называемая энциклопедія правъ.

2) Основные законы и учрежденія россійской имперіи, законы о состоящихъ людяхъ въ государствѣ.

Обѣ эти науки составляли предметъ одной каедры.

3) Россійскіе гражданскіе законы, общіе, особенные о торговой, фабричной и ремесленной промышленности, и мѣстные.

4) Россійскіе уголовные и полицейскіе законы.

5) Законы государственнаго благоустройства и благочинія.

6) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ.

Оба эти предмета составляли одну кафедру.

7) Римское право.

Сверхъ того студенты юридическаго факультета слушали, какъ мы уже видѣли, большую часть предметовъ перваго отдѣленія философскаго факультета. [Кафедры юридическаго факультета открывались постоянно: въ 1834 году открыта была одна кафедра римскаго права; въ 1835 году кафедры энциклопедіи права, основныхъ законовъ и учрежденій российской имперіи; въ 1836 — кафедры государственнаго благоустройства и благочинія и гражданскихъ законовъ; въ 1837 году начались лекціи законовъ уголовныхъ, законовъ мѣстныхъ и законовъ финансовыхъ. Поэтому нѣкоторые предметы, соединенные по уставу въ одну кафедру, на практикѣ, какъ увидимъ ниже, были раздѣлены между двумя преподавателями.

[Деканами юридическаго факультета были избраны въ періодъ времени отъ 1834 по 1839 годъ профессора Даниловичъ, Богородскій и Орнатскій.]

1) *Энциклопедія законовѣднія*, 2) *основныя законы и учрежденія российской имперіи*.

Преподаваніе энциклопедіи законовѣднія началось въ 183⁵/₆ году. По 184³/₄ годъ читалъ ее ординарный профессоръ, докторъ правъ Константинъ Алексѣевичъ *Неволнинъ* по четыре, шести и семи часовъ въ недѣлю. Курсъ его преподаванія состоялъ изъ двухъ частей: а) общей и б) особенной. Въ первой части были развиты: въ-особенности — понятіе закона и законовѣднія; во второй — исторія философіи законодательства у древнихъ и новыхъ народовъ и исторія положительныхъ законодательствъ у древнихъ восточныхъ народовъ, грековъ, римлянъ и новѣйшихъ европейскихъ народовъ. При изложеніи науки преподаватель имѣлъ въ виду всѣхъ важнѣйшихъ писателей по этой части, но не

придерживался никакого автора въ-особенности и читалъ предметъ сначала по рукописи, а потомъ по печатной книгѣ: Энциклопедія Законовѣдѣнія.

Кромѣ энциклопедіи законовѣдѣнія Неволнинъ съ 183⁵/₆ по 183⁸/₆ годъ читалъ учрежденія россійской имперіи студентамъ перваго курса по шести и семи часовъ въ недѣлю.

Въ каждомъ году онъ излагалъ: а) основные законы, б) учрежденія, в) уставъ о службѣ гражданской, д) законы о состояніяхъ. При изложеніи предмета онъ слѣдовалъ Своду Законовъ и выдавалъ слушателямъ для руководства собственныя записки. Въ 183⁶/₆ году преподаваніе учрежденій поручено было адъюнкту Н. Д. *Иваншесву*, который читалъ этотъ предметъ по шести часовъ въ недѣлю до начала слѣдующаго академическаго года.

О профессурѣ Неволнина такъ отзывается профессоръ Богородскій, его сослуживецъ и совоспитанникъ: «Какъ профессоръ, г. Неволнинъ извѣстенъ отличнымъ даромъ преподаванія: онъ спокойно, ясно и отчетливо излагаетъ свой предметъ и умѣетъ возбуждать вниманіе и участіе въ своихъ слушателяхъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ его лекцію бывший министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, во время перваго посѣщенія кievскаго университета, а въ другой разъ его сiятельство явился въ аудиторію г. Неволнина съ незабвеннымъ нашимъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ, который также остался весьма довольнымъ лекціей профессора».

Отъ себя прибавимъ, что Неволнинъ проводилъ въ лекціяхъ идеи своего учителя Савиньи и держался извѣстной исторической школы. Вліяніе его лекцій на молодья воспріимчивыя натуры было такъ сильно, что многіе изъ его слушателей, по собственному ихъ отзыву, съ трудомъ могли впоследствии отрѣшиться отъ его взглядовъ и стать въ уровень съ потребностями постепенно развивающейся науки.

3) *Россійскіе гражданскіе законы, общіе и особенные* (какъ-то уставы: кредитный, торговый и о фабрикахъ) были преподаваемы съ 1836 года для студентовъ втораго курса ор-

динарнымъ профессоромъ С. Н. *Ориатскимъ* *) по шести и семи часовъ въ недѣлю. Введеніе въ науку русскаго гражданскаго законовѣдѣнія и исторію гражданскаго законодательства въ Россіи преподаватель излагалъ по собственнымъ запискамъ, обращая главнымъ образомъ вниманіе на исторію внутреннюю. Въ изложеніи дѣйствующихъ законовъ профессоръ держался порядка и по возможности самого текста, принятаго въ Сводѣ (X и XI томахъ), дополняя его, гдѣ считалъ нужнымъ, поясненіями теоретическими и практическими. Въ слушаніи отдѣла межевыхъ законовъ вмѣстѣ съ студентами участвовали воспитанники состоявшей при кievской гимназій школы землемѣровъ. Сверхъ того Ориатскій упражнял казеннокоштныхъ студентовъ въ юридической практикѣ (съ 1839 года).

Профессоръ Ориатскій по воспитанію былъ товарищемъ Неволіна и Богородскаго: вмѣстѣ съ ними приготовлялся при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, вмѣстѣ съ ними путешествовалъ за-границею и слушалъ лучшихъ юристовъ своего времени. Преподаваніе Ориатскаго заключалось въ буквальномъ изложеніи текста свода Законовъ, которое студенты должны были заучивать наизусть, не отступая ни на шагъ отъ буквы.

4) *Мѣстные законы*, возвращенныхъ отъ Польши губерній отдѣлены были въ 1835 году, съ разрѣшенія началь-

---

*) Сергій Николаевичъ *Ориатскій*, статскій совѣтникъ, докторъ правъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, изъ духовнаго званія, родился въ 1806 году. Учился въ санктпетербургской духовной академіи, а потомъ, вмѣстѣ съ Неволінымъ при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и за-границею. Въ 1835 году опредѣленъ профессоромъ по кафедрѣ гражданскихъ законовъ въ университетъ св. Владиміра. Во время службы при университетѣ былъ членомъ и секретаремъ временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, трижды былъ избираемъ въ деканы, и произнесенъ на торжественномъ актѣ рѣчь объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи (1836 года). Въ 1843 году уволенъ изъ университета и потомъ попеременно служилъ при департаментѣ юстиціи, въ харьковскомъ университетѣ профессоромъ международнаго права и, наконецъ, въ московскомъ университетѣ профессоромъ энциклопедіи права и государственныхъ законовъ. Эту должность занимаетъ и теперь. (См. Біограф. словарь московскихъ профессоровъ, II, стр. 174—183, его автобіографію.)

ства, отъ каедры гражданскихъ законовъ и составили предметъ самостоятельной каедры, но чтеніе ихъ поручено было, за недостаткомъ особаго преподавателя, ординарному профессору уголовныхъ законовъ И. Н. *Даниловичу* *). Преподаватель проходилъ свой предметъ студентамъ третьяго курса въ теченіе года, читая по три часа въ недѣлю. За немѣніемъ по этому предмету удовлетворительнаго руководства, Даниловичъ проходилъ науку по запискамъ, на основаніи имъ же самимъ изготовленнаго, во время службы при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, свода мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ западныхъ губерніяхъ. Во введеніи профессоръ излагалъ историческія свѣдѣнія объ источникахъ и родахъ мѣстныхъ законовъ и литературу науки. Въ догматической части, слѣдуя порядку, принятому въ X томѣ свода Законовъ, — излагалъ права лицъ и законы о состояніяхъ, о вещественномъ правѣ, о договорѣ и о судопроизводствѣ. вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ Даниловича въ московскій университетъ въ 1839 году, самостоятельность каедры мѣстныхъ законовъ была уничтожена.

---

*) Игнатій Николаевичъ *Даниловичъ*, статскій совѣтникъ, магистръ и ордена св. Анны второй степени кавалеръ, сынъ греко-униатскаго священника въ подляскомъ воеводствѣ, родился въ 1789 году. Учился сначала въ лужинской гимназіи у пѣристовъ, а потомъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень магистра. Въ 1812-году, во время занятія Вильно французами, принялъ должность секретаря при французскомъ генералъ-губернаторѣ Ферье въ Бѣлостокѣ. По удаленіи французовъ началъ, въ 1814 году, службу при виленскомъ университетѣ, какъ преподаватель мѣстнаго права, а потомъ въ качествѣ ординарнаго профессора по каедрѣ русскаго гражданскаго и уголовнаго права и литовско-польскихъ законовъ. Въ 1830 году состоялъ при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, какъ редакторъ свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. Ученая дѣятельность его принадлежала попеременно виленскому, харьковскому, кіевскому и московскому университетамъ. Въ университетѣ св. Владиміра читалъ онъ, съ 1836 г. по 1839 г., мѣстные законы и законы уголовные; въ московскомъ — законы благоустройства и благочинія, съ 1839 по 1842 годъ. Въ 1842 году усиленные занятія потрясли его умственные силы и разстроили здоровье: онъ вышелъ въ отставку и умеръ за-границею, въ Гренбергѣ, въ 1843 году. (См. Біограф. словарь московскихъ профессоровъ, томъ I, стр. 387—390, статья профессора Коровицкаго.)

5) *Законы уголовные и полицейскіе*

Читалъ съ 1836 по 1839 годъ тотъ же ординарный профессоръ Даниловичъ студентамъ третьяго курса по четыре съ половиною часа въ недѣлю. Наука была проходима по собственнымъ запискамъ преподавателя въ слѣдующемъ порядкѣ: послѣ введенія, излагающаго понятіе объ уголовныхъ законахъ, ихъ раздѣленіи, вспомогательныя науки, литературу и исторію, объясняемы были подробно самыя статьи свода уголовныхъ и полицейскихъ законовъ. Руководствуясь XIV и XV томами свода, профессоръ присоединялъ къ положительной части лекцій общія теоретическія понятія и сравнительно-историческія свѣдѣнія по отечественному и нѣкоторымъ иностраннымъ уголовнымъ законамъ (древне-римскому, германскихъ народовъ и др.). Профессоръ Даниловичъ, по свидѣтельству его біографа и всѣхъ его знавшихъ, былъ вообще любимъ и уважаемъ своими слушателями и товарищами и пользовался значеніемъ у начальства. Онъ владѣлъ въ высшей степени даромъ слова и не только свободно объяснялся на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, но и писалъ на нихъ. Онъ пріобрѣлъ ученую извѣстность многочисленными трудами по исторіи и законодательству Литвы и былъ членомъ ученыхъ обществъ: варшавскаго любителей наукъ, московскаго исторіи и древностей, коненгагенскаго сѣверныхъ антикваріевъ и краковскаго университета.

6) *Законы государственнаго благоустройства и благочинія* для студентовъ втораго курса, съ 1836 года, преподавалъ ординарный профессоръ *С. О. Богородскій* по шести часовъ въ недѣлю. Въ изложеніи положительныхъ законовъ преподаватель пользовался источниками отечественнаго законодательства, а въ теоретической части науки руководствовался въ-особенности сочиненіями Моля (Mohl), Рау и Лоца. Предметъ свой Богородскій проходилъ по слѣдующему плану:

Въ общемъ введеніи профессоръ объяснялъ понятіе, доказывалъ необходимость, опредѣлялъ объѣмъ предметовъ, составляющихъ содержаніе законовъ благоустройства и благочинія, раскрывалъ порядокъ естественнаго развитія ихъ съ

видоизмѣненіями, происходящими отъ односторонняго развитія народной жизни и одностороннихъ политико-экономическихъ теорій, показывалъ отношеніе обѣихъ частей законодательства между собою, къ прочимъ частямъ законодательства и къ другимъ, болѣе или менѣе сходнымъ наукамъ. Наконецъ разсматривалъ важнѣйшія сочненія, какъ пособія къ изученію разсматриваемыхъ частей законодательства.

За тѣмъ слѣдовало: 1) изложеніе законовъ благоустройства, куда входили: а) *во-первыхъ* мѣры, принимаемыя правительствомъ къ *обезпеченію матеріальной жизни* народа, т. е., къ *умноженію и улучшенію* народнаго богатства (уставы сельско-хозяйственный, кредитный, фабричный, заводскій и ремесленный), къ *правильному распределенію* его въ народѣ (уставы: торговый, кредитный, пути и средства сообщенія) и наконецъ законы относительно *потребленія* народнаго богатства (объ устройствѣ городовъ и селеній); б) *во-вторыхъ* мѣры, принимаемыя правительствомъ къ улучшенію *духовной жизни* народа (посредствомъ образованія умственнаго, эстетическаго и нравственнаго); 2) изложеніе законовъ *благочинія*, вмѣющихъ предметомъ мѣры отрицательныя, для предупрежденія и пресѣченія зла физическаго, и нравственнаго, или для удаленія препятствій къ прогрессу физической и духовной жизни народа (уставы о народномъ продовольствіи, о заведеніяхъ общественнаго призрѣнія, пожарный и медицинской полиціи).

Способъ преподаванія былъ вездѣ одинъ и тотъ же: приступая къ тому или другому учрежденію, профессоръ старался прежде всего *теоретически* объяснить значеніе и мѣсто его въ быту общественномъ, потомъ излагалъ историческое развитіе его въ жизни народа подъ вліяніемъ законодательства, далѣе излагалъ дѣйствующіе законы *статистически* и результаты ихъ, наконецъ *сравнивалъ* учрежденія и законы отечественныя съ однородными явленіями въ законодательствахъ другихъ государствъ.

Эта программа лекцій показываетъ, какъ серьезно, современно и многосторонне понималъ свой предметъ профессоръ Богородскій. Въ способѣ преподаванія, видимъ соединеніе методовъ философскаго, сравнительно историческаго и

догматическаго съ, преобладаніемъ перваго. По общему сознанию всѣхъ слушателей Богородскаго, ни одинъ профессоръ (не исключая даже Неволлина), не развивалъ ихъ столько, сколько онъ. У Богородскаго, если не въ изустномъ преподаваніи, то въ его запискахъ, было гораздо болѣе свѣжести, жизни и разумно-осмысленнаго матеріала, чѣмъ у самого Неволлина. Сверхъ того онъ былъ человекъ правдивый, общительный и доступный студентамъ: отсюда у него было много слушателей, симпатизировавшихъ профессору и его наукѣ. Говорить съ каедры Богородскій былъ не мастеръ: слова у него не посыпались за мыслями, и онъ не рѣдко затруднялся въ выраженіяхъ и, прискивая ихъ, нарушалъ плавное изложеніе вставкою «тотъ — того» и другихъ односложныхъ словъ.

Въ 1839 году, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, законы благочинія отдѣлены были отъ законовъ благоустройства и присоединены къ законамъ уголовнымъ. Съ этого же года сталъ преподавать законы благоустройства адъюнктъ (а съ 1841 года ординарный профессоръ) Н. Д. Иваншевъ, а Богородскій занялъ кафедру уголовныхъ законовъ вмѣсто Даниловича, переведеннаго въ московскій университетъ.

7) Преподаваніе *законовъ о повинностяхъ и финансахъ*, присоединенныхъ по первоначальному проекту устава (1833 г.) къ кафедрѣ законовъ благоустройства и благочинія, было отдѣлено отъ нее и начато въ 1837 году исправляющимъ должность адъюнкта *Г. А. Цвѣтковымъ* *). Излагая науку студентамъ третьяго курса по четыре часа въ недѣлю, преподаватель проходилъ ежегодно всѣ ея части (IV, V, VI, VII и VIII томы Свода Законовъ), а именно: послѣ общаго вступленія въ науку законовъ о финансахъ, предлагаемы были законы о государственныхъ имуществахъ, ученіе о финан-

---

*) Григорій Алексѣевичъ *Цвѣтковъ*, изъ духовнаго званія, родился въ 1807 году, въ ярославской губерніи; образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ и, по окончаніи курса, опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта въ университетъ св. Владиміра въ 1836 году, гдѣ прослужилъ двадцать лѣтъ. Въ 1856 году вышелъ въ отставку по болѣзни.

совыхъ регаліяхъ и законы о податяхъ и пошлинахъ. Въ изложеніи положительнаго законодательства Цвѣтковъ держался порядка, принятаго въ Сводѣ Законовъ, помѣщая предъ каждымъ отдѣломъ науки теоретическія политико-экономическія начала, которыя почерпалъ изъ сочиненій Мальхуса и Рау.

Записки Цвѣткова отличались необыкновенно подробнымъ изложеніемъ всѣхъ возможныхъ мелочей; а лекціи необыкновенно странною интонаціею, которая поражала рѣзкими всевозможными переходами изъ одного тона въ другой.

8) Римское право.

Въ 1834 году экстраординарный профессоръ *Александръ Николаевичъ Мицкевичъ* *) излагалъ институціи римскаго права съ внутреннею исторіею права на латинскомъ языкѣ два раза въ недѣлю. Съ 1835 по 1838 годъ тотъ же преподаватель излагалъ студентамъ перваго и втораго курса: а) общее введеніе, въ которомъ разсуждалъ о правѣ вообще и о нынѣшнемъ образѣ изученія римскаго права; б) исторію римскаго права до Юстиніана; в) исторію его отъ Юстиніана до нашихъ временъ и д) систему частнаго римскаго права, по шести часовъ въ недѣлю. Всѣ эти предметы преподаватель читалъ по собственнымъ запискамъ, при составленіи которыхъ руководствовался сочиненіями: Гуго, Гаубольда, Савиньи, Кленце, Штектгардта, Варикёнига и Маціевскаго, предлагая прежде всего слушателямъ подлинный текстъ источниковъ права. Сверхъ этого, по причинѣ затрудненія студентовъ, не привыкшихъ къ слушанію лекцій на латинскомъ языкѣ, дѣлаемы были частыя повторенія съ переводомъ на русскій языкъ. Притомъ преподаватель назначалъ

---

*) Александръ Николаевичъ *Мицкевичъ*, изъ дворянъ гродненской губерніи, магистръ обоихъ правъ, родился въ 1804 году и, по окончаніи курса въ виленскомъ университетѣ, опредѣленъ, въ 1829 году, въ волынской лицей учителемъ римскаго и гражданскаго права. Въ 1834 году перешелъ въ университетъ св. Владиміра, сначала экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римскаго права, исправлялъ должность совѣтника правленія и члена училищнаго комитета. Въ 1837 году переведенъ въ харьковскій университетъ.

учащимся дѣлать выписки, съ поясненіями нѣкоторыхъ мѣстъ юстиніанова свода законовъ, относящихся къ предметамъ курса, чтобы тѣмъ лучше познакомить ихъ съ этимъ сводомъ. О Мицкевичѣ сохранилось между его товарищами преданіе, какъ о человѣкѣ со свѣдѣніями, свѣтлымъ практическимъ умомъ и энергическимъ характеромъ, имѣвшемъ большое значеніе въ обществѣ кременецкихъ профессоровъ. Съ апрѣля 1838 года, послѣ перемѣщенія ординарнаго профессора Мицкевича въ харьковскій университетъ, преподаваніе римскаго права и его исторіи было поручено исправляющему должность ординарнаго профессора *Александру Алексѣевичу Федотову Чеховскому*, котораго дѣятельность принадлежитъ слѣдующимъ періодамъ.

4) Изъ искусствъ въ университетѣ преподавались:

а) *Рисованіе* учителемъ Бонавентурою *Клембовскимъ*, который изъ кременецкаго лица былъ посылаемъ на четыре года за-границу для усовершенствованія въ живописи. Среднее число ежегодно обучавшихся у него студентовъ съ 1834 по 1840 годъ простиралось до девяти человѣкъ.

б) *Музыка* учителемъ Александромъ *Шмитъ-де-Бергомъ*. Среднее число учившихся было шесть.

в) *Танцованіе* учителемъ Генрихомъ *Добре*. Среднее число учившихся было двадцать два. Впослѣдствіи танцованіе обращено было въ предметъ обязательный.

д) *Фехтованіе* сначала учителемъ Францемъ *Лекайе*, а потомъ (съ 1836 г.) Юсифомъ *Урео*. Среднее число учившихся было двѣнадцать.

е) *Верховая ѣзда* съ 1835 года учителемъ Евстафіемъ *Ольшанскимъ*. Среднее число учившихся было пятнадцать *).

5) Наконецъ для постороннихъ слушателей всѣхъ вообще состояній, были читаны съ 183⁸/₉ г. *публичныя лекціи техническихъ наукъ*; а именно: практическая механика орди-

---

*) Университетъ имѣлъ свой деревянный манежъ на дворѣ первой гимназіи, при которомъ содержалось постоянно девять лошадей.

нарнымъ профессоромъ Мѣховичемъ, техническая химія ординарнымъ профессоромъ Зѣневичемъ и технологія преподавателемъ Мерцомъ. Лекціи первыхъ двухъ профессоровъ посѣщали одни студенты; лекціи послѣдняго — никто не посѣщаль.

Сверхъ того въ 1834 году адъюнктъ Анджеіовскій началъ было читать публичный курсъ ботаники, но скоро прекратилъ чтеніе.

Ученая дѣятельность профессоровъ.

Ученая дѣятельность членовъ университетскаго сословія въ разсматриваемый нами періодъ времени заключалась: 1) въ трудахъ литературныхъ, т. е., составленіи сочиненій и статей по разнымъ ученымъ предметамъ и въ систематической обработкѣ разныхъ наукъ въ видѣ учебниковъ; 2) въ сношеніяхъ съ учеными, находящимися за-границею и въ Россіи и наконецъ 3) въ ученыхъ экспедиціяхъ.

1) *Литературно-ученые труды.*

Само собою разумѣется, что ни въ науку, ни въ литературу университетъ св. Владиміра въ первые пять лѣтъ своей жизни не могъ внести богатыхъ вкладовъ. И однакожь, не смотря на такое короткое время своего существованія, каждый факультетъ университета, кромѣ отдѣльныхъ небольшихъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ знанія, успѣлъ издать въ свѣтъ по болѣе или менѣе самостоятельному труду, имѣющему значеніе въ ученой и педагогической литературѣ Россіи. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи юридическій факультетъ, стоявшій и во веѣхъ другихъ отношеніяхъ выше другихъ двухъ, въ этотъ періодъ времени.

А) По *первому отдѣленію философскаго факультета*, болѣе другихъ проявили въ печати ученую дѣятельность профессора *Максимовичъ* и *Новицкій*; каждый изъ нихъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, издалъ по систематическому сочиненію, обнимающему извѣстную часть преподаваемыхъ ими наукъ.

а) Ординарный профессоръ Максимовичъ, занимавшійся, по его собственнымъ словамъ, въ Москвѣ естествознаніемъ

при неизмѣнной помощи философіи, — предался въ Кіевѣ словесности, развивавшейся у него подъ господствомъ исторіи. Сначала занятія Максимовича русскою словесностію и исторіею ея ограничивались мелкими отдѣльными статьями, предметомъ которыхъ были: 1) изданіе и разборъ особенно занимавшаго его памятника древней русской словесности *Пѣсни о полкѣ Игоря*. Текстъ ея съ переводомъ напечаталъ онъ отдѣльно для своихъ слушателей въ 1837 году, а критическій разборъ ея, въ связи съ народными пѣснями южной и сѣверной Руси и западныхъ славянъ и съ письменными памятниками словесности древне-русской, напечатанъ имъ въ *Журналѣ* министерства народнаго просвѣщенія (1836—37. Три статьи). 2) Разработка и изученіе русской рѣчи въ связи и въ сравненіи съ западно-славянскою, результатомъ которой было критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ, (напечатанное въ *Журналѣ* министерства народнаго просвѣщенія 1838 года). Наконецъ 3) Труды надъ стариною Кіева и всей южной Руси, предисловіемъ къ которымъ были: его изслѣдованіе *Откуда идетъ русская земля?* (Кіевъ, 1837 года), посвященное памяти Ломоносова, въ которомъ онъ варяжскую Русь производитъ изъ прибалтійскихъ ружскихъ славянъ; *Речь объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи* (Кіевъ, 1837 года, *Журналѣ* министерства народнаго просвѣщенія), произнесенная имъ на торжественномъ актѣ въ университетѣ и вызвавшая сильное сочувствіе у министра народнаго просвѣщенія Уварова, митрополита Евгенія и извѣстнаго духовнаго оратора Иннокентія, который называлъ ее брилліантовою *).

Если присоединить къ этимъ статьямъ *Записку о Кіевѣ* и вступительную лекцію *О значеніи и происхожденіи слова*, напечатанную въ *Журналѣ* министерства народнаго просвѣщенія (1834 г.), то мы будемъ имѣть понятіе о мелкихъ отдѣльныхъ трудахъ Максимовича. Всѣ результаты, добытые этою предварительною дѣятельностію и двухъ-курсовымъ пре-

---

*) См. автобіографію Максимовича въ *Биографическомъ* словарѣ профессоровъ московскаго университета, томъ II, стр. 13; тамъ подробно сказано объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ произнесеніе этой рѣчи.

подованіемъ исторіи русской словесности въ университетѣ св. Владиміра, Максимовичъ изложилъ въ одномъ общемъ систематическомъ труде, которому успѣлъ издать одну первую часть. Это *Исторія древней русской словесности* (Кіевъ. 1839. ч. 1). Исторія русскаго языка изъяснена въ этомъ сочиненіи съ новой точки зрѣнія, которой онъ является какъ языкъ отдѣльный отъ западныхъ европейскихъ, болѣе всѣхъ ихъ сохранившій перво-славянскія свойства, менѣе ихъ измѣнившійся иноплеменными языками, образовавшійся въ три особые вида, или языка: южно-русскаго, велико-русскій и бѣло-русскій. Книга эта вызвала въ Отечественныхъ Запискахъ, апрѣля 1840 года, очень рѣзкую критику Бѣлинскаго, который не соглашаясь съ авторомъ въ основныхъ понятіяхъ объ словесности и исторіи русской словесности, нападая на утомительное и поверхностное изложеніе авторомъ нѣкоторыхъ частей сочиненія, — при всемъ томъ не могъ не отдать справедливости нѣкоторымъ филологическимъ статьямъ книги и не могъ не признать сочиненія г. Максимовича гораздо вышнимъ, чѣмъ сочиненіе г. Греча, которое въ то время было главнымъ у насъ по исторіи русской литературы ¹⁾.

8) Ординарный профессоръ *Новицкій*, напечатавшій еще въ 1832 году замѣчательную монографію «*О духоборцахъ*», которая и теперь почитается лучшимъ изслѣдованіемъ по этому предмету, — въ первые годы своего служенія въ университетѣ также работалъ надъ отдѣльными статьями различнаго содержанія. Таковы: изслѣдованіе «*О первоначальномъ переводѣ Библии на славянскій языкъ*, Кіевъ 1837 г., *Рѣчь надъ гробомъ ректора В. Ф. Цыха* (Кіевъ. 1837 г.) и *Рѣчь объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ, ихъ силѣ и важности* (Кіевъ. 1837).» Въ 1840 году, какъ результатъ всей предъидущей своей дѣятельности, профессоръ Новицкій напечаталъ «*Руководство къ опытной психологіи*». Авторъ придерживался въ этомъ сочи-

*) Максимовичъ напечаталъ возраженіе «Неизвѣстному критику» въ Сѣверной Пчелѣ 1840 года (Бѣлинскій обыкновенно не подписывался подъ статьями). Сверхъ упомянутыхъ сочиненій, Максимовичъ напечаталъ въ Кіевѣ «Рѣчь надъ гробомъ генераль-фельдмаршала фонъ-деръ-Остенъ-Сакена.» 1837 года.

неніи преимущественно идей и плана Фр. Фишера, базельскаго профессора. Въ сочиненіи этомъ авторъ во-первыхъ расширилъ объемъ психологіи включеніемъ въ науку общей части, предметъ которой, природа души, былъ обыкновенно относимъ психологами къ метафизикѣ и слѣдовательно разсматривался независимо отъ опыта; во-вторыхъ представилъ новую теорію чувственного наблюденія¹²⁹ странно одно только: профессоръ Новицкій, отличавшійся такою ясностію въ изустномъ преподаваніи, написалъ свою книгу, желая быть краткимъ, довольно темно и сухо.

с) Изъ другихъ членовъ 1-го отдѣленія философскаго факультета ординарный профессоръ *Цыхъ* напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1835 годъ замѣчательную статью «*Взглядъ на историческую жизнь народа Элліно-Македонскаго*» и написалъ для торжества открытія университета рѣчь «О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ заведеній», которая напечатана уже по смерти его въ 1840 году; ординарный профессоръ *Якубовичъ* сочинилъ по тому же случаю произнесенную рѣчь «De pulchro Platónico (изд. 1840); ординарный профессоръ *Нейкирхъ* издалъ рѣчь О важности древней греческой словесности 1839; — адъюнктъ *Долбровский* напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія двѣ статьи «*Взглядъ на развитіе гражданственности русскаго народа съ половины XV до начала XVIII вѣка и Объявленіе учрежденій въ древней Руси*». Адъюнктъ *Корженевскій* издалъ на французскомъ языкѣ рѣчь, произнесенную имъ надъ гробомъ ректора *В. Ф. Цыха*; адъюнктъ *Авсеевъ* печаталъ статьи философско-религіознаго содержанія въ журналѣ Воскресное Чтеніе.

Вотъ все, что было издано въ свѣтъ преподавателями 1-го отдѣленія, не говоря о тѣхъ статьяхъ, которыя были ими составлены, но никогда не являлись въ печати.

В) По второму отдѣленію философскаго факультета дѣятельно работали Траутфеттеръ и Гофманъ.

а) Профессоръ *Траутфеттеръ* въ первые два года своей службы при университетѣ издалъ замѣчательныя ботаническія статьи: 1) De pentastemonum genere (докторская диссер-

тація), 2) описаніе открытаго имъ новаго рода *Feldermannia* 3) описаніе опредѣленнаго имъ растенія *Mirabilis Planiflora*, 4) описаніе *Alyssum minutum Schlecht*, 5) статью объ *Dotus circinatus Trautv.* и *Dotus Candolli Trautv.*, 6) статью о растительныхъ родахъ *Trifolium*, *Melilotus*, *Pescosnia*, *Trigonella* и *Medicago*. Всѣ эти статьи отосланы имъ въ императорскую с. петербургскую академію наукъ для напечатанія въ ея бюллетеняхъ. Въ ту-же академію представилъ профессоръ Траутфеттеръ въ 1839 году сдѣланныя имъ ботаническія открытія, которыя одобрены были академіею, и сообщилъ ей планъ къ изданію изображеній и описаній русскихъ растений. Наконецъ онъ составилъ и напечаталъ списокъ нѣсколькихъ сѣменъ, находящихся въ ботаническомъ саду университета св. Владиміра, предположенныхъ къ обмѣну съ другими русскими и иноземными ботаническими садами.

б) Ординарный профессоръ *Гофманъ* съ 1839 года посылалъ для напечатанія въ бюллетенѣ императорской академіи наукъ *Геогностическое описаніе южнаго берега Крыма*, составленное имъ на основаніи изысканій, произведенныхъ имъ во время ученой экспедиціи въ 1838 году. Сверхъ того университетъ издалъ, въ 1840 году, составленное Гофманомъ руководство по минералогіи подъ заглавіемъ «*Общая ориктогнозисъ, или ученіе о признакахъ минераловъ*».

в) Изъ прочихъ членовъ 2-го отдѣленія философскаго факультета, ординарный профессоръ *Зильовичъ*, въ 1837 году препроводилъ въ с. петербургскую академію наукъ разсужденіе «О необходимости измѣненія общихъ основаній наукъ, всѣхъ теорій и системъ,» и ожидалъ только одобренія академіи, чтобы издать основанную на предъидущемъ сочиненіи новую теорію химіи, но отвѣта отъ академіи не было; ординарный профессоръ *Миховичъ* написалъ «*Органологію машины*» по Боргинсу, которая осталась въ рукописи; преподаватель *Чеховичъ* напечаталъ въ 1837 переводъ (?) Динамики вещественной природы и исмѣщаль статьи въ Воскресномъ Читеніи, наконецъ ординарный профессоръ *Федоровъ* напечаталъ рѣчь «*О мнимомъ противорѣчій между истинами явствующими изъ познанія неба видимаго-вещественнаго и истинами, въ которыхъ открывается чловѣку небо невидимое духовное*», произне-

сенную на торжественномъ актѣ университета въ 1838 году, и разсужденіе на степень доктора «*О точномъ опредѣленіи географическаго положенія пунктовъ, видимыхъ изъ значительной дали*» съ присовокупленіемъ астрономическихъ наблюдений и тригонометрическихъ измѣреній, по которымъ опредѣляется географическое положеніе города Кузнецка и двухъ вершинъ саратовскаго хребта. Наконецъ профессоръ Оедоровъ составлялъ отчетъ о результатахъ своей ученой экспедиціи въ Сибири.

С) По юридическому факультету ученую производительность обнаружили профессора: Орнатскій, Даниловичъ и Неволинъ.

а) Профессоръ Орнатскій по его собственнымъ словамъ «не успѣлъ ни одного изъ преподаваемыхъ имъ предметовъ обдѣлать въ особомъ сочиненіи, которое бы по ученой своей обработкѣ достигло такой степени полноты, какую онъ считаетъ необходимою для того, чтобы сочиненіе могло быть признано заслуживающимъ изданія въ свѣтъ посредствомъ тисненія» *). Вслѣдствіе такой строгости къ самому себѣ, въ теченіе всей службы при университетѣ св. Владиміра, Орнатскій напечаталъ только «*Речь объ отношеніи между общими и частными въ законодательствѣ и законовѣдѣніи*», произнесенную имъ въ торжественномъ собраніи университета въ 1836 году. (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1839 г.) Сверхъ того напечатаны въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за разные годы отчеты объ изысканіи древностей въ Кіевѣ, составленные Орнатскимъ по званію члена и секретаря бывшаго временнаго комитета изысканія и сохраненія этихъ древностей.

б) *Ординарный профессоръ Даниловичъ*, убѣжденный долговременными изслѣдованіями, что древнее русское законодательство можетъ быть пояснено, а во многихъ и пополнено законоположеніями русскаго происхожденія, внесенными въ литовскіе статуты трехъ Сигизмундовъ, — посвятилъ свои ученые труды разработкѣ памятниковъ литовскаго права въ

*) Біографическій словарь московскихъ профессоровъ, томъ II, стр. 183.

связи съ исторією народа вообще, и въ-особенности собира-
нію и изученію статутовъ литовскихъ. Въ этомъ отношеніи
онъ имѣетъ важное значеніе въ наукѣ западно-русскаго пра-
ва. Имъ отысканы многіе рѣдкіе акты и грамоты и къ этому
предмету относятся, между прочимъ, слѣдующія сочиненія, из-
данныя имъ въ бытность его въ Кіевѣ: 1) *Dorywcze uwagi*
o hurotekach. 1835 г. (замѣтки о существовавшихъ въ воз-
вращенныхъ отъ Польши губерніяхъ ипотекахъ и о застав-
номъ правѣ), 2) *Historyczny rzut oka na prowadawstwo*
litowskie. 1837 г. (то-же на нѣмецкомъ языкѣ въ *Dörpater*
Jahrbuches 1834 г.), 3) Обзорѣніе историческихъ свѣдѣній о
сводѣ законовъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, напи-
сано по порученію II отдѣленія собственной его величества
канцеляріи, 4) О литовскихъ лѣтописцахъ—въ *Журналѣ* мини-
стерства народнаго просвѣщенія 1840 года. Всѣ эти статьи по-
казываютъ глубокую ученость автора и остроуміе въ изслѣ-
дованіи различныхъ памятниковъ польскаго и вообще славян-
скаго законодательства *). Сверхъ того, въ служеніе свое
при университетѣ св. Владиміра, Даниловичъ напечаталъ въ
Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія двѣ статьи
широкаго содержанія: 1) Объ училищахъ и воспитаніи въ сред-
ніе вѣки (1836) и 2) О ходѣ уголовнаго законодѣнія въ
Европѣ и преимущественно въ Германіи (1837).

с) Но важнѣйшій и капитальный трудъ, которымъ гор-
дился молодой университетъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія,
ординарному профессору *Неволину*: это его *Энциклопедія За-*
коновъдѣнія (Кіевъ 1839—1840 года, II тома въ 1300 стра-
ницъ), которая положила прочное основаніе ученой извѣст-
ности автора. До этого времени напечатаны были только два
сочиненія Неволина: докторское разсужденіе: О философіи
законодательства у древнихъ, С.-Петербургъ 1835 года, и
рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ университета
св. Владиміра 15 іюля 1835 года, О соединеніи теоріи съ
практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ (*Жур-*

---

*) Въ его біографіи, помѣщенной въ Библиографическомъ словарѣ мо-
сковскихъ профессоровъ, томъ I, стр. 289, упомянуты и всѣ статьи его по
этой части, сочиненныя имъ внѣ Кіева.

наль министерства народнаго просвѣщенія 1835 года). Его «Энциклопедія Законовѣдѣнія» поступила на сонскательство демидовской преміи, и разбравшій ее, по порученію санктпетербургскаго университета, профессоръ Калмыковъ изложилъ о ней слѣдующее мнѣніе: «Разсмотрѣнная нами Энциклопедія Законовѣдѣнія есть сочиненіе самостоятельное, которое можетъ занять почетное мѣсто въ ученой литературѣ западной Европы, и въ-особенности принести несомнѣнную пользу преподаванію и изученію законовѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ. Самостоятельность автора, упрочивающая его сочиненію значеніе европейское, не подлежитъ никакому сомнѣнію; она является въ созданіи науки энциклопедіею на основаніи новомъ: во всемъ своемъ объемѣ его энциклопедія далеко превосходитъ такъ называемыя формальныя и даже матеріальныя энциклопедіи нѣмецкія, возвышаясь до вывода общихъ началъ законовѣдѣнія и связывая сіи общія истины со всемірнымъ историческимъ развитіемъ ихъ въ царствѣ ума и мысли и въ практическомъ сознаніи цѣлыхъ народовъ и законодателей. Кромѣ общаго плана всего творенія и основной идеи, въ немъ господствующей, изложеніе и отдѣльныхъ составныхъ частей свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ трудѣ нашего ученаго соотечественника: общая часть представляетъ въ стройной системѣ рядъ мыслей возвышенныхъ, вытекающихъ одна изъ другой силою собственнаго его мышленія; его превосходная исторія философіи законодательства, особенно древняя, во многихъ отношеніяхъ восполняетъ недостатки иностранныхъ сочиненій по сему предмету; наконецъ въ исторіи положительныхъ законодательствъ, въ коей нельзя требовать отъ автора собственныхъ новыхъ изысканій, онъ самостоятеленъ въ томъ, что привелъ въ систему, основанную на одной главной идеѣ, всѣ разнообразныя факты, кои почерпнулъ изъ важнѣйшихъ твореній европейскихъ писателей. Кромѣ важности, какую имѣетъ сочиненіе г. Неволлина для науки вообще, оно приноситъ великую пользу отечественному законовѣдѣнію: составляя эпоху своимъ появленіемъ въ области нашей юридической литературы, оно по объему и содержанію своему удовлетворяетъ потребностямъ русскаго гоюношества, изучающаго юриспруденцію, знакомя е съ об-

щими истинами права и со всемірнымъ ихъ развитіемъ и пересаживая на родную почву важныя истины, стяжанныя европейскою ученостію; словомъ, авторъ подарилъ русскую литературу прекраснымъ руководствомъ и для преподавателей законовѣдѣнія и для изучающихъ оное въ отечественныхъ университетахъ».

Къ этому въ отчетѣ присовокуплено, что если, не смотря на такую безусловную похвалу сему сочиненію, академія присудила ему не полную, а второстепенную премію, то это только потому, что книга г. Неволіна, по мнѣнію академіи, не обогатила науки новыми взглядами.

d) Сверхъ означенной ученой дѣятельности членовъ отдѣльныхъ факультетовъ профессоръ богословія, протоіерей *И. Скворцевъ*, въ первое время своей службѣ при университетѣ, напечаталъ въ 1838 году *Краткую исторію Церкви ветхозавѣтной*, принятую въ руководство въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и еще прежде имъ написанное сочиненіе: *Критическое обозрѣніе кантовой религіи въ предѣлахъ одного разума* (въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія). Сверхъ того Скворцевъ участвовалъ въ журналѣ «Воскресное Чтеніе», котораго былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ-редакторовъ.

2) Что касается до сношеній членовъ университета св. Владимира съ учеными лицами и мѣстами въ Россіи и за-границею, то кромѣ сношеній профессоровъ *Траутфеттера*, *Гофмана* и *Зюльвича* съ императорскою санктпетербургскою академіею наукъ, по случаю отсылки въ нее трудовъ этихъ профессоровъ, — одинъ профессоръ *Бессеръ* сносился съ знаменитымъ женевскимъ ботаникомъ Декандалемъ. Предметомъ сношеній была посылка со стороны Бессера изданнаго имъ сочиненія *Die Artemisien* — и обмѣнъ ученыхъ мнѣній. Сверхъ того, Бессеръ результаты своихъ энтомологическихкихъ изслѣдованій сообщалъ замѣчательнымъ ученымъ Фишеру фонъ-Вальдгейму, Шёнгерру, Дежеану, Стевену, Маннергейму, Гравенгорсту, Штурму, Ключу, Гуммелю, Фальдерману.

3) Учеными экспедиціями университетъ св. Владимира въ первые пять лѣтъ своего существованія былъ весьма бѣденъ.

Попечитель фонъ-Брадке употреблялъ многихъ изъ профессоровъ болѣе для педагогическихъ обзорѣній училищъ округа и для устройства университетской администраціи, чѣмъ для ученыхъ экскурсій. Училища обзорѣвали профессеры: Цыхъ, Нейкирхъ, Якубовичъ, Оедотовъ-Чеховской и Домбровский; въ административныя командировки были отправляемы профессеры: Выжевскій, Мѣховичъ и Траутфеттеръ.

Собственно съ ученою цѣлю были совершены экскурсіи:

Адъюнктомъ *Андржеіовскимъ*, въ окрестностяхъ Кіева, для ботаническихъ изслѣдованій, въ 1835 году.

Ординарнымъ профессоромъ *Траутфеттеромъ*, въ 1837 году, въ Крыму, съ тою же цѣлю, и

Ординарнымъ профессоромъ *Гофманомъ*, въ 1838 году, въ Новороссійскомъ краѣ, для геогностическихъ изслѣдованій.

Профессоръ *Гофманъ* и профессоръ *Оедоровъ*, до опредѣленія своего въ университетъ св. Владиміра, прославились учеными путешествіями. Первый участвовалъ въ плаваніи вокругъ свѣта на шлюпѣ Предпріятіе (1823—1826) и путешествовалъ на южный или белокирскій Уралъ (1828—1829); а послѣдній сопровождалъ Паррота (профессоръ дерптскаго университета) въ ученой экспедиціи на Арраратъ (съ 31 марта 1829 по 28 февраля 1830 года), а потомъ (съ 6 февраля 1832 до конца 1836 года) совершилъ путешествіе по юго-западной Сибири для географическаго опредѣленія точекъ между 50 и 60 градусами широты. И Гофманъ и Оедоровъ напечатали результаты своихъ наблюденій и изслѣдованій въ бюллетеняхъ императорской академіи наукъ.

IV.

Житейскія отношенія.

И четверти вѣка не ушло, а всѣ почти дѣятели перваго пятилѣтія университета сошли уже со сцены. Вымерло все старое поколѣніе кременецкихъ профессоровъ, вымирають одинъ за другимъ Неволннъ, Богородскій, — старые корифеи-профессоры; другіе удалились въ уединеніе; иные про-

должаютъ работать въ другихъ университетахъ или на иномъ поприщѣ общественнаго служенія. Остается въ университетѣ одинъ свидѣтель его основанія, профессоръ Н. М. *Скворцовъ*, да два-три человѣка, которыхъ память обнимаетъ все первые годы университета. Къ ихъ воспоминаніямъ долженъ обратиться лѣтописецъ университета за свѣдѣніями о житьѣ-бытьѣ стараго ученаго сословія. Ученики сохранили преданія о лекціяхъ своихъ учителей, по ихъ памяти, какъ по грамотѣ, можно обрисовать главнымъ образомъ личность профессора на кафедрѣ, — но профессоръ въ кругу своихъ товарищей, профессоръ въ обществѣ былъ для нихъ недоступенъ по тому далекому разстоянію, въ какомъ стояли тогда студенты отъ профессоровъ.

Благодаря воспоминаніямъ одного изъ уцѣлѣвшихъ первыхъ профессоровъ университета, да воспоминаніямъ тѣхъ лицъ, въ кругу которыхъ являлись тогда члены университетскаго сословія, мы можемъ набросать слѣдующій очеркъ житья-бытья старыхъ профессоровъ.

Основаніе университетскому ученому сословію положила колонія кременецкихъ профессоровъ. Перенесенные ею изъ метрополии старыя нравы и обычаи должны были видоизмѣниться вслѣдствіе постепенно возрастающаго прилива новыхъ людей и вслѣдствіе общественныхъ и политическихъ отношеній той новой среды, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать. Свои частныя интересы, свои прежнія привычки и отношенія это общество могло проявлять только въ тѣсномъ кругу *своихъ*. Дѣйствительность, волею или неволею, заставила ихъ сблизиться съ новыми сослуживцами, тѣмъ болѣе, что у этихъ послѣднихъ не было особыхъ интересовъ, а напротивъ проявлялась полная готовность къ сближенію и живая потребность общенія. Оно и понятно: молодой человѣкъ являлся въ новый для него городъ и весьма естественно долженъ былъ искать общества въ кругу людей, однородныхъ съ нимъ по службѣ и дѣятельности. Общество кременецкихъ профессоровъ сначала не рѣшалось отталкивать пришельца-сослуживца, между прочимъ по очень естественному въ то время чувству опасенія, потомъ само увлекалось или живыми личностями новыхъ товарищей или обществен-

нымъ и официальнымъ значеніемъ ихъ. Такимъ образомъ мало-по-малу установилось то, наружное по крайней мѣрѣ, сближеніе между всѣми членами университетскаго ученаго сословія, безъ различія вѣръ и націй, какое составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ того времени. Много могла къ тому содѣйствовать ограниченность въ числѣ профессоровъ, не допускавшая дробленія на извѣстные кружки по убѣжденіямъ, національностямъ и мѣсту воспитанія. Много содѣйствовалъ этому сближенію и самъ попечитель фонъ-Брадке, у котораго на вечерахъ, каждую недѣлю, сталкивался житель Кременца и Вильно съ москвичемъ и жителемъ Петербурга и устанавливалась связь и общеніе между ними. Обычай дѣлать визиты каждый значительный годовой праздникъ и торжественный день, обычай поздравлять другъ друга съ семейными праздниками — поддерживалъ эти связи и имѣлъ въ результатѣ частыя сходки всѣхъ профессоровъ на вечера одинъ къ другому. Матеріальныя средства, обезпеченныя, при тогдашней относительной дешевизнѣ жизни, достаточнымъ жалованьемъ и, при отсутствіи постороннихъ доходовъ (напримѣръ отъ медицинской практики), болѣе или менѣе равномерныя у всѣхъ профессоровъ, дѣлали возможными такіе частые вечера въ профессорскомъ кругу. У Выжевскаго, Якубовича и Мицкевича, чаще чѣмъ у другихъ происходили подобныя общіе вечера. Разговоръ шель о городскихъ и университетскихъ новостяхъ и событіяхъ, да кое-когда прерывался разказами и воспоминаніями о старинѣ, впрочемъ не касавшимися тѣхъ серьезныхъ сторонъ старины, которыхъ всѣ, по безмолвному соглашенію, не затрагивали. Если же случалось, что разговоръ неосторожно шевелилъ нестывшее прошлое, профессоръ Мицкевичъ тотчасъ предлагалъ сѣсть за карточные столы. Одни (Цыхъ, Неволинъ, Богородскій, Ставровскій и нѣсколько другихъ) садились за карты; а тѣ, которые не играли, продолжали общій разговоръ, перемѣнивъ, разумѣется, щекотливую тему его. Научные вопросы рѣшались на этихъ вечерахъ изрѣдка, развѣ, бывало, старикъ Зѣновичъ начнетъ, размахивая руками: одушевленный разказъ о происхожденіи міра и людей изъ атомовъ. Глубиною и основательностію отличались разказы

и бесѣды Неволлина, но отъ нихъ несло школьнымъ запахомъ. Своего рода неутомимостію и мелкопомѣстнымъ шляхетскимъ юморомъ отличались рѣчи Абламовича, но чрезъ четверть часа онѣ всѣмъ до-смерти надоѣдали. Но когда нитью разговора овладѣвалъ Максимовичъ, — все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе: самая одушевленная, живая рѣчь лилась изъ устъ этого человѣка и самый простой, обыденный разсказъ получалъ въ устахъ его живой интересъ для всѣхъ. Разскажетъ ли онъ, бывало, объ извѣстномъ отвѣтѣ стараго московскаго профессора на похвалу попечителя его молодому товарищу: «поживетъ съ наше, такой же, какъ и мы, дуракъ будетъ!» разскажетъ ли о томъ, какъ онъ самъ, Максимовичъ, открывалъ поэтическіе таланты у женщинъ-писательницъ, — все равно интересовало слушателей, даже чуждыхъ тому обществу, о которомъ шла рѣчь. Разсказъ былъ всегда спокойный и, если можно такъ выразиться, удивительно свѣтлый и простой. Объ одномъ только не могъ говорить спокойно и интересно Максимовичъ: о Брамбеусѣ и его литературной лѣтописи. Тутъ онъ выходилъ изъ себя и, по поводу барона, подымалъ неосторожно такой разговоръ, при которомъ профессору Мицкевичу не разъ приходилось предлагать гостямъ карты.

Но независимо отъ этихъ общихъ собраній всѣхъ профессоровъ — старые кременецкіе профессора, само собою разумѣется, находились между собою въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, условливаемыхъ единствомъ и воспитанія, и прежней службы, и національности, и другихъ близкихъ ихъ сердцу воспоминаній. Поэтому они, участвуя въ общихъ профессорскихъ сходахъ, въ то-же время образовывали свое особенное общество. Душею этого общества были: одинъ ординарный профессоръ и одинъ адъюнктъ. Первый, владѣя замѣчательнымъ практическимъ умомъ, ставилъ въ этомъ кружкѣ вопросы, ближайшимъ образомъ касавшіеся общихъ всѣмъ членамъ его интересовъ, и отстанвалъ эти интересы легальнымъ образомъ въ совѣтѣ. Второй поддерживалъ значеніе кременецкаго кружка въ обществѣ помѣщиковъ, на которое имѣлъ вліяніе какъ человѣкъ свѣтскій и какъ извѣстный беллетристъ. Съ другой стороны онъ же знакомилъ своихъ

товарищей съ тѣмъ, что особенно интересовало самое общество помѣщиковъ. Но въ чемъ собственно заключались эти вопросы, эти интересы, на чемъ двигался разговоръ въ кременецкихъ вечерахъ — рѣшить невозможно, потому что, при появленіи на нихъ посторонняго лица, въ родѣ напимѣрь, профессора Неволнна, тотчасъ предлагались карты.

Надо отдать однакожъ справедливость тогдашнему ученому сословію университета въ томъ, что при этомъ, прикрытомъ наружнымъ сближеніемъ, раздѣленіи ихъ по національностямъ, непотизмъ въ университетѣ не имѣлъ мѣста. Впрочемъ, подъ конецъ этого періода, чуть замѣтно стала организоваться нѣмецкая каста...

Нѣкоторые профессора не принимали участія ни въ общихъ, ни въ частныхъ собраніяхъ своихъ товарищей; таковъ, напимѣрь, былъ Бессеръ, весь преданный наукѣ и семейству; таковъ былъ еще одинъ господинъ, который боялся оставить квартиру, видя кругомъ себя воровъ и поджигателей....

Сколько можно заключить по сохранившемуся преданію, въ то время существовали иные отношенія между профессорами и адъюнктами: первые смотрѣли на вторыхъ съ высоты своего оффиціального сана и своей, не рѣдко на давности службы основанной, учености. Такъ напимѣрь, Абламовичъ, по тогдашнимъ обычаямъ, имѣлъ полное право считать себя неизмѣримо выше Гречины.... Изъ-за этихъ отношеній къ профессору, одинъ изъ адъюнктовъ даже долженъ былъ оставить университетъ, хотя и безъ особой потери для университета. Въ этой недоступности одинъ московскій ординарный профессоръ упрекалъ своихъ товарищей, кіевскихъ ординарныхъ профессоровъ *). За нее же гг. ординарные профессора, въ свою очередь, должны были оплачиваться тѣмъ далекимъ разстояніемъ, въ какое ставилъ ихъ отъ себя, даже внѣ оффиціальныхъ отношеній, товарищъ избранный ими подъ конецъ этого періода въ ректоры.

Но каковы ни были взаимныя отношенія профессоровъ въ университетскомъ обществѣ, никто изъ нихъ тогда не

---

*) Рѣдкннъ, въ письмахъ къ Богородскому.

пренебрегалъ имъ и не искалъ личнаго значенія и выгодъ между такъ называемою служебною и великосвѣтскою аристократіею. Это происходило отчасти отъ того, что всѣ сферы кievскаго общества были всѣмъ профессорамъ равно доступны, что всѣ оказывали имъ равное вниманіе, уважая въ нихъ званіе профессора, а отчасти и отъ того, что матеріальныя средства всѣхъ профессоровъ были довольно равномѣрны: никакіе посторонніе, хотя бы и законные, доходы не нарушали этого равновѣсія. Къ чести тогдашняго ученаго сословія надо сказать еще и то, что ученое соревнованіе его членовъ между собою не происходило изъ того нечистаго побужденія, которое заставляетъ нѣкоторыхъ героевъ ронять другъ друга въ глазахъ общества, лишь бы занять въ немъ высокое мѣсто и смотрѣть потомъ на другихъ съ нѣкоторымъ чувствомъ самодовольствія, которое свойственно всѣмъ посредственностямъ, нравственнымъ и умственнымъ, безъ различія. Впрочемъ это не мѣшало товарищамъ въ своемъ кругу подвергать строгой оцѣнкѣ извѣстныя личности.

Когда ректорами университета были Максимовичъ и Цыхъ, — оффиціальныи начальникъ въ университетѣ былъ одинъ — попечитель; когда ректоромъ университета избранъ былъ Неволинъ, ихъ стало два и низшій — ректоръ, держалъ себя чуть ли не неприступнѣе, чѣмъ главный — попечитель. Несомнѣнныя способности Неволлина, какъ администратора, его правдивость, неутомимая дѣятельность и ученныя достоинства заставляли профессоровъ добровольно подчиняться ему; неприступность его была въ этомъ случаѣ совершенно излишня; она только вредила ему: — Неволлина многіе уважали, но любили его весьма немногіе.

Попечитель фонъ-Брадке по отношенію къ профессорамъ держался двухъ правилъ: 1) начальникъ долженъ уважать личность подчиненнаго для того, чтобы онъ самъ уважалъ свое званіе и чтобы общество и слушатели уважали его; 2) служба службой, а дружба дружбой.

Самъ исполняя вѣрою и правдою, по своему убѣжденію, должность попечителя, онъ требовалъ того же и отъ дру-

гихъ. Приверженецъ строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ, онъ подвергалъ имъ не только студентовъ, но въ извѣстной степени прилагалъ ихъ и къ преподавателямъ. Самъ съ утра до вечера посѣщая учебныя заведенія, фонъ-Брадке требовалъ отъ профессоровъ неупустительнаго посѣщенія лекцій и извинялъ скорѣе плохое преподаваніе, чѣмъ неаккуратность въ преподавателѣ. Въ аудиторіяхъ заведены были классные журналы, въ которыхъ каждый профессоръ долженъ былъ записывать о чемъ читалъ лекцію. Не менѣе требователемъ былъ попечитель и относительно официальныхъ представленій всякаго рода. Но если эта требовательность, истекавшая изъ разъ навсегда усвоенной системы управленія, доходила иногда до крайности, то, съ другой стороны, уваженіе Брадке къ личности и званію профессора были неограничены. Въ ученыхъ совѣщаніяхъ на единѣ, въ педагогическихъ совѣщаніяхъ у него на дому, профессора съ полною свободою высказывали ему свои мнѣнія, какъ товарищу и сослуживцу, и онъ оказывалъ полное вниманіе къ этимъ мнѣніямъ, не отказываясь нисколько отъ собственной независимости. Отсюда часто происходили у него съ профессорами горячіе споры, въ которыхъ забывались и начальникъ и подчиненный, и расходились не рѣдко съ видимымъ неудовольствіемъ. День или два спустя, Брадке являлся въ профессорскую комнату въ университетъ, и не рѣдко, чувствуя себя неправымъ, подавалъ первый руку примиренія. Въ дѣлѣ о механической школѣ, о которомъ мы уже упомянули, недовольный Богородскимъ, который отстаивалъ упорно и горячо свой проектъ, попечитель образовалъ комитетъ изъ послушныхъ ему кременецкихъ профессоровъ для составленія новаго проекта по его мыслямъ, — но чрезъ день или два обратился къ тому же Богородскому съ просьбою, чтобы онъ, не отказываясь отъ своего мнѣнія, принялъ участіе и руководство въ совѣщаніяхъ комитета, на дѣльность котораго самъ Брадке не полагался. Такія отношенія профессоровъ къ своему начальнику особенно рѣзко должны были бросаться въ глаза въ то время, которое хотя и не далеко отъ насъ по числу лѣтъ, но куда-какъ далеко по своему характеру, и когда на генерала, будь военный, будь онъ статскій, смотрѣли въ провин-

ціи какъ на существо, стоявшее ближе къ небу, чѣмъ къ прочимъ смертнымъ.

Уважая званіе и личность ученаго университетскаго со- словія, Брадке требовалъ и отъ другихъ такого же къ нему уваженія. Преданіе сохранило отвѣтъ его одному изъ начальниковъ края, который, не приглашая на вечера свои профессоровъ и замѣтивъ, что Брадке пересталъ бывать на нихъ, спросилъ его о причинѣ отсутствія: «Гдѣ нѣтъ профес- соровъ, тамъ не мѣсто и попечителю ихъ». Вообще фонъ-Брадке былъ самымъ дѣятельнымъ посредникомъ между уни- верситетомъ и кіевскимъ обществомъ. Каждое воскресенье были у него вечера. Здѣсь профессеры и студенты встрѣ- чались съ преподавателями и воспитанниками гимназій, съ замѣчательнѣйшими личностями кіевского духовенства, — вика- ріемъ епархіи Владиміромъ и ректоромъ академіи Инноген- тіемъ; здѣсь присутствовали мужчины и дамы изъ всего, такъ называемаго, высшаго круга; здѣсь встрѣчалось вообще все, что почиталось въ Кіевѣ лучшимъ обществомъ. Одни играли въ вистъ и бостонъ (Цыхъ, Неволинъ, Богородскій, самъ фонъ-Брадке), другіе проводили время въ дамскомъ обще- ствѣ, гдѣ по обыкновенію раздавался одушевленный голосъ Максимовича, иные, наконецъ, собравшись въ кружокъ съ новыми знакомыми, проводили время въ разговорахъ. Моло- дежь танцевала. Часу въ одинадцатомъ разбѣжались всѣ посторонніе и Брадке оставался только въ кругу лицъ своего вѣдомства. Тогда начинались серьезные разговоры, прида- вавшіе вечерамъ педагогическое значеніе. Брадке высказы- вавъ свои наблюденія и замѣчанія, вызывалъ совѣты и мнѣ- нія, предлагалъ на обсужденіе новыя мѣры и т. п. Здѣсь онъ узнавалъ ближе профессоровъ, а профессеры своего попечителя. Не рѣдко происходили и горячіе споры, преры- ваемые дружескимъ смѣхомъ и примиреніемъ. Въ этихъ-то разговорахъ слышалась тихая размѣренная и строго обду- манная рѣчь Неволина; горячіе, не всегда плавно и послѣ- довательно, но большею частію основательно высказываемыя слова Богородскаго; живая и практическимъ смысломъ пора- жавшая рѣчь Цыха, и опять не рѣдко всѣхъ оставлялъ на-зади всегда занимательный, хотя и не всегда самостоятель-

ный Максимовичъ. Кременецкіе профессора большею частію только отвѣчали на вопросы; болѣе наблюдали, чѣмъ говорили, не исключая и плодовитаго Абламовича, который потомъ на улицѣ вымѣщаль на встрѣчномъ и поперечномъ долго сдерживаемую говорливость...

Вечера фонъ-Брадке были мѣстомъ, на которомъ завязывался узелъ между ученымъ сословіемъ и лучшими домами Кіева, куда переходили отъ Брадке всѣ профессора. Изъ этихъ домовъ чаще всего и болѣе всего появлялись русскіе профессора у Трощинскаго, у Лошкарева и у Голубцева, — польскіе въ домахъ графа Илинскаго и вообще у сосѣднихъ зажиточныхъ помѣщиковъ, которыхъ тогда жило въ Кіевѣ несравненно болѣе, чѣмъ теперь. М-ше Л. особенное вниманіе обращала на ректоровъ университета: Максимовичъ, Цыхъ и Неволинъ, одинъ за другимъ, были корнѣями въ ея салонѣ; каждый оставилъ своего рода впечатлѣніе. У Голубцева чаще другихъ являлись Домбровскій и юристы. Въ салонахъ помѣщиковъ особенно отличался Корженевскій, впрочемъ болѣе какъ литераторъ, чѣмъ ученый. Вообще въ высшихъ слояхъ кіевского свѣта на профессоровъ была мода: принимать и честить ихъ почитали такою же важною, хотя не всегда легкою, обязанностию, какъ имѣть чистый французскій выговоръ или дѣлать визиты. Не многіе, впрочемъ, профессора были въ свѣтѣ также на своемъ мѣстѣ, какъ на университетской кафедрѣ. Большая часть ихъ, люди весьма почтенные въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, иногда поражали кіевскій *beau monde*, являясь на вечера въ допотопномъ, впрочемъ не рѣдко изъ Берлина вывезенномъ костюмѣ, и занимая дамъ разговорами о томъ, кто выше въ наукѣ Савиньи или Гансъ.

Въ среднихъ кругахъ кіевского общества появлялись также многіе профессора. Грѣхъ пожаловаться: уваженіемъ они пользовались всеобщимъ. Даже собратья по наукѣ, профессора духовной академіи, уступали имъ вездѣ первенство и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ. Союзъ обоихъ сословій скрѣплялъ ректоръ академіи Иннокентій, почетный членъ университета. На Подолѣ, въ семействахъ чиновниковъ и гражданъ, профессоръ былъ почетнымъ гостемъ.

Еще одна замѣчательная черта жизни тогдашнихъ профессоровъ: театръ, единственное эстетическое развлеченіе въ Кіевѣ, находилъ въ нихъ усердныхъ посѣтителей. Когда въ 1837 году пріѣзжалъ въ Кіевъ Мочаловъ, всѣ почти профессоры постоянно являлись на всѣ представленія. Лѣтомъ дачная жизнь не была еще такъ развита между ними, какъ впоследствии.

Вотъ все, что мы могли собрать о житьѣ-бытьѣ ученаго сословія.

ГЛАВА III.

БЫТЬ СТУДЕНТОВЪ.

(1834—1839.)

Въ началѣ 1834 года совѣтъ университета обнародоваль во всеобщее свѣдѣніе правила для желающихъ поступить въ число слушателей вновь открываемаго университета, назначивъ время приѣма отъ 1-го іюля до 15-го августа.

Предъ торжествомъ открытія университета, т. е., до 15-го іюля поданы были прошенія тремя воспитанниками кіевской гимназіи, которые и были зачислены въ число студентовъ безъ испытанія, потому что окончательное испытаніе ихъ въ гимназіи происходило въ присутствіи и при содѣйствіи самихъ профессоровъ. Эти три первые студента университета св. Владиміра были: Валеріанъ Гиршъ, Владиміръ Превлоцкій и Авксентій Потаповичъ*). Первый изъ нихъ поступилъ

---

*) *Гирш* (римско-католическаго исповѣданія) и Потаповичъ (православнаго) изъ дворянъ кіевской, а Превлоцкій изъ дворянъ подольской губерніи (вѣроисповѣданія православнаго). Портреты ихъ хранятся въ живописномъ кабинетѣ университета. Гиршъ по выпускѣ былъ опредѣленъ учителемъ греческаго языка во вторую кіевскую гимназію, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Потаповичъ сначала былъ учителемъ исторіи во второй кіевской гимназіи, потомъ перешелъ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ и нынѣ состоитъ предсѣдателемъ витебской палаты государственныхъ имуществъ, въ чинѣ статскаго совѣтника.

въ первое отдѣленіе философскаго факультета, а два послѣдніе въ юридическій факультетъ *).

24-го іюля открытъ былъ испытательный комитетъ подъ предѣдательствомъ ректора, составленный изъ профессоровъ богословія и ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ университета. Испытанія продолжались до 21-го сентября, хотя лекціи въ университетѣ открыты были 28-го августа. Всѣхъ подвергавшихся испытанію въ комитетѣ было семьдесятъ пять человѣкъ, изъ нихъ принято пятьдесятъ девять; такъ, что первоначальное количество слушателей университета, вмѣстѣ съ принятыми безъ испытанія, состояло изъ шестидесяти двухъ человѣкъ. Хотя по 44 §. проекта устава университета приѣмъ студентовъ назначался два раза въ годъ, но совѣтъ университета, встрѣтивъ къ этому различныя препятствія, просилъ у высшаго начальства и получилъ разрѣшеніе принимать студентовъ одинъ разъ въ году, предъ началомъ академическаго года.

Движеніе въ числѣ поступающихъ въ университетъ и выбывающихъ изъ него и въ общемъ числѣ слушателей его съ 183⁴/₅ по 183⁹/₄₀ годъ, или точнѣе съ сентября 1834 по январь 1840 года, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Число поступившихъ въ августѣ.	Число выбывающихъ въ теченіи года.					Всего.	Число наличныхъ въ концѣ декабря.	
		По собственному желанію.	По поражению начальства.	Умершихъ.	Окончившихъ курсъ.				
1834	62	—	—	—	—	—	62		
1835	70	12	—	—	—	12	120	+ 1,93	
1836	92	7	2	—	—	9	203	+ 0,69	
1837	83	19	4	—	—	23	263	+ 0,31	
1838	92	48	5	4	31	88	267	+ 0,15	
1839	69	40	151	1	19	211	125	— 2,13	

*) Впрочемъ, Потаповичъ чрезъ годъ перешелъ въ первое отдѣленіе философскаго факультета.

Разсматривая эту таблицу мы видимъ, что университетъ, относительно числа своихъ слушателей, имѣлъ въ первые годы своей жизни возможность къ постоянному возрастанію: число поступающихъ и общее число студентовъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Но въ тоже время естественный ходъ сего приращенія останавливается числомъ студентовъ выбывающихъ изъ университета до окончанія курса, которое замѣтно увеличивается съ 1837 года. Время этого увеличенія числа выбывающихъ совпадаетъ съ открытіемъ въ университетѣ первыхъ чуждыхъ наукъ стремленій. Въ половинѣ 1837 года были удалены изъ университета и строго наказаны три студента, Ю. Буальскій, П. Богдановичъ и С. Рутковскій, за распространеніе между товарищами нѣкоторыхъ стихотвореній. Вслѣдъ за ними, въ мартѣ 1838 года, былъ исключенъ изъ университета за самовольную отлучку студентъ четвертаго курса, втораго отдѣленія философскаго факультета, Владиславъ Гордонъ. Это были первые признаки и предвѣстія тѣхъ печальныхъ событій, которыя повлекли за собою закрытіе университета въ январѣ 1839 года и удаленіе изъ него почти всѣхъ слушателей: изъ двухъ сотъ шестидесяти семи человѣкъ, бывшихъ въ концѣ 1838 года, онъ лишился двѣсти одиннадцать, въ числѣ которыхъ только девятнадцать было окончившихъ курсъ.

Ключъ къ объясненію возможности этихъ событій въ молодомъ университетѣ дастъ намъ между прочимъ цифра студентскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ и мѣсту первоначальнаго воспитанія.

По вѣроисповѣданіямъ.	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Греко-россійскаго	28	48	82	90	93	85
Римско-католическаго	30	61	104	164	164	35
Греко-уніатскаго	4	7	10	3	3	—
Армяно-католическаго	—	1	1	1	1	2
Протестантскаго	—	3	5	4	5	1
Еврейскаго	—	—	1	—	—	1
Магометанскаго	—	—	—	1	1	1
Итого	62	120	203	263	267	125

Причисляя послѣдователей греко-унитскаго и армяно-католическаго исповѣданія, вслѣдствіе направленія господствовавшаго въ этихъ церквахъ въ Россіи въ тридцатыхъ годахъ, къ католикамъ, видимъ съ 1835 года усиленіе католическаго элемента въ университетѣ.

Но не одно вѣроисповѣданіе даетъ извѣстное направленіе молодымъ людямъ: воспоминація дѣтства и характеръ первоначальнаго воспитанія имѣютъ также важное вліяніе на выработку этого направленія. Въ разсматриваемый нами періодъ времени это послѣднее обстоятельство имѣло особенную силу: все образованіе нѣсколькихъ поколѣній на западъ отъ Днѣпра, не задолго предъ открытіемъ университета, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ католическихъ монастырей и польской народности. Отношеніе между числомъ воспитанниковъ западно-русскихъ и восточно-русскихъ училищъ въ университетѣ было, какъ видно изъ прилагаемой таблицы, слѣдующее:

Годы.	Въ восточныхъ училищахъ.	Въ западныхъ училищахъ.	Отношеніе.
1834	21	41	1 : 2
1835	33	87	1 : 2 $\frac{3}{4}$
1836	46	157	1 : 3 $\frac{1}{2}$
1837	60	203	1 : 3 $\frac{1}{2}$
1838	60	207	1 : 3 $\frac{1}{2}$
1839	85	40	2 $\frac{1}{2}$: 1

Число это расиребляется слѣдующимъ образомъ, по разнымъ родамъ учебныхъ заведеній:

Годы.	Въ университетахъ.	Въ академіяхъ.	Въ лицейхъ.	Въ гимназіяхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	Въ семинаріяхъ.	Въ частныхъ пансіонахъ.	Въ домахъ родителей.	Въ училищахъ правовѣдовъ.
1834	2	—	6	47	3	2	2	—
1835	5	1	5	94	3	6	6	—
1836	5	1	9	160	9	10	9	—
1837	4	1	11	211	4	5	27	—
1838	4	1	13	210	6	5	27	1
1839	4	1	1	103	13	—	2	1

Изъ этого видно, что наибольшимъ числомъ слушателей снабжали университетъ до конца 1839 года среднія учебныя заведенія, подъ которыми впрочемъ нужно разумѣть не однѣ гимназіи, но и уѣздныя и закрытыя монастырскія католическія училища, организованныя по уставу 1803 года почти въ объемѣ нынѣшнихъ гимназій. За средними учебными заведеніями наибольшее число поступало въ университетъ изъ частныхъ пансіоновъ и домашняго воспитанія до 1839 года, когда загражденъ былъ доступъ въ здѣшній университетъ лицамъ, неокончившимъ курсъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. За то въ этомъ году значительно увеличилась цифра воспитанниковъ духовныхъ семинарій.

По происхожденію студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Дворянъ.	Оберъ-офицерскихъ дѣтей.	Духовнаго званія.	Гражданъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Иностранцевъ.	Шляхты.	Козаковъ.
1834	51	6	3	1	—	1	—	—	—
1835	95	8	7	1	4	2	2	1	—
1836	173	6	8	2	4	6	1	2	1
1837	235	—	7	3	6	5	2	1	2
1838	235	—	7	3	8	5	4	1	2
1839	94	—	15	3	5	4	2	1	1

Таблица показываетъ, что все почти населеніе университета состояло изъ дворянъ (потомственныхъ и личныхъ), всѣ прочія состоянія, кромѣ духовнаго, почти незамѣтны въ составѣ студентовъ. Дворяне же въ западныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, принадлежать по преимуществу къ римско-католической церкви и къ польской народности. Среднее отношеніе между студентами изъ податныхъ и студентами изъ не платящихъ податей состояній, равняется за всѣ шесть лѣтъ, 1 : 13 $\frac{1}{3}$; самое неблагопріятное въ первый годъ — 1 : 30, самое благопріятное въ послѣдній — 1 : 7. Слушателей изъ крѣпостнаго состоянія вовсе нѣтъ.

Возрастъ поступавшихъ въ университетъ въ первые годы его существованія, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, былъ благопріятенъ для сознательнаго слушанія университетскихъ чтеній.

Поступили.	Въ 1834.	Въ 1835.	Въ 1836.	Въ 1837.	Въ 1838.	Въ 1839
14-лѣтнихъ	1	—	—	—	—	—
15 —	1	—	1	—	—	—
16 —	3	5	6	—	—	1
17 —	13	10	16	4	1	8
18 —	17	10	23	9	6	5
19 —	9	10	15	31	14	14
20 —	6	14	16	15	27	9
21 —	4	4	6	11	9	3
22 —	4	6	3	4	10	4
23 —	2	1	1	2	6	1
24 —	1	1	2	—	1	—
25 —	—	3	1	—	1	—
26 —	—	2	1	1	1	—
27 —	1	1	1	1	—	—
28 —	—	—	—	—	1	—

Соображая эти данныя, видимъ, что наиболѣе поступало въ университетъ девятнадцати-лѣтнихъ (93), затѣмъ двадцати-лѣтнихъ (87) и восемнадцати-лѣтнихъ (70). Число поступавшихъ въ шестнадцать лѣтъ, полагаемыхъ правилами, (15) почти равнялось числу двадцати-трехлѣтнихъ (13). Слишкомъ молодыхъ, не созрѣвшихъ (отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ) было менѣе (всего три) въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которые при поступленіи въ университетъ находились въ возрастѣ почти возмужаломъ (24—28): ихъ было двадцать одинъ человекъ. Такое отношеніе, благопріятное для сознательнаго слушанія лекцій и самостоятельнаго умственнаго развитія, давало въ тоже время университету много людей съ болѣе или менѣе установившимися мнѣніями и выработаннымъ характеромъ, которыхъ перевоспитать уже было трудно по новой, данной университету нормѣ. Оттого и случилось, что не столько университетъ давалъ въ первые годы направленіе своимъ воспитанникамъ, сколько самъ принималъ направленіе, принесенное въ него большинствомъ слушателей: сдѣлался университетъ мѣстнымъ. Только съ общою переменною старыхъ слушателей на новыхъ онъ принималъ рѣзко новое направленіе.

Движеніе цифры университетскаго населенія по факультетамъ было слѣдующее :

		1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Первое отдѣленіе философскаго факультета.	Воспитанниковъ западныхъ русскихъ училищъ	6	16	26	40	46	8
	Воспитанниковъ восточныхъ русскихъ училищъ	7	9	10	10	9	15
		13	25	36	50	55	23
Второе отдѣленіе философскаго факультета.	Воспитанниковъ западныхъ русскихъ училищъ	12	26	42	58	62	12
	Воспитанниковъ восточныхъ русскихъ училищъ	2	2	10	9	5	17
		14	28	52	67	67	29
Юридическій факультетъ.	Воспитанниковъ западныхъ русскихъ училищъ	23	45	89	105	99	25
	Воспитанниковъ восточныхъ русскихъ училищъ	12	22	26	40	46	48
		35	67	115	145	145	73

Сличая данныя этой таблицы, получаемъ слѣдующіе результаты:

1) На всѣхъ факультетахъ возрастаетъ число слушателей и достигаетъ высшей цифры въ 1837 году, затѣмъ втеченіе 1838 года стоитъ на той же степени, и наконецъ сильно падаетъ въ 1839 году, вмѣстѣ съ общимъ числомъ слушателей.

2) Самое меньшее число слушателей идетъ въ первое отдѣленіе философскаго факультета, немного болѣе во второе отдѣленіе сего факультета, но самое большее въ факультетъ юридическій, который сначала образуетъ половину, а потомъ почти двѣ-трети всего числа слушателей.

3) Такой перевѣсъ слушателей на юридическомъ факультетѣ объясняется, во-первыхъ, практическою пользою предметовъ входящихъ въ составъ его, которую имѣли въ виду слушатели, во-вторыхъ тѣмъ, что онъ приведенъ былъ въ тѣсную связь съ главными предметами перваго отдѣленія философскаго факультета и слѣдовательно юристы сверхъ

спеціальнихъ предметовъ могли удобно знакомиться съ самыми интересными предметами другаго факультета, а именно: философією, исторією и словесностію; въ-третьихъ молодежи манила отчасти на этотъ факультетъ слава профессоровъ, только что возвратившихся изъ-за границы. Что касается до перевѣса слушателей на второмъ отдѣленіи философскаго факультета, сравнительно съ первымъ отдѣленіемъ того же факультета, то для объясненія причины его, нужно прежде всего рассмотретьъ отношеніе между воспитанниками западныхъ и восточныхъ училищъ во второмъ отдѣленіи философскаго факультета; ни на одномъ мы не встрѣчаемъ такого неравновѣсія между этими двумя числами: тогда какъ въ первомъ отдѣленіи, въ среднемъ выводѣ за пять лѣтъ до 1839 года, число воспитанниковъ западныхъ училищъ относится къ числу воспитанниковъ восточныхъ какъ 3 : 1; въ юридическомъ какъ $2\frac{2}{3}$: 1; во второмъ отдѣленіи философскаго — равновѣсіе нарушается сильно и цифра показываетъ отношеніе какъ 8 : 1, т. е., на восемь слушателей съ преобладаніемъ польскаго элемента, приходится одного, воспитаннаго въ русскомъ направленіи. Получивъ этотъ результатъ, припомнимъ, что на первомъ отдѣленіи философскаго и на юридическомъ факультетѣ число преподавателей стараго кременецкаго лица уравновѣшивалось новыми людьми, получившими образованіе въ русскихъ университетахъ, тогда какъ на второмъ отдѣленіи философскаго факультета всѣ преподаватели были изъ стараго лица, пользовавшіеся или славою или предпочтеніемъ у большинства мѣстныхъ жителей.

4) Случая распредѣленіе слушателей по факультетамъ съ происхожденіемъ ихъ, можемъ замѣтить, что лица изъ духовнаго званія и изъ податныхъ состояній распредѣляются почти поровну между первымъ отдѣленіемъ философскимъ и юридическимъ факультетами. Во второмъ отдѣленіи философскаго факультета встрѣчается втеченіе пяти лѣтъ только два лица изъ не дворянъ: сынъ греко-унитскаго священника и шляхтичъ (однодворецъ). Выводъ вполне согласный съ преобладаніемъ на факультетѣ мѣстнаго, господствующаго элемента.

Наконецъ распределеіе студентовъ по способамъ содер-
жанія, можно отчасти видѣть изъ слѣдующихъ чиселъ:

	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Казеннокоштныхъ	12	24	36	47	49	29
Пансіонеровъ	3	8	14	7	7	—
Своєкоштныхъ	47	88	153	209	211	96
Въ числѣ своєкоштныхъ, число живущихъ на общей квартирѣ недостаточныхъ съ 1838 года	—	—	—	—	въ томъ числѣ 38	19

По факультетамъ казеннокоштные распределены были
слѣдующимъ образомъ:

	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Въ первомъ отдѣленіи фило- софскаго факультета	3	8	12	20	20	11
Во второмъ отдѣленіи философ- скаго факультета	2	4	6	7	8	6
Въ юридическомъ факультетѣ.	7	12	18	20	21	11

Изъ сопоставленія этихъ двухъ таблицъ открывается:

1) Что подъ ближайшимъ надзоромъ университетскаго
начальства было въ 1834, 1835 и 1836 годахъ одна треть
студентовъ, въ 1837 только одна четверть; въ 1838 году,
съ учрежденіемъ общей квартиры для бѣдныхъ и неблаго-
надежныхъ, подъ ближайшій присмотръ поступила опять одна
треть студентовъ.

По факультетамъ, общая цифра казеннокоштныхъ и въ
общей квартирѣ живущихъ, распределяется такъ: въ пер-
вомъ отдѣленіи философскаго факультета она занимаетъ од-
ну-третью часть, на второмъ отдѣленіи философскаго фа-
культета одну-пятую часть, а на юридическомъ факультетѣ
половину всей цифры казеннокоштныхъ.

3) Этимъ отношеніемъ можно отчасти опредѣлить сте-
пень матеріальныхъ средствъ студентовъ каждаго факуль-
тета. Въ юридическій факультетъ и въ первое отдѣленіе фи-
лософскаго факультета шли болѣе люди бѣдные, имѣвшіе въ

виду гражданскую и педагогическую службу; во второмъ отдѣленіи философскаго факультета болѣе было людей съ достаточными средствами. Пансіонеръ рѣдко попадался между словесниками: всего одинъ или два въ пять лѣтъ.

Къ весьма любопытнымъ соображеніямъ могло бы привести наблюденіе надъ данными, опредѣляющими успѣхи студентовъ въ наукахъ и мнѣніе начальства объ ихъ нравственности. Но къ сожалѣнію, такъ называемыя, «вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ» составлялись такъ, что на данныя, въ нихъ заключающіяся, положиться вовсе не возможно, ибо онѣ нерѣдко противорѣчатъ самымъ очевиднымъ образомъ дѣйствительности. Такъ напримѣръ, относительно успѣховъ студентовъ въ извѣстной отрасли наукъ, встрѣчается сплошь да рядомъ, что студентъ, получившій на испытаніи полный шаръ во французскомъ языкѣ и богословіи, ставится въ число отличныхъ математиковъ или юристовъ и т. п. Цифра, выражающая поведеніе студентовъ, ставится не менѣе произвольно. Приготовляя свѣдѣнія къ отчету по истеченіи гражданского года, отмѣчено напримѣръ, въ 1838 году число неблагонадежныхъ цифрою двадцать одинъ, очевидно указывающею на двадцать одного студента, которые присуждены были учрежденною тогда слѣдственной комиссіею къ разнымъ наказаніямъ *).

Оставляя поэтому данныя, которыя не могутъ дать правильныхъ результатовъ, обратимся къ изложенію такъ называемыхъ распоряженій, которыя принимало начальство къ улучшенію состоянія учащихся въ университетѣ.

Нравственный надзоръ за всѣми студентами поручался инспектору студентовъ, его помощникамъ и состоявшимъ при нихъ педелямъ. Число помощниковъ инспектора и педелей увеличивалось съ увеличеніемъ числа студентовъ: въ 1834 и 1835 годахъ помощниковъ инспектора было по два, педель при инспекторѣ одинъ; въ 1836 году помощниковъ инспектора было три и педелей два; въ 1837 году помощниковъ инспектора было четыре и педелей шесть; въ 1838

---

*) Въ вѣдомостяхъ за предъидущіе годы четверо изъ этихъ студентовъ постоянно показываються въ числѣ отличныхъ по поведенію.

году помощниковъ инспектора было пять и педелей семь; въ 1839 году, съ уменьшеніемъ количества студентовъ, оставлено два помощника инспектора и четыре педеля. Одинъ изъ помощниковъ постоянно завѣдывалъ институтомъ казеннокоштныхъ студентовъ, и съ ноября 1837 года одинъ надзиралъ за квартирою недостаточныхъ студентовъ.

Первый инспекторъ студентовъ, отставной полковникъ изъ лифляндскихъ дворянъ Ѳедоръ Ивановичъ *Люце*, занималъ должность три академическіе семестра *) и былъ человѣкъ энергическій, на что намекаютъ ходившіе въ то время между студентами стихи:

«Гнѣвъ, богиня, воспой Ѳедора Люце Иванова сына.

Грозный, который. . . . .

Многія души могучія славныхъ студентовъ низринуть

Въ сумрачный карцеръ. . . . .»

Первые помощники его, изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ: титулярный совѣтникъ *Вощининъ* прешель не замѣченнымъ, а титулярный совѣтникъ *Любимовъ* оставилъ по себѣ такую же память между студентами, какую оставилъ въ гимназистахъ въ двадцати двухлѣтнюю службу свою инспекторомъ и директоромъ первой кievской гимназіи.

Мѣсто Люце въ 1836 году занялъ отставной подполковникъ Михаилъ Андреевичъ *Линденъ*, изъ воспитанниковъ морскаго кадетскаго корпуса, и занималъ его съ небольшимъ годъ. Въ 1837 году онъ былъ замѣщенъ отставнымъ полковникомъ *Гинглиномъ*, дряхлымъ, почти семидесяти-лѣтнимъ старикомъ, который управлялъ студентами до марта 1839 года,

Помощники инспектора студентовъ также часто смѣнялись одинъ другимъ, какъ и самые инспекторы. По увольненіи Любимова и Вощинина, должности эти до 1840 года занимали: 1) отставной инженеръ-поручикъ баронъ *фонъ-Руттенбергъ*, котораго студенты любили за благородное съ ними обращеніе; 2) подполковникъ баронъ *фонъ-дербъ-Паленъ*, бывшій на мѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ; 3) отставной поручикъ *Гудима*, пережившій закрытіе университета, извѣстный строгою точностію въ исполненіи своихъ обязанностей; 4) ком-

*) Съ половины 1834 до начала 1836 года.

натный надзиратель кievской гимназіи *Бонджевичъ*, также ревностный исполнитель возлагаемыхъ на него порученій; 5) титулярный совѣтникъ *Соханскій*, который занималъ эту должность очень не долго и прошелъ вовсе не замѣченнымъ; 6) бывшийъ экзекуторъ университета, отставной маіоръ Сила *Шихкинъ*, любимый студентами; 7) отставной маіоръ *Ивановъ*, кроткій, но мало-подвижный человекъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оставившій свою должность и наконецъ 8) отставной маіоръ *Масловскій*, умѣвшій угодить и студентамъ и начальству. Таковы были лица, которымъ порученъ былъ непосредственный надзоръ за нравственностію студентовъ и отчасти попеченіе объ улучшеніи ихъ физическаго состоянія. Много ли вліянія могли имѣть они на студентовъ, поступавшихъ, какъ мы видѣли, въ университетъ съ довольно установленнымъ характеромъ и извѣстнаго рода убѣжденіями, — можно судить уже изъ того, что рѣдкій изъ нихъ болѣе двухъ лѣтъ занималъ свою должность.

Начальство университета постоянно принимало мѣры къ улучшенію «физическаго состоянія студентовъ.» Подъ этою рубрикою въ годовыхъ отчетахъ обыкновенно разумѣются распоряженія къ обезпеченію средствъ къ жизни для бѣдныхъ студентовъ. Въ числѣ этихъ мѣръ, кромѣ пріема на казенное содержаніе, которымъ могли воспользоваться относительно немногіе, особенно замѣчательны: 1) пріскиваніе, такъ называемыхъ, кондицій или ренетиторскихъ мѣстъ бѣднѣйшимъ и способнѣйшимъ. 2) Заведеніе казенной квартиры (съ поября 1837 года), въ которой немущіе студенты могли получать помѣщеніе, столъ и мытье бѣлья за пятнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Впрочемъ эта квартира имѣла другое назначеніе, какъ увидимъ ниже и шли въ нее студенты не охотно. Наконецъ 3), такъ какъ многіе студенты не въ состояніи были платить и этой умѣренной суммы ¹⁾, то преподаватели и чиновники университета изъявили согласіе вносить ежегодно, во все продолженіе своей службы при

---

¹⁾ Къ этому періоду относится преданіе о студентѣ, который буквально не имѣлъ квартиры. Онъ велъ номадную жизнь, кочуя по квартирамъ товарищей и питаясь у нихъ. Постоянною же квартирою его, въ случаѣ необходимости, была бесѣдка въ дворцовомъ (общественномъ) саду.

университетѣ св. Владиміра, извѣстную сумму, смотря по состоянію каждаго; на счетъ этой суммы безплатно содержались на казенной квартирѣ отъ четырехъ до шести чело-
вѣкъ

Изъ университетскихъ отчетовъ и изъ преданій, сохранившихся между старыми воспитанниками университета, не замѣтно въ первые два года его существованія никакихъ особенныхъ мѣръ строгости по отношенію къ *видимому* надзору за студентами. Это отчасти объясняется тѣмъ, что начальство округа и университета, желая привлечь въ университетъ дѣтей высшаго дворянства, имѣвшаго вліяніе на общественное мнѣніе въ краѣ, принаровлялось въ извѣстной степени къ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ, на счетъ которыхъ большею частію содержался университетъ, и потому дѣлало нѣкоторыя уступки и послабленія. Впрочемъ, отсутствіе всякихъ стѣснительныхъ мѣръ могло бы чрезвычайно благотворно дѣйствовать на самостоятельное развитіе молодыхъ людей, на выработку въ нихъ благородныхъ стремленій, если бы благоразумными уступками начальства не воспользовались для своихъ цѣлей недруги современнаго порядка вещей, чтобы сдѣлать университетъ орудіемъ къ мечтательному возрожденію полонизма. Съ 1837 года, со времени исключенія изъ университета студентовъ Буяльскаго, Богдановича, Рутковскаго и Гордона, начинается реакція со стороны университетскаго начальства тому, чуждому наукѣ направленію, которое тайкомъ стремится проникнуть въ университетъ отъ инуду. Къ этому времени относятся всѣ строгія мѣры къ усиленію надзора за студентами. Для этой цѣли:

1) Увеличено число помощниковъ инспектора студентовъ и, сверхъ того, въ помощь имъ назначены педели.

2) Обращено особенное вниманіе, чтобы своекоштные студенты университета имѣли свои квартиры у людей извѣстныхъ начальству, и чтобы они убѣгали всѣхъ связей и знакомствъ съ людьми подозрительными и неблагонадежными. Съ этою цѣлью въ обязанность инспектора студентовъ, его помощниковъ и педелей вмѣнено было посѣщать часто и внезапно частныя квартиры студентовъ.

3) Чтобы доставить болѣе средствъ для надзора за тѣми изъ студентовъ, которые по прежнимъ наблюденіямъ оказывались не вполне благонадежными, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить бѣднымъ студентамъ средства къ содержанию, нанятъ былъ особый домъ для помѣщенія студентовъ неимущихъ и не вполне заслуживающихъ довѣрія. На наемъ и содержаніе этого дома, изъ общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній, опредѣлено по шести тысячъ рублей въ годъ. Затѣмъ принято правиломъ, студентовъ, имѣющихъ неприличные квартиры, или неблагонадежныхъ, которые отказывались отъ принятія казенной квартиры, увольнять вовсе изъ университета.

4) Обращено самое строгое вниманіе на то, чтобы студенты, во-первыхъ, неупустительно посѣщали лекціи, какъ по главнымъ, такъ и по вспомогательнымъ наукамъ своихъ факультетовъ, и во-вторыхъ постоянно присутствовали при отправленіи богослуженія въ праздничные и воскресные дни въ церквахъ, назначенныхъ для того университетскимъ начальствомъ. За каждыя десять лекцій и за каждыя двѣ литургіи, пропущенныя безъ достаточной причины, студентъ подвергался въ первый разъ выговору, потомъ заключенію въ карцеръ, и, наконецъ, увольненію изъ университета. Принято было вообще за правило, студентовъ, подвергшихся четыре раза заключенію въ карцеръ, за какую бы то ни было вину, исключать вовсе изъ университета съ оглашеніемъ по всеѣмъ русскимъ университетамъ. При приведеніи этихъ мѣръ въ исполненіе встрѣчались иногда большія неудобства и затрудненія. Тѣмъ не менѣе начальство, повидимому, достигло своей цѣли: аудиторіи университета были наполнены слушателями, изъ которыхъ многіе не столько слѣдили за лекціею профессора, сколько за карандашемъ дежурнаго помощника инспектора, отмѣчавшаго тутъ же, во время лекцій, отсутствующихъ студентовъ. Исполнялась и другая мѣра: сначала церковь святаго Андрея Первозваннаго, а потомъ университетская, въ зданіи первой гимназій, а равно и католическая университетская каплица были посѣщаемы студентами, облеченными въ полную мундирную форму. Правда, что студентамъ, по разбросанному

мѣстоположенію Кіева, приходилось иногда тащиться по грязи или въ морозъ въ отдаленную церковь, вмѣсто того, чтобы помолиться въ одной изъ ближайшихъ церквей, что нѣсколько охлаждало теплоту ихъ молитвы. Находились также и такіе господа, которые въ простотѣ душевной заключали, что студентъ, желавшій освободиться отъ путешествія въ снѣгъ и грязь на Печерскъ, придумывалъ, дабы спастись отъ грозящаго ему за манкировку наказанія, разныя небывалыя, законныя оправданія и слѣдовательно приучался ко лжи во имя религіи и нравственности. Тѣмъ не менѣе всѣ означенныя мѣры были строго наблюдаемы и, при всемъ томъ, увы! оставались беспильными противъ того зла, на которое были направлены. Въ концѣ 1838 года открыто было между студентами тайное общество, котораго творцы и руководители не принадлежали къ университетскому сословию. Но объ этомъ послѣ.

Обратимся къ изображенію умственной жизни между студентами.

Университетъ св. Владиміра въ первые годы своего существованія, по устройству учебной части, отзывался нѣсколько гимназією: тоже обязательное слушаніе лекцій подъ опасеніемъ карцера, тѣ же шесть часовъ классныхъ занятій въ день, — тоже частое спрашиваніе уроковъ подъ именемъ ренетиции, тѣ же переводныя испытанія (съ прибавкою семестральныхъ для казеннокоштныхъ студентовъ), тѣ же окончательныя испытанія по всѣмъ предметамъ четырехлѣтняго факультетскаго курса, — какъ и въ гимназіяхъ. Различіе было въ томъ, что ученики гимназій изучали почти всѣ предметы по печатнымъ готовымъ руководствамъ, а студентамъ университета предстоялъ двойной трудъ: они должны были сначала переписать тетради профессора или сами составить, со словъ его записки, объемъ которыхъ по каждому предмету былъ не менѣе пятидесяти, а по нѣкоторымъ доходилъ до 250 листовъ въ годъ, и потомъ уже по этимъ запискамъ готовиться къ ренетиціямъ и экзаменамъ. Если прибавимъ къ этому, что число обязательныхъ лекцій для каждаго почти студента простиралось отъ тридцати до сорока часовъ въ недѣлю, тогда понятно для насъ будетъ какъ мало времени

оставляла подобная организація учебной части для самостоятельных занятій студентов (1).

Даже отличному студенту предстояло выбирать одно из двух: или быть прилежнѣйшимъ и аккуратнымъ студентомъ и не пойти далѣе тетрадей профессора, или навлекать на себя иногда выговоры начальства, если опустить нѣсколько лекцій для того, чтобы прочесть двѣ-три книги и самостоятельно заняться болѣе специальнымъ изученіемъ одного или нѣсколькихъ, болѣе между собою сходныхъ, предметовъ. Часто студенту представлялась такая дилемма: терять время на лекціи, слушая что «слава Расина не умретъ до-тѣхъ-поръ, пока люди будутъ пить кофе,» или терять время въ карцерѣ, если пропустить нѣсколько подобныхъ лекцій.

Такое устройство университетскихъ курсовъ было отчасти перенесено въ новый университетъ вмѣстѣ съ многими другими преданіями стараго кременецкаго лицея, отчасти было вызвано потребностями самого времени. И дѣйствительно, въ эпоху основанія университета, потребность основательнаго образованія, даже сравнительно съ теперешнею,

*) Таблица о числѣ лекцій съ 183¹/₂ по 183³/₄ годъ.

Годи.	Первое отдѣленіе философскаго факультета.				Второе отдѣленіе философскаго факультета.				Юридическій факультетъ.													
	Главные предметы.				Главные предметы.				Вспомогательные предметы.				Главные предметы.				Вспомогательные предметы.					
	Курсъ.				Курсъ.				Курсъ.				Курсъ.				Курсъ.					
	1.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.		
183 ¹ / ₂	26	—	—	—	31	—	—	—	14	—	—	—	9	—	—	—	22	—	—	—		
									Итого	45							Итого	31				
183 ² / ₂	31 ¹ / ₂	28 ¹ / ₂	—	—	29	25	—	—	13 ¹ / ₂	13 ¹ / ₂	—	—	15	27	—	—	20 ¹ / ₂	17 ¹ / ₂	—	—		
									Итого	42 ¹ / ₂	38 ¹ / ₂						Итого	35 ¹ / ₂	34 ¹ / ₂			
183 ³ / ₂	33	32	32	—	22	23	21	—	9	8	9	—	15	15	16 ¹ / ₂	—	19	12	4	—		
									Итого	31	31	30					Итого	44	27	20 ¹ / ₂		
183 ³ / ₄	29	31 ¹ / ₂	32 ¹ / ₂	22 ¹ / ₂	25	22	24	16	9	7	4	1	15	16	15 ¹ / ₂	15 ¹ / ₂	18 ¹ / ₂	11	13	8 ¹ / ₂		
									Итого	34	29	28	17					Итого	33 ¹ / ₂	27	28 ¹ / ₂	24
183 ³ / ₄	29	31	37	19 ¹ / ₂	23	26	21	9	9	6	3	—	17	22	16 ¹ / ₂	12	13	12	10	6		
									Итого	32	32	24	9					Итого	30	34	26 ¹ / ₂	18

была очень слабо развита въ большинствѣ общества, особенно на восточной сторонѣ Днѣпра. Если и теперь вольное слушаніе имѣетъ свои невыгодныя стороны, и по необходимости должно быть ограничиваемо въ дѣйствительности, то очень естественнымъ дѣлается опасеніе основателей университета, боявшихся вполне положиться на одну добрую волю слушателей. Надо при этомъ взять во вниманіе и то, что правительство, затрудняясь въ снабженіи университетовъ, по новому уставу, большимъ количествомъ профессоровъ, не могло замѣстить всѣ кафедры вполне даровитыми преподавателями; а между тѣмъ вслѣдствіе этого обстоятельства, при вольномъ слушаніи, аудиторіи нѣкоторыхъ профессоровъ могли бы вовсе опустѣть. При всемъ томъ мѣры, принятыя университетскимъ начальствомъ съ цѣлью отвлечь студентовъ школьною аккуратностію отъ научныхъ стремленій, были, можетъ быть, черезъ-чуръ уже стѣснительны, и, не достигая той цѣли, къ которой были направлены, все таки вредили развитію умственной самостоятельности въ студентахъ. Болѣе точное распредѣленіе факультетскихъ предметовъ на главные и не главные, а также уменьшеніе урочныхъ школьныхъ обязанностей и стѣснительныхъ наказаній, по крайней мѣрѣ въ высшихъ курсахъ, когда молодой человекъ сдружится съ наукою, нисколько не могли распусить студентовъ и отвлечь ихъ отъ прямыхъ обязанностей. Если судить по воспоминаніямъ старыхъ студентовъ того времени, людей вполне серьезныхъ и достойныхъ уваженія, изъ которыхъ нѣкоторые потомъ сами посвятили себя трудной педагогической службѣ, — то гораздо сильнѣе проявлялась умственная дѣятельность въ университетѣ до 1838 года, чѣмъ долгое время послѣ 1838 года.

Но тотъ же 1837 годъ, въ который приняты были первыя строгія, дисциплинарныя мѣры въ университетѣ, ознаменованъ и нѣкоторыми распоряженіями, которыя могли служить къ улучшенію научной дѣятельности студентовъ. Таковы: 1) усиленіе строгости пріемныхъ испытаній и допущеніе къ испытанію для поступленія въ университетъ только лицъ, окончившихъ полный спететаматическій курсъ ученія

въ гимназіяхъ; 2) увеличеніе бібліотеки казеннокоштныхъ студентовъ; 3) облегченіе доступа студентамъ къ пользова- нію книгами общей университетской бібліотеки посредствомъ сокращенія формальностей, прежде наблюдавшихся при получении книгъ. Студентъ, желавшій получить изъ бібліотеки сочиненіе, долженъ былъ представить ручательство профессора, жалованьемъ котораго обезпечивалась цѣнность книги. Само собою разумѣется, случалось, что профессоръ, имѣвшій менѣе средствъ взыскать съ студента потерявшаго книгу, чѣмъ начальство университета, и меньше денегъ, чѣмъ правительство, отказывалъ иногда въ ручательствѣ студенту и тогда книга не была выдаваема. 4) Весьма важною мѣрою для поощренія студентовъ почиталось всемилостивѣйшее дарованное государемъ императоромъ министру народнаго просвѣщенія позволеніе представлять его императорскому ввѣличеству объ отличѣйшихъ изъ своекоштныхъ студентовъ университета, при выбытіи ихъ изъ университета, чтобы, при опредѣленіи ихъ въ службу, по желанію родителей, могло быть оказываемо нѣкоторое снисхожденіе къ семейственному ихъ положенію и къ дальнѣйшему ихъ назначенію на поприще государственной службы. 5) Наконецъ, для поощренія слушателей университета, на основаніи 52 § проекта устава университета св. Владиміра, съ утвержденія совѣта, начинающаго съ 1836 года, предлагаемы были факультетами темы съ назначеніемъ за удовлетворительное рѣшеніе каждой изъ нихъ медалей, одной золотой и одной серебряной.

Принимая въ соображеніе малое число лѣтъ, прожитыхъ университетомъ, нельзя не видѣть довольно сильнаго проявленія умственной дѣятельности между студентами молодаго университета, не взирая даже на нѣсколько школьное устройство его.

Изъ результатовъ переводныхъ испытаній видно постоянное возрастаніе числа добросовѣстно занимавшихся студентовъ.

Въ 18³⁵/₃₆ году въ высшіе курсы переведено было сорокъ пять студентовъ, въ томъ числѣ девять съ отличіемъ, осталось въ тѣхъ же курсахъ пять.

Въ 18 ³⁶ / ₃₇ г. переведено 93, съ отличіемъ 23, осталось 20.				
— 18 ³⁷ / ₃₈ — 171, — 51, — 52.				
— 18 ³⁸ / ₃₉ — 184, — 60, — 32.				
— 18 ³⁹ / ₄₀ — 102, — 22, — 8.				

Въ первый выпускъ 18³⁷/₃₈ года университетъ выпустилъ девятнадцать студентовъ со степенью кандидата, въ томъ числѣ: въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета четыре; во второмъ отдѣленіи философскаго факультета два; въ юридическомъ факультетѣ десять; съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ двѣнадцать; въ томъ числѣ: въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета два, во второмъ отдѣленіи философскаго факультета одинъ; въ юридическомъ факультетѣ девять.

Во второй выпускъ, современный закрытію университета, число окончившихъ курсъ въ университетѣ уменьшилось, потому что многіе изъ студентовъ четвертаго курса или исключены были изъ университета, или переведены въ другіе университеты, или поступили, наконецъ, въ гражданскую службу. Выпускъ этотъ состоялъ изъ девятнадцати кандидатовъ (въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета пять, во второмъ отдѣленіи философскаго факультета девять и въ юридическомъ факультетѣ пять) и изъ пяти дѣйствительныхъ студентовъ (въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета одинъ, во второмъ отдѣленіи философскаго факультета одинъ, въ юридическомъ факультетѣ пять).

Изъ воспоминаній старыхъ студентовъ университета можно заключить, что наука довольно сильно интересовала нѣкоторыхъ студентовъ и внѣ школьной скамейки и мимо всѣхъ понудительныхъ мѣръ. Гораздо сильнѣе интересъ къ наукѣ проявлялся въ студентахъ, получившихъ первоначально образованіе въ западно-русскихъ училищахъ, — гораздо слабѣе въ воспитанникахъ, поступившихъ изъ малороссійскихъ училищъ: между первыми было болѣе такихъ, которые учились ради самой науки, а между вторыми болѣе такихъ, которые занимались «степени и службы ради». Особенно мало развиты были ученики черниговской гимназіи. Новгородъ-сѣвѣрскіе ученики шли большею частію въ харьковскій уни-

сверитеть, подъ вліяіемъ своего директора Тимковскаго, бывшаго профессоромъ въ этомъ университетѣ.

Такъ называемыхъ нынѣ, обязательныхъ семестральныхъ сочиненій въ то время не существовало. Задавали студентамъ сочиненія только на первомъ отдѣленіи философскаго факультета, да и то не всё профессора, а исключительно профессора русской словесности, римской словесности и рѣдко профессоръ философіи. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, въ 1835 году, по мысли одного изъ даровитѣйшихъ студентовъ перваго отдѣленія философскаго факультета, нѣсколько студентовъ разныхъ факультетовъ, съ вѣдома начальства, согласились составить что-то въ родѣ *литературныхъ вечеровъ*. Положено было собираться въ опредѣленные сроки къ одному изъ товарищей и читать свои собственные и переводныя сочиненія. Хозяйственную и распорядительную части взяли на себя два черниговца: одинъ изъ нихъ озаботился приготовленіемъ всего нужнаго для угощенія, — другой, открывши въ себѣ особенный даръ организатора, озаботился постройкою мебели, нужной для производства засѣданія, и предложилъ для лучшаго порядка избрать президента. Но когда товарищи, не смотря на великія административныя способности этого господина, выбрали въ свои руководители не его, а того, кто подалъ первую мысль объ литературныхъ занятіяхъ, и кто за свои дарованія пользовался уваженіемъ у всѣхъ студентовъ; — то разгнѣванный претендентъ въ президенты, оставилъ собраніе, разбранивъ членовъ его. Все общество состояло по преимуществу изъ людей, получившихъ свое первоначальное воспитаніе на Западѣ, какъ поляковъ, такъ и природныхъ русскихъ. Впрочемъ эти литературные вечера, на которыхъ прочитано было нѣсколько замѣчательныхъ студентскихъ сочиненій и переводовъ, продолжались не долго. Самъ основатель ихъ и нѣкоторые изъ солидныхъ его товарищей прекратили собранія, когда увидѣли, что другіе участники старались обратить ихъ въ орудіе совершенно постороннихъ для науки цѣлей.

Вообще изъ разсказовъ студентовъ современниковъ видно, что умственная дѣятельность студентовъ отличалась по преимуществу философскимъ и отчасти чисто-литературнымъ

направленіемъ. Это становится понятнымъ, если сообразимъ что въ молодыхъ людяхъ, выносившихъ изъ первоначальнаго воспитанія довольно бѣдный запасъ положительныхъ свѣдѣній, возбуждена была пытливость ума философскими лекціями и вообще университетскимъ преподаваніемъ, которое не только въ словесномъ, но и въ юридическомъ факультетѣ, отличалось философскимъ характеромъ. Профессоры: Новицкій, Неволинъ и Богородскій, которые тогда пользовались особенно славою у студентовъ, были главными двигателями этого направленія. Даже во второмъ отдѣленіи философскаго факультета, въ лекціяхъ профессора Зѣновича по химіи преобладало направленіе болѣе метафизическое, нежели опытное. Любовь къ изящной словесности и упражненія въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ навѣяны были лекціями и критическими разборами профессора Максимовича. Ни одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ не былъ такъ богатъ филологами, какъ первый и второй *); но труженики-филологи работали особнякомъ, не принимая участія въ общей литературной дѣятельности студентовъ. Ихъ можно назвать не произведеніемъ университета, но результатомъ той классической латыни, которая такъ долго господствовала въ западно-русскомъ краѣ. Вообще въ своихъ учено-литературныхъ бесѣдахъ и въ своихъ сочиненіяхъ социальными вопросами студенты не интересовались. Да оно и понятно: социальное направленіе, которымъ сильно стала отзываться въ то время наука и литература западной Европы, въ Россіи извѣстно было только по слуху, да и то въ столицахъ, а въ здѣшнюю глушь вовсе не проникало. Профессоръ исторіи въ университетѣ св. Владиміра *) едва-ли былъ знакомъ съ общественными движеніями Запада. Одинъ профессоръ Богородскій знакомилъ студентовъ съ политико-экономическими вопросами. Лучшія сочиненія, поданныя студентами перваго отдѣленія философскаго факультета въ періодъ времени съ 1834 по 1840 годъ, поименованныя въ официальныхъ отчетахъ, были слѣдующія :

---

*) Страшкевичъ, Левандовскій, Шаверновскій, Петрашкевичъ, Винницкій, Черный.

*) В. Ф. Цыхъ.

1) *Михаила Тулова*: «О познаніи природы» и «О значеніи и достоинствѣ логики».

2) *Кондратія Страшкевича*, de constextu Jliadis et Odysseae.

3) *Валеріана Гирша*: de Romanorum satira.

4) *Николая Шаверновскаго*: de diis graecorum epicis.

5) *Ивана Вернадскаго*, «О полонизмахъ въ русскомъ языкѣ», которое профессоръ Максимовичъ предлагалъ было напечатать и разослать по училищамъ округа. Наконецъ

6) нѣсколько студентовъ подъ руководствомъ профессора Новицкаго перевели сочиненіе «Histoire de la Philosophie allemande depuis Leibnitz jusqu'à Hegel par le baron Barchou de Penhoen,» изъ котораго двѣ статьи напечатаны въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Для соисканія награды медалями въ 18³⁶/₃₇ году подано было три сочиненія *); авторы ихъ, студентъ перваго отдѣленія философскаго факультета Авксентій *Потановичъ* былъ награжденъ золотою медалью, Валеріанъ *Гиршъ* *), Иосифъ *Бржозовскій* **) и баронъ *Шодуаръ* ***) серебряными. Въ 18³⁶/₃₇ году были награждены по первому отдѣленію философскаго факультета Николай *Костыръ* и Акимъ *Терешкевичъ* золотыми; по второму отдѣленію философскаго факультета Леонъ *Подурскій* золотою, — А. *Одидеръ* и Аонасіи *Рого-*

---

*) Темы 183⁶/₂ года: 1) Представить въ нѣсколькихъ очеркахъ картину древней исторіи и изобразить характеръ исторической жизни каждаго народа древняго міра. 2) Сравнить животныхъ съ птицами въ общихъ терминахъ и, показавъ аналогію наружныхъ примѣтъ, инстинкта и нравовъ, вывести аналогію обонхъ классовъ. 3) Изложить сравнительно поводъ, цѣль и образъ составленія Юстиніанова Свода и Свода законовъ россійской имперіи, составленнаго въ царствованіе Николая I.

**) Темы 183⁶/₂ года: 1) Изложить постепенное развитіе русской литературы до XVIII столѣтія съ раздѣленіемъ на періоды, 2) Изложить подробно и вполнѣ все способы опредѣленія температуры. 3) Изложить постепенное разширеніе въ Россіи правъ гражданскихъ, какъ въ союзѣ семейственномъ, такъ и по имуществамъ, съ изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

***) Темы 183⁶/₂ года: 1) De Dorum et jonum ingenio diverso dequeae litterarum quae inde profecta sit apud utramque stirpem discrepantia. 2) Изложить общія основанія теоретической химіи (по взгляду Зѣновича) и 3) Разсмотрѣть критически основанія, приводимыя въ защиту и опроверженіе смертной казни, съ изложеніемъ родовъ оной по литовскому статуту, уложенію и последующимъ узаконеніямъ по настоящее время.

вичь — серебряными, по юридическому факультету баронъ *Шодуаръ* серебряною. Въ 18^{37/38} году получили медали: по первому отдѣленію философскаго факультета *Кондратій Страшквичь* золотую, *Степанъ Черный* — серебряную; по второму отдѣленію философскаго факультета *Аванасій Роговичь* — золотую и *Илья Чайковскій* серебряную; по юридическому факультету *Николай Пиляквичь* золотую и *Иванъ Максимовичь* серебряную. Въ 18^{38/39} году, по случаю прекращенія лекцій въ университетѣ, сочиненій на заданныя темы студентами подано не было.

Житейскій бытъ студентовъ опредѣляется: отношеніями ихъ къ профессорамъ и начальству и, наконецъ, отношеніями къ обществу.

Товарищество и дружба между студентами, сколько можно судить по старымъ рассказамъ и воспоминаніямъ, были тѣснѣе и сильнѣе въ старое время, чѣмъ теперь. Бытъ можетъ потому, что студентовъ было тогда меньше, что студенты тогдашнихъ факультетовъ слушали болѣе общихъ наукъ, чѣмъ теперь. Наконецъ не было тогда этой преобладающей массы медиковъ, составляющихъ теперь въ университетѣ какъ бы отдѣльное сословіе специалистовъ, которые не имѣютъ ничего общаго въ научномъ отношеніи съ студентами другихъ факультетовъ. Особенно рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй тогда почти не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религіи и народности, сколько по мѣсту воспитанія. Если и существовало нѣкотораго рода отчужденіе, то оно проявлялось между студентами праваго и студентами лѣваго берега *Днѣпра*. Первые выражали свою антипатію ко вторымъ въ известнаго рода холодномъ презрѣніи и чувствѣ сдержанной ненависти, а эти, въ свою очередь, платили за то насмѣшками, не рѣдко носившими характеръ малороссійскаго юмора, но не рѣдко грубыми и оскорбительными. Если мѣстные уроженцы и сближались съ своими русскими товарищами въ научномъ отношеніи, то сами по себѣ все-таки составляли отдѣльную замкнутую корпорацію. Нѣкоторые изъ членовъ изъ этой корпораціи отличались духомъ прозелитизма и не рѣдко дѣлали попытки, впрочемъ чрезвычайно осторожныя и почти всегда

безуслѣшныя, обратить къ своимъ интересамъ нѣкоторыхъ товарищей. Студентъ Гордонъ пользовался въ этой корпораціи особымъ значеніемъ: самъ человекъ не безъ способностей и съ сильнымъ характеромъ, онъ былъ плохой студентъ: наука для него была дѣло постороннее. Увлечшись не быточными мечтами или, лучше сказать, самъ сбитый съ пути чуждымъ университету вліяніемъ, онъ увлекъ въ свою очередь много даровитыхъ натуръ, которыя могли бы принести въ будущемъ несомнѣнную пользу наукѣ и обществу. Кромѣ личнаго вліянія на товарищей посредствомъ убѣжденій, Гордонъ получилъ говорить деньги, которыя раздавалъ бѣднымъ своимъ землякамъ и тѣмъ связывалъ ихъ съ интересами того общества, котораго самъ былъ орудіемъ. Все это стало для большинства студентовъ яснымъ тогда только, когда облеченныя въ тайну дѣйствія обнаружались въ 1839 году печальною катастрофою. До-тѣхъ-поръ только неясные слухи и предчувствія носились между студентами о затѣяхъ извѣстнаго кружка, но никто изъ не посвященныхъ не придавалъ имъ особой важности. Всѣ заняты были общими дѣлами университета....

Эти интересы, общіе всему университету, были предметомъ обычныхъ студенческихъ бесѣдъ, которыя отличались особеннымъ оживленіемъ и задушевною веселостію. Щекотливыхъ вопросовъ въ этихъ бесѣдахъ не затрогивали. Въ нихъ молодыя, пытливыя головы обсуживали наиболѣе интересные для нихъ вопросы науки, личность своихъ профессоровъ, своихъ правонаблюдателей. Газетъ и журналовъ читали тогда мало, и потому о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ вовсе почти не разсуждали. Часто горячіе споры смѣнялись шутками, смѣхомъ и школьными выходками. Старые студенты не рѣдко и теперь съ улыбкою припоминаютъ, какъ въ этихъ собраніяхъ одинъ студентъ читалъ, подражая голосу и манерамъ профессора, лекцію, которая начиналась словами: «Господа, въ полѣ дубъ стоитъ, а подъ дубомъ козакъ сидитъ; — онъ про степь и козацкую долю поеть»....

Помнятъ также одушевленную лекцію о римскихъ баняхъ, прочитанную другимъ студентомъ, также съ соблюденіемъ польско-русскихъ оборотовъ и странныхъ жестовъ профес-

сора. Читалась въ этихъ собраніяхъ поэма о подвигахъ одного изъ нравонаблюдателей, написанная гомерическими гекзаметрами. Читалось и пересказывалось много другихъ, всегда простодушно-веселыхъ и не рѣдко замѣчательно-мѣткихъ и остроумныхъ шутокъ. Прислушиваясь къ этимъ шуткамъ, можно было схватить иногда вѣрные замѣчанія и о распоряженіяхъ начальства и о лицахъ, съ которыми студенты находились въ соприкосновеніи.

Вообще въ то время студенты находились въ другихъ отношеніяхъ къ профессорамъ, чѣмъ теперь. Такого сближенія между ними, какое замѣтно теперь, тогда не было. Профессоръ смотрѣлъ на студента, какъ учитель на ученика и держалъ его отъ себя въ почтительномъ отдаленіи. Только немногіе избранные вступали въ болѣе близкія сношенія съ профессорами. Такое сближеніе почиталось знакомъ особеннаго отличія и особенной даровитости или трудолюбія студента. На такихъ студентовъ и товарищи смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ, разумѣется не на всѣхъ, потому что между ними встрѣчались и такіе господа, которые прикидывались пламенными обожателями извѣстной науки, что-бы пріобрѣсти протекцію извѣстнаго профессора. Такихъ господъ товарищи чутьемъ угадывали сразу и выражали къ нимъ холодное презрѣніе. Студенты поляки особенно группировались около кременецкихъ профессоровъ, и часто прославляли ихъ противъ внутренняго убѣжденія, единственно изъ узкаго національнаго пристрастія. Русскіе студенты въ этомъ отношеніи были справедливѣе, быть можетъ потому, что сама дѣйствительность была за нихъ: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что новые профессора въ университетѣ были въ то время неизмѣримо выше старыхъ кременецкихъ, исключая одного Бессера.

Попечитель фонъ-Брадке пользовался общою любовью и высокимъ уваженіемъ у всѣхъ студентовъ. Если какая-нибудь мѣра, имъ принятая относительно студентовъ, была слишкомъ стѣснительна для молодыхъ людей, то они роптали не на него, а на тѣхъ, которые приводили эту мѣру въ исполненіе. Степень уваженія и повиновенія, которыя оказывали студенты къ инспектору и его помощникамъ, опре-

дѣлялись нравственнымъ характеромъ тѣхъ лицъ, которыя облечены были въ эти званія. Вообще говоря, чувства уваженія къ законнымъ и разумнымъ требованіямъ начальства тогда сильнѣе развито было въ студентахъ.

Студенты того времени находились въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ кievскому обществу, чѣмъ теперь. На это было много причинъ. Во-первыхъ, общественная жизнь въ Кіевѣ тогда была сильнѣе развита, чѣмъ нынѣ; во-вторыхъ, университетъ и студенты его, по самой новости своего появленія, были въ модѣ, и потому почитались необходимою принадлежностію каждаго вечера и общественнаго собранія, въ-третьихъ, они были малочисленнѣе, и потому большей части ихъ былъ доступъ въ общество. Наконецъ самъ попечитель фонъ-Брадке, пользовавшійся огромнымъ уваженіемъ у всѣхъ въ этомъ краю, открылъ у себя вечера, на которые по очереди приглашалъ студентовъ, и такимъ образомъ, такъ сказать, самъ лично отворялъ двери во всѣ кievскіе лучшіе дома молодымъ людямъ, которые воспитывались подъ его начальствомъ. Такое сближеніе съ общественною свѣтскою жизнью имѣло чрезвычайно благопріятное вліяніе на студентовъ, смягчая ихъ нравы, отвлекая ихъ отъ шумныхъ оргій и знакомя ихъ практически съ житейскими отношеніями. Если въ нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей это столкновеніе съ пустотою свѣтской жизни рождало въ свою очередь какую-то внутреннюю пустоту; то сближеніе студентовъ съ обществомъ имѣло очень полезное вліяніе въ томъ отношеніи, что студенты, появляясь болѣе или менѣе всѣ въ однихъ и тѣхъ же сферахъ общества, какъ бы уравнивались другъ съ другомъ по происхожденію. Оттого-то не существовало тогда смѣшнаго и вреднаго различія между студентами *аристократами* и студентами *демократами*, изъ которыхъ первые поставляютъ существенное отличіе своей породы въ покроѣ платья, головной прическѣ и ломаныхъ французскихъ фразахъ, а вторые, нарочно изъ противодѣйствія, стараются отличаться грубостію и цинизмомъ въ обращеніи.

До основанія въ Кіевѣ университета славою учености въ кievскомъ обществѣ исключительно пользовались студен-

ты кіевской духовной академіи. Особенно на Подолѣ слава эта гремѣла «за канавою и предъ канавою». Теперь въ студентахъ университета студенты академіи встрѣтили опасныхъ соперниковъ, не только въ учености, но и въ такъ называемомъ великосвѣтскомъ обращеніи, которое первые оспаривали у послѣднихъ въ собраніяхъ подольскаго купечества и гражданства. Отсюда должны были родиться нѣкотораго рода враждебныя столкновенія. Впрочемъ, слишкомъ рѣзко обнаружиться, въ разсматриваемый нами періодъ времени, они не могли по тому глубокому сочувствію, какое ректоръ академіи, преосвященный Иннокентій, питалъ къ университету, его попечителю, ректору и профессорамъ. Сверхъ того и высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Евгений оказывалъ свое ученое содѣйствіе и пастырское вниманіе къ университету, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ.

Все сказанное нами о студентахъ университета св. Владиміра въ первый періодъ его существованія показываетъ, что они поставлены были въ довольно благоприятныя отношенія къ наукѣ и къ жизни. Но къ сожалѣнію естественное развитіе университета пріостановлено было печальнымъ событіемъ. Событіе это естественно объясняется свойствомъ той среды, въ которой былъ основанъ университетъ, и отчасти тѣми преданіями, которыя были внесены въ него первыми слушателями.

Университетъ св. Владиміра возникъ въ то смутное для западно-русскаго края время, когда свѣжи были еще въ умахъ его жителей воспоминанія о послѣдней упорной борьбѣ между двумя славянскими національностями: русскою и польскою. Народность, проигравшая свое дѣло съ оружіемъ въ рукахъ, не отказалась отъ надеждъ на возрожденіе, и только скрывала ихъ вмѣстѣ съ глубоко-затаенною враждою къ побѣдителямъ. Университетъ св. Владиміра возникъ изъ волынскаго лицея, хотя въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ. Въ основу его, какъ мы видѣли, положены всѣ матеріальныя средства лицея, въ него перешли

всѣ учебныя пособія лицей и отчасти виленскаго университета; составъ его преподавателей, сначала почти весь былъ лицейскій; большая половина его студентовъ образовалась или изъ воспитанниковъ лицей, или изъ воспитанниковъ тѣхъ училищъ, для которыхъ кременецкій лицей и виленскій университетъ замѣняли долго высшее центральное учебное заведеніе. Не удивительно, что духъ и преданія старыхъ заведеній проникли отчасти въ новое. Преподаватели добросовѣстно исполняли свое дѣло; надзоръ начальства за духомъ преподаванія и за образомъ дѣйствій, какъ учащихся, такъ и учащихся, былъ, какъ мы видѣли, неусыпный. Но развѣ можно было сразу уничтожить неумовимый духъ преданія, который жилъ не только между студентами университета, но, еще болѣе, внѣ его, въ самомъ общественномъ мнѣніи края? Тайные недруги современнаго порядка вещей живо помнили роль, которую играли кременецкій лицей и виленскій университетъ въ недавнихъ событіяхъ, помнили за что они были закрыты. Русское правительство учредило университетъ св. Владимира, желая высшимъ образованіемъ погасить узкія національныя антипатіи и слить двѣ національности въ одну общую. Недруги русскаго правительства смотрѣли на университетъ св. Владимира, какъ на воскресшій старый лицей, и задумали употребить его орудіемъ къ воскрешенію своихъ тайныхъ надеждъ. Иной поступалъ въ университетъ, уже въ семействѣ вполнѣ приготовленный быть такъ называемымъ патриотомъ; иной поступалъ съ благороднымъ стремленіемъ къ наукѣ безъ всякой задней мысли, и отъ вліянія нѣкоторыхъ товарищей, а гораздо болѣе отъ внушенія постороннихъ университету лицъ, начиналъ разъигрывать роль стараго кременецкаго лицеиста.

Новый пріемъ студентовъ въ университетъ былъ отсроченъ по высочайшему повелѣнію на одинъ годъ. Всѣмъ студентамъ университета, не подлежащимъ слѣдствію, представлено было право поступить въ другіе русскіе университеты по выбору каждаго, безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени, безпорочно проведеннаго ими въ здѣшнемъ университетѣ. Тѣмъ изъ числа студентовъ втораго, третьяго и четвертаго курсовъ, кои не пожелаютъ или, по какимъ

либо обстоятельствамъ, не въ состояніи будутъ перейти въ другіе университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу съ чинами четырнадцатаго и двѣнадцатаго классовъ, на которые они, какъ не-вполнѣ окончившіе курсъ ученія въ университетѣ, не имѣли права по дѣйствующимъ узаконеніямъ. Вслѣдствіе этого, къ концу 183⁸/₉ учебнаго года выбылъ изъ университета сто девяносто одинъ студентъ.

13-го марта 1837 года всѣ студенты получили приказаніе собраться на другой день, 14-го марта, въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ для представленія новому попечителю округа, князю С. И. Давыдову, и помощнику его, дѣйствительному статскому совѣтнику В. И. Карлгофу.

17-го марта лекціи прекратились.

ГЛАВА IV.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ КОЛЛЕКЦІИ.

(1834—1839.)

Коллекціи университета св. Владиміра имѣютъ основаніемъ своимъ коллекціи бывшаго вольнскаго лицея, создателемъ которыхъ былъ О. Чацкій. Въ основу имъ онъ положилъ собраніе книгъ, медалей, минераловъ, рѣдкостей, физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, пріобрѣтенное имъ отъ наслѣдниковъ короля Станислава-Августа Понятовскаго за пятнадцать тысячъ червонцевъ. При его же содѣйствіи положено было основаніе ботаническому саду, гербарію, механическому, геодезическому, художественному кабинетамъ. Увеличенныя различными пожертвованіями и пріобрѣтеніями въ десяти-лѣтнее визитаторство Чацкаго, эти коллекціи вошли въ полномъ составѣ своемъ въ университетъ св. Владиміра. Онѣ далеко не удовлетворяли современнымъ потребностямъ университетскаго преподаванія уже потому, что были предназначены для менѣе обширнаго заведенія, но еще болѣе потому, что, въ семнадцать лѣтъ существованія лицея, по смерти Чацкаго, ихъ очень мало пополняли, под-

держивали *) и такимъ образомъ скорѣе запустили, нежели подвинули впередъ. Съ коллекціями было тоже, что съ преподавателями: и тѣ, и другіе постушили въ университетъ отсталье.

Съ 1834 года лицейскія коллекціи, обратясь въ университетскія, были увеличены коллекціями бывшаго виленскаго университета, оставшимися за надѣленіемъ виленской духовной академіи и частію харьковскаго университета, и пожертвованіями частныхъ лицъ. Наконецъ собственными приобрѣтеніями университета онѣ приводимы были постепенно въ состояніе, удовлетворяющее современной наукѣ и цѣли заведенія. Впрочемъ, разсматриваемый нами періодъ университетской жизни былъ временемъ не столько новыхъ современныхъ приобрѣтеній въ университетскихъ коллекціяхъ, сколько временемъ, когда приводимы были въ извѣстность и порядокъ коллекціи старыя, постушившія въ университетъ изъ коллекціи Вильно и другихъ заведеній.

Съ 1836 года коллекціи университета открыты были въ опредѣленные дни для публики.

1) *Библиотека.*

Библиотекъ при университетѣ двѣ: главная университетская и библиотека института казеннокоштныхъ студентовъ.

А) *Главная университетская библиотека.*

Первоначальный фондъ университетской библиотеки состоялъ изъ 24,379 названій въ 34,378 томахъ, оцѣненныхъ въ 56,820 рублей серебромъ, по настоящему курсу, и поступившихъ главнымъ образомъ изъ бывшаго вольнскаго лицея.

Всѣ эти книги образовались изъ шести слѣдующихъ спеціальныхъ собраній, составлявшихъ лицейскую библиотеку:

1) *Королевской библиотеки.* Это пользовавшаяся въ XVIII вѣкѣ извѣстностію библиотека короля Станислава-Августа. Знаменитый нумизматъ и библиографъ XVIII вѣка, Янъ-Баттистъ *Альбертранди*, составилъ систематическій каталогъ ея въ XI большихъ томахъ in quarto, который въ рукописи,

---

*) Исключая ботаническаго сада.

переписанной рукою самого Альбертранда, употребляется и теперь въ университетѣ св. Владиміра. Собраніе это куплено Чацкимъ у наслѣдниковъ короля за безцѣнокъ, которымъ едва уплачивался переплетъ 15,820 томовъ, составлявшихъ бібліотеку. Въ-особенности замѣчательны въ ней отдѣлы богословскій (2,400 званій), классической филологіи (2,200 званій) и, такъ называемая, *Collectio Polona*, т. е., собраніе книгъ (на всѣхъ языкахъ), касающихся польской жизни во всѣхъ ея отношеніяхъ (до 2,000 названій). Библіотека эта сверхъ того имѣла, такъ называемый, цедулочный или подвижной алфавитный каталогъ.

2) Собранія *Яблоновскихъ* (*Collectio Jablonowiana*), пожертвованнаго волынской гимназіи княгинею *Теофилою Саплого* изъ части знаменитой бібліотеки своего отца князя Юсіфа Яблоновскаго (*Patriae reipublicae Litterariae Sarmatis Amazonibusque eruditis*, какъ онъ названъ въ каталогѣ). Отдѣленіе это въ-особенности отличается собраніемъ книгъ и рисунковъ по археологіи. Имѣетъ цедулочный каталогъ. 2) Собранія *Микошевскихъ*, 3) собранія *Мошинскаго*, 4) собранія книгъ, приобрѣтенныхъ собственно волынскою гимназіею (впослѣдствіи лицеемъ) съ 1805 по 1830 годъ. Для всѣхъ этихъ собраній имѣются цедулочные каталоги и сверхъ того хронологическій указатель послѣдняго собранія въ трехъ томахъ съ алфавитнымъ указателемъ. 5) Собранія *Иезуитскаго* и 6) собранія *Почаевскаго*.

Кременецкая бібліотека, поступивъ въ полномъ своемъ составѣ въ университетъ св. Владиміра съ 1834 года, увеличивалась съ 1834 до 1840 года:

1) Собраніемъ книгъ *вильенской университетской бібліотеки* въ числѣ 5,387 названій и 7,554 томовъ.

2) Собраніемъ дублетовъ с.-петербургской *эрмитажной бібліотеки*, всемілостивѣйше пожалованныхъ университету въ числѣ 611 званій и 897 томовъ.

3) Собраніемъ книгъ *вильенской духовной римско-католической академіи* — 231 званіе въ 863 томахъ.

4) Собраніемъ книгъ *вильенской медико-хирургической академіи*, окончательное включеніе которыхъ въ каталоги уни-

верситета совершенно уже въ слѣдующемъ періодѣ; а до 1840 года наличность ихъ не была приведена въ ясность *).

5) *Частыми пожертвованіями* разныхъ мѣстъ и лицъ, которыхъ число простиралось до 5,048 томовъ. Важнѣйшія въ числѣ ихъ поступили изъ завѣщанной университету генераль-фельдмаршаломъ фонъ-дербъ-остенъ-Сакеномъ библіотеки **).

6) Наконецъ библіотека въ первыя пять лѣтъ существованія университета сама *приобрѣла* 4,409 названій въ 3,421 томѣ, цѣною въ 28,939 рублей 88 копеекъ ассигнаціями (или 6839 рублей 68 $\frac{1}{2}$ копеекъ серебромъ), на *собственную штатную сумму* (5,000 рублей ассигнаціями въ годъ) и единовременные отпуски изъ *экономическихъ суммъ* университета (съ 1837 года по 9,000 рублей ассигнаціями).

Вслѣдствіе всѣхъ исчисленныхъ приобретеній, при самой незначительной убыли (около 150 томовъ) отъ перечисленія книгъ въ библіотеку казеннокоштныхъ студентовъ и потери нѣкоторыхъ сочиненій, — библіотека университета съ 1834 — 1840 годъ прибавила къ основному кременецкому фонду 10,560 названій въ 17,779 томахъ, на сумму 83,498 рублей 74 копейки ассигнаціями, или 26,713 рублей серебромъ.

Такимъ образомъ къ 1-му январю 1840 года въ ней заключалось:

Книгъ 34,939 названій въ 25,157 томахъ (въ томъ числѣ 73 тома рукописей), *на сумму* 292,365 рублей ассигнаціями (83,532 рубля серебромъ).

Относительно количества книгъ библіотека университета св. Владиміра уступала только библіотекамъ московскаго и дерптскаго университетовъ.

---

*) Изъ виленской медико-хирургической библіотеки поступило въ университетъ св. Владиміра 12,262 названія въ 17,556 томахъ, большею частию медицинскаго содержанія.

**) Кромѣ всѣхъ означенныхъ собраній библіотека университета отчасти укомплектовывалась по выбору совѣта книгами изъ библіотекъ уманскаго базилианскаго монастыря и каневского училища, книгами конфискованными, и обмѣномъ книгъ изъ библіотекъ вольнской, ровенской, книгами подольской и винницкой гимназій.

Что касается до *периодическихъ изданій*, которыя не включены въ это число, то къ первоначальному количеству ихъ — 69, поступившему изъ Кременца, въ университетѣ прибыло 78 (на 2644 рубля серебромъ), такъ что все количество периодическихъ изданій къ началу 1840 года равнялось 147 названіямъ. Ежегодно университетъ выписывалъ отъ 11 (въ 1834) до 20 периодическихъ изданій на русскомъ и отъ пятнадцати до двадцати пяти изданій на польскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Очень любопытные результаты касательно внутренняго содержанія книгъ бібліотеки можно было бы извлечь изъ систематическаго распредѣленія всей ея наличности по научнымъ отдѣламъ. Но къ сожалѣнію, по неимѣнію общаго систематическаго каталога всѣмъ частнымъ собраніямъ, изъ которыхъ сложилась бібліотека университета, сдѣлать это съ точностію весьма трудно. Мы ограничимся классификаціею всѣхъ бібліотечныхъ пріобрѣтеній съ 1834 года по 1840 годъ, для составленія которой находимъ данныя въ отчетахъ.

Первое мѣсто занимаетъ *исторія, статистика и географія*, включенныя въ каталогахъ въ одинъ отдѣлъ: по этимъ наукамъ пріобрѣтено 2048 названій, 3609 томовъ. Затѣмъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *филологія*, по преимуществу классики (1507 названій, 2306 томовъ), *словесныя науки* (1377 названій, 2613 томовъ), *правовѣдніе* (1190 названій, въ 1913 томовъ), *математика* (1049 названій, въ 1421 тома), *домоводство* (экономія, технологія и торговля 739 названій, въ 1289 томахъ), *философія* (со включеніемъ педагогій 707 названій, 924 тома), *естественныя науки* (со включеніемъ небольшаго числа (194 названія) *медицинскихъ книгъ* (648 названій 1003 томовъ), *богословіе* (531 названіе 844 тома), *свободныя художества* (356 названій въ 536 томахъ) и наконецъ *полиграфія* (200 названій 1060 томовъ). Надо замѣтить впрочемъ, что, такъ какъ приращеніе происходило главнымъ образомъ отъ присоединенія къ кременецкой бібліотекѣ собраній старыхъ, — то число *современныхъ* сочиненій въ ней было относительно чрезвычайно *ограничено*. Особенно ощутителенъ былъ при основаніи бібліотеки недостатокъ въ кни-

гахъ на русскомъ языкѣ; для устраненія его уже въ 1836 году совѣтъ ассигновалъ 1000 рублей ассигнаціями для покупки исключительно русскихъ книгъ.

Цифра, показывающая число пользовавшихся чтеніемъ книгъ библіотеки, представляетъ довольно странное колебаніе и не столько въ общей ежегодной суммѣ, сколько въ частныхъ.

	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
1) Преподавателями и чиновниками университета взято.	549	235	1155	1747	1265	1240
2) Учащимися	458	82	216	283	350	127
3) Посторонними лицами. . . .	—	—	84	4	9	27
Итого. . .	1037	317	1455	2034	1624	1399

Понятенъ упадокъ цифры прочитанныхъ книгъ въ 1839 году, когда университетъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ закрытъ; но трудно объяснить, почему такъ сильно упало число прочитанныхъ книгъ въ 1835 году, противъ цифры прочитанныхъ въ годъ основанія университета, когда библіотека не вся была еще разобрана. Для чтенія преподавателей, журналы и газеты выставлялись обыкновенно въ одной изъ аудиторій, носившей названіе сборной профессорской комнаты.

Университетъ своего постоянного собственнаго комиссіонера не имѣлъ, но выписывалъ русскія сочиненія чрезъ с.-петербургскаго книгопродавца А. Смирдина и московскаго Селивановскаго; а иностранныя книги получалъ или чрезъ с.-петербургскаго книгопродавца Греффа, или чрезъ лембергскаго Миллиновскаго, а съ 1838 года нѣкоторыя книги стали получать изъ Галле отъ Дейхмана.

Библіотекаремъ университета былъ въ разсматриваемый нами періодъ надворный совѣтникъ Павелъ Осиповичъ *Ярковскій*, получившій воспитаніе въ Кременцѣ и завѣдывавшій тамошнею библіотекою съ 1805 года. Ярковскій имѣлъ основательныя по своему времени спеціальныя для своей должности свѣдѣнія. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что будучи при лицѣхъ библіотекаремъ, онъ давалъ въ немъ уроки библіографіи и всеобщей грамматики. Ярковскій зналъ

сверхъ того много языковъ и, управляя съ 1805 года кременецкою бібліотекою, зналъ ее какъ свои пять пальцевъ. Помощниками его были: въ 1834 году лекторъ польскаго языка *Микульскій* и секретарь бібліотеки Княжинскій; въ 1835 году девятаго класса *Каменскій*; въ 1836 и 1837 годахъ коллежскій совѣтникъ *Новоиребелскій*; а съ 1838 года титулярный совѣтникъ *Ирзабекъ*, имѣвшій по этой должности спеціальныя знанія. Въ 1838 году издана совѣтомъ инструкция бібліотекарю.

В) *Библіотека института казеннокоштныхъ студентовъ.*

Въ основаніе ея положены, въ 1836 году, пожертвованныхъ книгъ 206 названій въ 551 томѣ, на сумму 2707 рублей 90 копеекъ ассигнаціями, большею частію по естествознанію, словесности и исторіи. Къ 1-му январю 1840 года число книгъ возрасло до 370 званій и 990 томовъ, а цѣнность ихъ до 5555 рублей ассигнаціями (т. е., 1587 рублей 75 копеекъ серебромъ). Основные отдѣлы ея были увеличены, и почти вновь образованъ отдѣлъ наукъ юридическихъ (23 званія въ 121 томѣ). Периодическихъ изданій въ 1839 году было восемь званій на 77 рублей 38 копеекъ серебромъ. Сверхъ книгъ въ нее вошло потъ двѣнадцать званій на сумму 25 рублей 80 копеекъ серебромъ. Большая часть книгъ (241) была на русскомъ языкѣ; — на французскомъ и нѣмецкомъ всего шестьдесятъ четыре. Библіотекою завѣдывалъ номинально состоявшій при институтѣ помощникъ инспектора студентовъ; а въ дѣйствительности казеннокоштный студентъ перваго отдѣленія философскаго факультета, *Карль Гиршъ*.

2) *Физическій кабинетъ* университета составили:

1) Приборы, поступившіе изъ бывшаго вольнскаго лицея *). Первоначальное число ихъ простиралось до 259; цѣнность ихъ по описи составляла 6,037 р. 55½ к. сер. Изъ этого числа передано по распоряженію начальства въ другіе кабинеты и потому исключено изъ наличностей физическаго кабинета, въ 1838 году, тридцать два прибора, на сумму 3,374

---

*) Основаніе физическому кабинету въ Кременцѣ положено инструментами, которые пожертвовалъ Ординатъ Замоискій.

рубли серебромъ. Такимъ образомъ изъ снарядовъ вольнскаго лица вошло въ составъ кабинета университетскаго двѣсти двадцать семь нумеровъ на сумму 2,663 рублей 55½ копейкъ серебромъ.

2) Приборы, поступившіе въ кабинетъ изъ ничтожной коллекціи уманскаго базилианскаго монастыря и училища и отъ пожертвованій частныхъ лицъ, всего по обѣимъ статьямъ какихъ-нибудь пять приборовъ, цѣною не болѣе какъ на 250 рублей серебромъ.

3) Приборы, прибрѣтенные покупкою на счетъ штатной суммы, всего три прибора по электро-магнетизму, на сумму 3,500 рублей серебромъ.

4) Приборы, назначенные къ передачѣ изъ виленской медикохирургической академіи, поступили въ кабинетъ только въ 1840 году *).

Къ 1-му январю 1840 года физическій кабинетъ заключалъ въ себѣ: разныхъ приборовъ и инструментовъ двѣсти тридцать три, на сумму 3,046 рублей 8 копейкъ серебромъ. Въ томъ числѣ было: а) для физической механики тѣлъ твердыхъ тридцать четыре предмета, б) для механики жидкостей двадцать, в) для воздуха и газовъ сорокъ два, д) для теплоты и паровъ двадцать три, е) для свѣта сорокъ четыре, ф) для электричества пятьдесятъ семь, г) для магнетизма семь, h) для электромагнетизма три, i) по предмету физической географіи три.

Такъ какъ коллекція вольнская физическихъ снарядовъ составлена была изъ пожертвованій разныхъ частныхъ лицъ и притомъ въ давнее время, то физическій кабинетъ университета въ началѣ своемъ не могъ представлять единства въ цѣломъ, какъ по отношенію къ отдѣлкѣ инструментовъ, такъ и по отношенію къ научной цѣли, и крайне нуждался въ приборахъ, относящихся къ новѣйшимъ открытіямъ въ наукѣ. Недостатокъ этотъ чуть замѣтно началъ уменьшаться съ 1838 года передѣлкою и исправленіемъ старыхъ и прибрѣтеніемъ новыхъ снарядовъ. Передѣлка и исправленіе произведены были университетскимъ механикомъ Фальбергомъ.

---

*) 149 приборовъ на сумму 4083 рубли 64 копейкъ серебромъ.

Кабинетомъ завѣдывали: сначала профессоръ Абламовичъ, который не только не привелъ кабинета въ порядокъ, но утратилъ кабинетные солнечные часы, и преподаватель Чеховичъ. Посредствомъ имѣвшихся приборовъ производимы были опыты, относящіеся собственно къ подтвержденію разныхъ положеній науки во время лекцій; опыты съ научною цѣлью не могли быть еще производимы при такомъ плачевномъ состояніи коллекцій.

3) *Минералогическій кабинетъ.*

Въ основу его положены: *во-первыхъ* коллекція минераловъ, приобрѣтенная Чацкимъ отъ наслѣдниковъ короля Станислава-Августа; *во-вторыхъ* коллекція пожертвованная Гуго Колонтаемъ (изъ 6,000 предметовъ), особенно замѣчательная лабрадорами и купленная имъ въ 1792 году въ Дрезденѣ у Пётшена. Въ Кременцѣ кабинетъ увеличивался жертвоуваніями, и до 1817 года не былъ описанъ и приведенъ въ научную систему. Учитель лицея Зѣновичъ, принявшій въ этомъ году въ свое завѣдываніе коллекцію, постепенно разобралъ ее, расположилъ по системѣ Вернера, и дополнилъ собраніемъ минераловъ и окаменѣлостей, собранныхъ имъ въ 1828 году, во время геогностической экскурсіи по вольнской и подольской губерніямъ. Въ годъ закрытія лицея коллекція состояла изъ 15,538 предметовъ *).

Въ такомъ видѣ поступила она въ университетъ св. Владиміра и съ 1834 по 1838 годъ находилась въ завѣдываніи

*) Въ томъ числѣ:

1) Земель и камней штукѣвъ	7,369.
2) Солей	92.
3) Горючихъ тѣлъ	190.
4) Металловъ	4,799.
5) Горныхъ породъ (кряжевиковъ)	737.
6) Минераловъ для изясненія признаковъ	790.
7) Стекланныхъ моделей брилліантовъ	13.
8) Кристалловъ	37.
9) Деревянныхъ кристалловъ по системѣ Вернера	463.
10) Минераловъ и окаменѣлостей кіевской, вольнской и подольской губерній	1,000.
11) Рѣдкостей	27.

Всего . . . 15,538.

того же профессора Зѣновича, сохранила прежнюю систему и увеличивалась во-первыхъ по прежнему частными пожертвованіями, въ числѣ которыхъ рѣдко попадались предметы замѣчательные, большею же частію были ничтожные (всего 1367 предметовъ *), во-вторыхъ предметами еще меньшаго достоинства, поступившими изъ минералогическихъ коллекцій луцкой гимназій и уманскаго уѣзднаго училища (всего 1457 предметовъ). Такимъ образомъ къ концу 1837 года минералогическій кабинетъ университета заключалъ въ себѣ: 19,362 штука, оцѣненныхъ г. Зѣновичемъ въ общей сложности приблизительно въ 25,000 рублей серебромъ (или до 90,000 рублей ассигнаціями).

Въ 1838 году ординарный профессоръ Гофманъ, принявшій этотъ кабинетъ въ свое завѣдываніе, занялся разборомъ его. Сдѣлавъ разсортировку предметовъ всей коллекціи, Гофманъ нашелъ, что изъ всего наличнаго числа ихъ заслуживаетъ сохраненія только 3,242 предмета, оцѣненные въ 10,000 рублей ассигнаціями (или до 3,000 рублей серебромъ) и классифицированные имъ на слѣдующія отдѣленія: 1) *ориктогностическое собраніе* изъ 1783 предметовъ, расположенныхъ Гофманомъ по новѣйшей системѣ Берцелюса, 2) *геогностическое* собраніе каменныхъ породъ окаменѣлостей изъ разныхъ частей Россіи изъ 1,000 штукъ, 3) собраніе для объясненія наружныхъ признаковъ изъ 149 штукъ, 4) собраніе шлифованныхъ камней 300 и 5) собраніе рѣдкостей изъ десяти штукъ.

Остальныя затѣмъ 16,120 штукъ частію переданы были въ другіе кабинеты (семнадцать предметовъ изъ собранія рѣдкостей), а частію, какъ негодныя, исключены изъ наличности минеральнаго кабинета, съ оставленіемъ временно при томъ же кабинетѣ, впредь до употребленія въ университетскомъ ботаническомъ саду или же инымъ образомъ.

---

*) Жертвователями были: графъ Илинскій, Сулятицкая, докторъ Ширмеръ, пятого класса Лохвицкій, гвардіи поручикъ Анненковъ, полковница Иваненкова, генералъ-штабъ-докторъ Успенскій, баронъ Шодуаръ, г. Паросковъ, гг. Бугаевскій, Чайковскій, Огоровичъ, Муравьевъ, Голубцовъ, Шелопутинъ, Лауницъ, Зимовскій, Кучальскій, Петровъ, Орловскій. Нѣкоторые дали вещи очень замѣчательныя, другіе жертвовали по пословицѣ: «на тоби, небоже, що минн негоже.»

Вмѣстѣ съ этимъ преобразованіемъ кабинета приняты были, съ 1838 года, мѣры къ пополненію и улучшенію его сообразно современнымъ потребностямъ науки. Опытъ научилъ, что отъ пожертвованій въ этомъ отношеніи добра ожидать много нельзя, по пословицѣ «дарованному коню въ зубы не смотрятъ», а потому укомплектовывать кабинетъ стали большею частію приобрѣтеніемъ разныхъ предметовъ на счетъ штатной суммы кабинета и на счетъ особыхъ средствъ, ассигнованныхъ министерствомъ изъ общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній. На эти суммы приобрѣтено было въ два года: 1) ориктогностическое собраніе изъ 2,729 предметовъ большею частію отъ с.-петербургскаго аптекаря Кемерера; 2) геогностическое собраніе изъ Гейдельберга въ 622 предметахъ, — оба цѣною въ 9,886 рублей ассигнаціями. Сверхъ того берлинскій университетъ принесъ въ даръ университету св. Владиміра сорокъ пять минераловъ (50 р. ас.), а самъ профессоръ Гофманъ двадцать пять крымскихъ горныхъ породъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ приобрѣтеній, минералогическій кабинетъ къ 1-му январю 1840 года заключалъ въ себѣ:

- 1) Ориктогностическую коллекцію изъ 5,104 предметовъ.
- 2) Геогностическую — изъ 1,662 предметовъ.
- 3) Минераловъ для изыясненія признаковъ 232 и
- 4) Рѣдкостей десять штукъ.

Всего 7,008 предметовъ, цѣною въ 4,761 рубль серебромъ, или 16,663 рубли 50 копеекъ ассигнаціями.

Такимъ образомъ минералогическая коллекція университета была сокращена въ количествѣ, но значительно улучшена въ качественномъ отношеніи стараніями профессора Гофмана.

4) *Химическая лабораторія* находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. При основаніи университета въ нее поступило 540 аппаратовъ и матеріаловъ и 660 штукъ посуды: все это было старье, испорченное сверхъ того перевозкою изъ Кременца. Для приведенія лабораторіи въ надлежащее состояніе необходимо было помѣщеніе, приспособленное къ ея цѣлямъ. Строить его, при неизмѣнии собственнаго постояннаго зданія, почиталось излишнимъ. Ла-

бораторія устроена была въ подвалѣ одного изъ занимаемыхъ домовъ кое-какъ для производства необходимѣйшихъ при чтеніи лекцій работъ, посуда постоянно портилась отъ употребленія, матеріалы истощились. А между тѣмъ на лабораторію не отпускалось даже штатной суммы и постоянная убыль ее вознаграждалась кое-какъ на счетъ экономическихъ средствъ университета. Съ 1-го января 1840 года она находилась по количеству предметовъ въ томъ же состояніи какъ и при открытіи университета (всего 1,200 предметовъ на 1000 рублей ассигнаціями), только всѣ ея снаряды и посуда еще болѣе обвѣтшали и испортились отъ употребленія.

Завѣдывалъ лабораторіею ординарный профессоръ Зѣновичъ; лаборантомъ при немъ состоялъ Самаровъ.

5) *Гербарій*. Начало университетскому гербарію положено было въ послѣдній годъ существованія лицея г. Андржіевскимъ: въ 1834 году, при открытіи университета, онъ состоялъ изъ 1500 видовъ растений. Въ періодъ времени отъ 1834 до 1840 года гербарій этотъ увеличивался частію отъ пожертвованій, изъ коихъ значительнѣйшее сдѣлано было барономъ Шодуаромъ (до 5000 видовъ), частію гербаріемъ уманскаго училища, засушенными растениями изъ собственнаго университетскаго сада и наконецъ обмѣномъ дублетныхъ экземпляровъ на новые, большею частію закавказской флоры, съ естественнымъ испытателемъ Гогенакеромъ изъ Ленкорана. Къ 1-му январю 1840 года гербарій заключалъ въ себѣ 6,493 вида растений въ 10,807 экземплярахъ, цѣною на 1873 рубли 85⁵/₁₀₀ копеекъ серебромъ. Гербаріумъ находился въ завѣдываніи профессоровъ — сначала Бессера, а потомъ Траутфеттера.

6) *Ботаническій садъ* *).

Университетскій ботаническій садъ въ Кіевѣ возникъ изъ лицейскаго ботаническаго сада въ Кременцѣ.

Кременецкій ботаническій садъ появился вмѣстѣ съ волинскою гимназіею, преобразованною въ 1818 году въ лицей. Въ 1806 году, по распоряженію Чацкого, садовникъ, ирландецъ

* R. Trautfetter. Ueber den krzemieniecer botanischen Garten (въ Bullet. des N. de M., IV vol. 1844); составлено на основаніи рукописи покойнаго Бессера: Die Geschichte des botanischen Gartens zu Krzemieniec in Wolhynien.

дець Mr. Claire, на продолговатомъ, около восьми морговъ заключавшемъ и къ зданію лица примыкавшемъ пространствѣ земли, разбилъ первый увеселительный садъ, построилъ три оранжереи и каменные парники. Въ 1809 году, покойный профессоръ университета св. Владимира Бессеръ занялъ въ гимназiи мѣсто учителя ботаники и зоологiи и, желая дать саду научную цѣль, постепенно измѣнилъ его расположеніе и самый наружный видъ. Съ 1814 по 1823 годъ Бессеръ распространилъ старыя оранжереи, построилъ новую небольшую оранжерею для молодыхъ тепличныхъ растений и помѣщеніе для садовника. Не смотря на небольшой объемъ сада и на тѣсноту оранжерей, не смотря на довольно неблагоприятныя условія мѣстности, которая состояла изъ равнины и отлогихъ покатоствъ, не смотря на отсутствіе воды, которую нужно было возить изъ довольно отдаленнаго источника, — кременецкій ботаническій садъ вскорѣ получилъ извѣстность не только въ Россiи, но за границу. Этою извѣстностью онъ обязанъ неутомимымъ трудамъ Бессера и тому уваженію, какимъ профессоръ этотъ пользовался между современными ботаниками. Въ цвѣтущій періодъ свой, садъ этотъ снабжалъ русскими сѣменами и растеніями до двадцати пяти однихъ иностранныхъ садовъ и, по богатству своихъ собраній, могъ спорить не только съ отечественными, но и съ нѣкоторыми заграничными ботаническими садами. Садовникъ, Mr. Claire, воспитанъ въ немъ, въ 1809 году, 760 видовъ иноземныхъ и 460 видовъ туземныхъ растеній, большею частію пожертвованныхъ гимназiи, какъ это обыкновенно дѣлалось при Чацкомъ. Бессеръ, принявъ въ свое завѣдываніе садъ, тотчасъ вступилъ въ сношенія съ туземными и иностранными ботаническими заведеніями *), которымъ доставлялъ и отъ

---

*) Бессеръ обсылался растеніями и сѣменами съ слѣдующими ботаническими садами: геттингенскимъ (садовникъ Шрёдеръ), парижскимъ (садовникъ Touin), вѣнскимъ (Schott), краковскимъ (Polaczek), виленскимъ (Jundzill), горенковскимъ (Fischer), пражскимъ (Mican), дерптскимъ (Weinmann), харьковскимъ (Delavigne), пестскимъ (Kitaibel), гальскимъ (Sprengel), ландгутскимъ (Schultes), ровенскимъ (Rochel), берлинскимъ (Witdenow), эрфуртскимъ (Бернгарди), цюрихскимъ (Römer), никитскимъ (Steven), варшавскимъ (Schubert), кѣнигсбергскимъ (Schweigger), бреславскимъ (Treviranus), гейдельбергскимъ (Metzger), копенгагенскимъ (Hornemann), мадритскимъ (La-

которыхъ получалъ новыя сѣмена. Вслѣдствіе этихъ сношеній, въ 1810 году кременецкій садъ имѣлъ уже 2406 видовъ и разностей, а въ 1823 году до 9000. Этотъ годъ былъ апогеемъ сада. Послѣ этого онъ уже не распространялся, хотя самъ Бессеръ упоминаетъ, что число растений въ немъ доходило до 12,000. Въ 1834 году, то есть, въ годъ основанія университета св. Владиміра, когда садъ поступилъ въ собственность университета, въ немъ считалось 5,024 вида и разностей на грунтѣ и въ горшкахъ и 3,920 сѣмянъ: всего 8,944 *). Съ этого времени перестали заботиться объ умноженіи кременецкихъ растений, а обратили все вниманіе на то, чтобы сохранить въ цѣлости растенія, заслуживающія переселенія въ Кіевъ, до-тѣхъ-поръ пока кіевскій садъ и оранжереи будутъ готовы къ принятію кременецкихъ переселенцевъ.

Но съ 1839 года, по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, въ Кіевѣ ни сада, ни оранжерей не было устроено. Только въ 1839 году устроенъ былъ трудами профессора Траутфеттера временной университетскій садъ, въ которомъ посажены были иностранныя деревья и вообще многолѣтнія растенія для того, чтобы позднѣе облегчить разведеніе постоянного сада. Но не прежде какъ въ 1841 году открылась возможность перевезти изъ Кременца въ Кіевъ всѣ грунтовыя отборныя деревья, кустарники и травы, и затѣмъ кременецкій садъ переданъ былъ въ собственность кременецкой духовной семинаріи, исключая оранжерей, изъ которыхъ растенія перевезены были въ Кіевъ только въ 1842 году.

Завѣдывалъ кременецкимъ ботаническимъ садомъ съ 1806 по 1809 годъ *Mr. Claire*, независимо отъ учителя естественныхъ наукъ въ гимназіи Шейдта. Съ 1809 по 1838 годъ, подъ главнымъ управленіемъ Бессера, котораго можно назвать настоящимъ создателемъ сада, въ качествѣ садовниковъ

---

gasco), мюнхенскимъ (Seitz), пармскимъ (Jan), дрезденскимъ (Reichenbach), боннскимъ (Nees von Esenbeck), женеvскимъ (Decandole), моденскимъ (Brignoli), гамбургскимъ (Letman), петербургскимъ (Fischer).

*) Такъ показано у Траутфеттера въ вышеприведенномъ сочиненіи. Въ краткомъ отчетѣ, читанномъ при открытіи университета 15 іюля 1834 г. показано 14,797 видовъ и отмѣнъ растеній.

состояли: *Инатій Грабовскій* (до 1818), *Витцель* (до 1827) и *Гофманъ*, который состоялъ въ этомъ званіи до окончательнаго перевода кременецкаго сада въ Кіевъ.

Во что обошлось первоначальное заведеніе сада Мг. *Слаге'омъ* и сколько издерживалось на него въ первые годы бессерова управленія — неизвѣстно. Долго не было назначено на содержаніе сада опредѣленной штатной суммы. Экономическое правленіе гимназіи, по требованіямъ директора, отпускало деньги, необходимыя для покрытія издержекъ, изъ общей лицейской суммы и особенныхъ счетныхъ книгъ по саду не имѣло. Съ 1818 года, при самомъ садѣ, велись приходо-расходныя книги; но многія потребности сада, какъ напримѣръ: рабочіе, дрова, кормъ для лошадей и тому подобное были отпускаемы натурою изъ лицейскихъ имѣній. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ опредѣлить точно цифру первоначальныхъ издержекъ сада не возможно. Бессеръ полагалъ, что около 1817 года садъ стоилъ ежегодно до 2,500 рублей серебромъ. Съ 1818 года опредѣлена была штатная сумма на содержаніе сада въ 1,500 рублей, но по прежнему отпускались для него рабочіе, дрова и фуражъ. Только съ 1824 года отпуска эти прекратились. Когда кременецкій садъ обратился въ собственность университета св. Владимира, по штату 1833 года, на него назначено было ежегодно по 6,000 рублей ассигнаціями (1,777 рублей $71\frac{3}{4}$ копеекъ серебромъ).

Къ 1-му январю 1840 года состояло принадлежащихъ университету растений:

а) Въ *Кременцѣ* 5,629 видовъ растений въ 9,682 экземплярахъ и 5,067 сортовъ сѣмянъ *).

б) Въ *Кіевѣ* во временномъ саду, разведенномъ съ 24-го мая 1839 года профессоромъ Траутфеттеромъ живыхъ растений 1,037 видовъ и 431 сортъ сѣмянъ **). Этотъ времен-

*) Тепличныхъ 381 видъ, въ 1413 экз., 32 сорт. сѣмянъ.

Капскихъ 223 вида, 1294 экз., 17 сорт. сѣмянъ.

Умѣреннаго климата 582 вида, 2172 экз., 330 сорт. сѣмянъ.

Деревья и кустарники 635 видовъ, 995 экз., 223 сорт. сѣмянъ.

Грунтовыхъ 3808 видовъ, 4145 сорт. сѣмянъ.

**) Оранжерейныхъ 72 вида, 379 экз., 20 сорт. сѣмянъ.

Деревья и кустарники 108 видовъ, 964 экз., 38 сорт. сѣмянъ.

Грунтовыхъ 857 видовъ, 373 сорт. сѣмянъ.

ной садъ съ 1834 года составился изъ 327 экземпляровъ растений, подаренныхъ университету изъ бывшаго румянцовскаго сада въ Гомелѣ. Сперва они находились на сохраненіе въ кievскомъ дворцовомъ саду у садовника *Несхера*, а съ 1839 года кievскій временной садъ поступилъ подъ надзоръ садовника *Гохута*, бывшаго помощникомъ у Готмана въ Кременцѣ.

7) *Зоологическій кабинетъ*, подобно прочимъ коллекціямъ, въ основаніи своемъ имѣлъ кременецкую, которая составила главнымъ образомъ изъ пожертвованій и, во время закрытія лица, находилась въ запущенномъ состояніи, исключая богатаго энтомологическаго собранія, бывшаго предметомъ особенной заботливости профессора Бессера. Отъ перевозки въ Кіевъ и отъ неудобства помѣщенія коллекція еще болѣе пострадала.

При поступленіи въ вѣдомство университета, зоологическій кабинетъ, расположенный по системамъ Кювье и Бленвиля, заключалъ въ себѣ собраніе животныхъ, состоявшее изъ 2,347 видовъ въ 7,757 экземплярахъ *) и собраніе энтомологическое, состоявшее изъ 11,396 видовъ и 22,730 экземпляровъ. Въ зоологической коллекціи особенно плохими оказывались экземпляры изъ млекопитающихъ и птицъ, которыя частію состояли изъ костей, частію же худо были приготовлены и изъѣдены молью; самыми лучшими частями были раковины и насѣкомья. Негодныхъ экземпляровъ уже въ 1834 году въ собраніи животныхъ оказывалось 1,962. Точной цѣны зоологическому кабинету, при поступленіи его въ собственность университета, не означено, но примѣрно оцѣненъ онъ до 30,000 рублей ассигнаціями, изъ коихъ до 20,000 приходилось на энтомологическую коллекцію.

---

*) Млекопитающихъ	44 вида	94 экземпляра.
Птиць	113 „	168 „
Гадовъ	38 „	69 „
Рыбъ	39 „	60 „
Моллюсковъ	1938 „	7095 „
Червей	26 „	57 „
Лучистыхъ	43 „	80 „
Зоофитовъ	106 „	134 „

Зоологическій кабинетъ съ 1834 по 1840 годъ умножался: 1) покупками на счетъ штатной суммы (1000 рублей ассигнаціями въ годъ) экземпляровъ у иностранцовъ Зама, Эклона (въ Гамбургѣ) и Перрейса (въ Вѣнѣ); 2) доставленіемъ, по распоряженію начальства, экземпляровъ изъ коллекцій лудской гимназіи, уманскаго и менджирецкаго уѣздныхъ училищъ, изъ кіевской и житомирской врачебныхъ управъ; 3) пожертвованіями частныхъ лицъ, изъ коихъ особенно замѣчательны вклады Добѣшнаго, Рыльке, Лохвицкаго, князя Яблоновскаго, Рославца и императорской академіи наукъ; 4) стараніями завѣдывающаго кабинетомъ адъюнкта Анджеіовскаго, собиравшаго экземпляры мѣстныхъ птицъ и наконецъ 5) отъ щедротъ государя императора, который въ 1838 году, во время пребыванія въ Варшавѣ, высочайше повелѣтъ соизволилъ отправить въ Кіевъ одного изъ слоновъ тамошняго зоологическаго кабинета.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ приобрѣтеній, уравновѣшиваемыхъ отчасти убылью негодныхъ экземпляровъ, зоологическій кабинетъ университета къ 1-му январю 1840 года заключалъ въ себѣ всего 15,373 вида, цѣною на 11,678 рублей 14³/₄ копеекъ серебромъ, или 40,873 рублей 50 копеекъ ассигнаціями. — Изъ этого числа на собраніе чисто-зоологическое приходилось 3,075 видовъ, а на собраніе энтомологическое 12,298 видовъ. Самыми лучшими частями кабинета почитались по прежнему раковины и насѣкомья.

Кабинетомъ завѣдывалъ до закрытія университета адъюнктъ Анджеіовскій (зоологическою коллекціею) и профессоръ Бессеръ (энтомологическою коллекціею), а съ новаго открытія адъюнктъ Миддендорфъ.

8) *Геодезическій кабинетъ* первоначально сложился въ 1834 году изъ 82 предметовъ работы мюнхенскаго художника Рейхенбаха, принадлежавшихъ виленскому университету и оцѣненныхъ въ 1,635 рублей 70 копеекъ серебромъ и изъ 10-ти, большею частію испорченныхъ, инструментовъ, перевезенныхъ изъ уманскаго училища. За исключеніемъ, изъ этого числа предметовъ негодныхъ и за перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ механической и архитектурной кабинеты, — геодезическое собраніе къ 1-му январю 1840 года

состояло изъ 29 инструментовъ, цѣною въ 114 рублей 85⁵/₉ копеекъ серебромъ.

9) *Кабинетъ моделей и машинъ.*

Собрание моделей и машинъ, по доставленіи ихъ изъ механической школы, бывшей при волынскомъ лицей (въ числѣ 334 предметовъ и 1,665 чертежей на 1,700 рублей серебромъ), а частью изъ бывшаго виленскаго университета, хранилось при университетѣ сначала въ ящикахъ неразобраннѣмъ, по случаю нерѣшенія вопроса о томъ: къ университету или къ кievской гимназій должна быть причислена механическая школа. Въ 1837 году началась разсортровка этого собранія: часть инструментовъ, моделей и чертежей отошла къ архитектурному кабинету, а часть къ школѣ землемѣровъ при кievской первой гимназій и затѣмъ къ 1-му января 1840 года въ университетской механической коллекціи осталось: а) моделей механическихъ, машинъ и инструментовъ 310; б) орудій и машинъ агрономическихъ пятьдесятъ одна. Всего 361; примѣрно на сумму 1500 р. серебромъ.

10) *Архитектурный кабинетъ*

сложился 1) изъ доставленныхъ изъ виленскаго университета 338 архитектурныхъ моделей, 2) изъ отдѣленныхъ отъ собранія механическаго 1665 чертежей, 3) изъ 10-ти инструментовъ, выписанныхъ университетомъ изъ Лейпцига, на 120 рублей серебромъ. Онъ получилъ отдѣльное существованіе только съ 1837 года, а до-тѣхъ-поръ предметы его хранились неразобранными вмѣстѣ съ механическою и геодезическою коллекціями. Къ 1-му января 1840 года въ архитектурномъ кабинетѣ находилось: 1) моделей архитектурныхъ 338, 2) инструментовъ тринадцать, 3) чертежей 4,957 листовъ. Всего на сумму 1062 рублей 71²/₇ копеекъ серебромъ.

Всѣ три послѣдніе кабинета съ 1834 по 1840 годъ находились въ завѣдываніи ординарнаго профессора архитектуры Мѣховича.

11) *Астрономическій кабинетъ*

учрежденъ съ прибытіемъ въ Кіевъ профессора Оедорова въ 1838 году, и составилъ частью посредствомъ передачи въ него нѣкоторыхъ снарядовъ изъ физическаго и архитектурнаго кабинетовъ, частью посредствомъ уступки универ-

ситету, по распоряженію министерства, астрономическихъ снарядовъ, находившихся у Оедорова во время его путешествія по Сибири. Къ концу 1839 года въ кабинетѣ состояло на лицо: 48 снарядовъ и инструментовъ годныхъ и негодныхъ для употребленія. Цѣнность кабинета простиралась до 5,500 рублей серебромъ.

12) *Кабинетъ художественныхъ произведеній.* Основаніе живописному отдѣлу было положено Чацкимъ частію изъ пожертвованій, частію изъ покупокъ. Самъ Чацкій отзывается объ немъ въ 1811 году такъ: «*namu obrazu, które znalazlyby miesce celnieysze we wszystkich galleryach, namu rysunki wielu pierwszych mistrzów*» *). Въ 1835 году къ собранію этому, заключавшему въ себѣ тогда 450 предметовъ, присоединены были: 1) художественная коллекція бывшаго виленскаго университета, состоявшая изъ коллекцій живописной (пятьдесятъ предметовъ), скульптурной (сорокъ предметовъ) и гравюрной (1,777 предметовъ); 2) рисовальная коллекція бывшаго уманскаго училища, изъ 209 рисунковъ.

Такимъ образомъ художественная коллекція университета св. Владимира, при самомъ началѣ его, состояла изъ 2,527 предметовъ. Изъ новыхъ пріобрѣтеній до 1840 года поступило только 108 литографій, купленныхъ у императорской академіи художествъ, портретъ Императора Николая I-го работы Крюгера (всего на 4,110 рублей ассигнаціями, или 1,171 рублей серебромъ), да нѣсколько незначительныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ къ 1-му январю 1840 года кабинетъ находился въ слѣдующемъ состояніи:

а) Въ живописномъ отдѣленіи:

Картинъ, писанныхъ масляными красками.	62
Миниатюрныхъ копій головъ	12
Рисунковъ.	631
Литографій	151

Всего. . . 856 предметовъ.

При такомъ маломъ количествѣ предметовъ многіе изъ нихъ находились въ довольно запущенномъ состояніи. Но между ними находилось дѣйствительно нѣсколько цѣнныхъ

*) Tłumaczenie, 1810 roku podane.

предметовъ, таковы: оригинальные ландшафты *Фанъ-дербъ-Вейна*, портретъ императора Александра I, работы *Доу*, портретъ императора Николая I-го работы *Криера*, портретъ графа Валицкаго работы *Лампи*. Между рисунками были оригинальные эскизы извѣстныхъ мастеровъ.

b) Въ *скульпторномъ* отдѣленіи:

Гипсовыхъ	23
Разныхъ изображеній на камняхъ	408
Принадлежностей скульптурныхъ	17

Всего. . . 448 предметовъ.

Бюсты и статуи находились въ довольно плохомъ состояніи: однѣ были замараны, другія побѣлены, нѣкоторыя довольно неуклюжо склеены.

c) Въ *гравюрномъ* отдѣленіи:

Гравюръ	1,088
Гипсовыхъ слѣпковъ	339
Инструментовъ и приборовъ	350

Всего. . . 1,777.

Въ числѣ гравюръ есть копія съ Рафаэля, Тиціана, Лебрена, Рубенса и другихъ замѣчательныхъ мастеровъ.

Вся художественная коллекція цѣнилась примѣрно въ 3,000 рублей серебромъ. Завѣдывалъ ею до 1839 года учитель рисованья Клембовскій.

13) *Минцъ-кабинетъ* университета св. Владиміра былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ его коллекцій. Основаніемъ его служило знаменитое въ свое время въ Европѣ собраніе нумизмъ и медалей Станислава-Августа, приведенное въ систему и описанное не менѣе знаменитымъ нумизматомъ Альбертранди. Впослѣдствіи оно было умножено замѣчательною коллекціею медалей королей польскихъ, которую подарилъ кременецкой гимназій, при жизни еще Чацкаго, неизвѣстный галиційскій помѣщикъ. Въ 1828 году кременецкій минцъ-кабинетъ былъ перевезенъ, по распоряженію начальства, въ Вильно, гдѣ его вновь разобралъ вмѣстѣ съ небольшою виленскою коллекціею А. Богаткевичъ и дополнилъ каталоги Альбертранди. Въ такомъ видѣ онъ поступилъ въ университетъ св. Владиміра въ 1834 году, приня-

тый въ Вильно на мѣстѣ профессоромъ Якубовичемъ. Съ этого времени, уже въ первые годы существованія университета, присоединены были къ кременецкой коллекціи еще нѣсколько другихъ и такимъ образомъ университетскій милицейскій кабинетъ составился изъ слѣдующихъ пяти частныхъ коллекцій:

а) *Кременецкой милицейской*, заключавшей въ себѣ 17,928 экземпляровъ, а именно:

1) Древнихъ монетъ: золотыхъ 175, серебряныхъ 3,125, мѣдныхъ 5,339, свинцовыхъ 13, — всего 8,652.

2) Средневѣковыхъ (bracteata) — серебряныхъ 1,445.

3) Новѣйшихъ: золотыхъ 161, серебряныхъ 5,284, мѣдныхъ 2,050, свинцовыхъ 289, желѣзныхъ 18, неопредѣленныхъ мелкихъ чугунныхъ 49; — всего 7,831.

4) Сверхъ того къ этой коллекціи принадлежало 577 горныхъ оттисковъ, томпаковый перстень и какое-то древнее небольшое орудіе *).

б) *Уманской-базиліанской* изъ 1535 нумеровъ, изъ коихъ почти $\frac{1}{3}$ были дуплеты, а именно:

1) Древнихъ: серебряныхъ 104, мѣдныхъ 310; — всего 414.

2) Новѣйшихъ: золотыхъ два, серебряныхъ 178, мѣдныхъ 925, свинцовыхъ шестнадцать — всего 1,121.

с) *Луцкой-училищной* изъ 282 нумеровъ, въ томъ числѣ:

1) Древнихъ серебряныхъ девять и

2) Новѣйшихъ серебряныхъ 145, мѣдныхъ 124, свинцовыхъ четыре.

д) *Почаевской-училищной*, заключавшей въ себѣ девяносто серебряныхъ, семьдесятъ одну мѣдную, одну чугунную и одну свинцовую, а всего сто семьдесятъ три монеты и медали новѣйшаго времени.

е) *Геофитольской-училищной*, заключавшей 639 нумеровъ.

ф) Составленной изъ частныхъ пожертвованій съ 1834 по 1840 годъ всего шестьсотъ два нумера, а именно: 1)

---

*) Изъ всей этой коллекціи, въ 1838 году, отправлено въ харьковскій университетъ 400 разныхъ дублетовъ и по отчисленіи изъ милицейскаго кабинета, размѣщены по другимъ университетскимъ коллекціямъ 426 горныхъ оттисковъ и разнаго рода древностей.

древнихъ : мѣдныхъ семьдесятъ семь, средневѣковыхъ : серебряныхъ шесть, новѣйшихъ : золотыхъ четыре, серебряныхъ сто восемьдесятъ пять, мѣдныхъ триста двадцать одинъ, свинцовыхъ и чугунныхъ три, русскихъ кожаныхъ четыре, ассигнацій двѣ.

Покупкою университетъ приобрѣлъ, втеченіе этого періода, двѣ золотыя и двадцать древнихъ русскихъ серебряныхъ монетъ,

Вообще въ концѣ 1839 года въ мицъ-кабинетѣ, за разсылкою разныхъ дактилютическихъ и художественныхъ предметовъ въ другіе кабинеты университета, — заключалось 23,648 монетъ и медалей.

Мицъ-кабинетомъ завѣдывали, до 1837 года, профессоръ Якубовичъ, а съ этого времени бібліотекаръ Ярковоіи и его помощникъ, коллежскій регистраторъ Багриновскій.

14) *Музей древностей*. Въ концѣ 1835 года, при университетѣ св. Владиміра учрежденъ музей для храненія древностей, отчасти пожертвованныхъ университету разными лицами, а отчасти найденныхъ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ и представленныхъ въ университетъ. Основное количество нумеровъ этой коллекціи было сто. Втеченіе 1837 поступило въ него еще восемнадцать предметовъ, найденныхъ въ Кіевѣ и внѣ его и восемь открытыхъ въ пантикапейскихъ курганахъ. Въ 1838 году поступилъ сорокъ одинъ нумеръ, считая въ томъ числѣ и древности, найденныя членомъ комитета древностей, адъюнктомъ Ставровскимъ, въ развалинахъ новооткрытаго, на старомъ Кіевѣ, стараго Оедоровскаго монастыря. Въ 1839 году музей увеличился пятидесятью нумерами разнаго рода рѣдкостей и антиковъ, пожертвованныхъ ординарнымъ профессоромъ Зѣновичемъ. Къ 1-му январю 1840 года музей заключалъ въ себѣ сто семьдесятъ четыре предмета разнаго достоинства.

Музеумъ завѣдывалъ сначала мѣстный любитель — археологъ, членъ комитета древностей, пятаго класса Лохвицкій, а съ 1838 года адъюнктъ Ставровскій.

Примѣчаніе. При минералогическомъ кабинетѣ хранилось небольшое собраніе хирургическихъ инструментовъ (числомъ 291).

ГЛАВА V.

Внѣшняя исторія.

Университетъ св. Владиміра, въ первый періодъ своей жизни, дважды представлялся государю императору Николаю Павловичу.

11-го октября 1835 года, собраны были въ пріемной залѣ государя императора все профессоры, чиновники и студенты университета и, послѣ принятія его величествомъ англійскаго посла лорда Дургамы, имѣли счастье представиться государю. Его величество, привѣтствуя благосклонно господъ профессоровъ, спросилъ попечителя о воспитанникахъ втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи, занимавшихъ мѣста профессоровъ на юридическомъ факультетѣ и при этомъ сказалъ: «надѣюсь, что они оправдаютъ попеченія о нихъ правительства». Обратясь потомъ къ студентамъ и, получивъ отъ попечителя отзывъ, что онъ вполне ими доволенъ, императоръ изъявилъ имъ свое благоволеніе и сказалъ нѣсколько словъ объ ихъ обязанностяхъ.

Въ другой разъ университетъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ державнаго основателя своего 16-го августа 1837 года. Государь императоръ и въ этотъ разъ удостоилъ профессоровъ и студентовъ своими царственными наставленіями.

Вслѣдъ за императоромъ и государь наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ, 7-го сентября того же года поспѣшилъ осчастливить университетъ своимъ посѣщеніемъ и ознаменовалъ его внесеніемъ царскаго имени своего въ книгу посѣтителей университета. Двое изъ членовъ университетскаго сословія, господа ординарные профессеры Максимовичъ и Новицкій, имѣли счастье поднести чрезъ господина министра народнаго просвѣщенія его императорскому высочеству свои сочиненія и удостоились получить брилліантовые перстни.

Въ этомъ же году обозрѣвали университетъ и его коллекціи, въ проѣздъ свой чрезъ Кіевъ, принцы прусскіе Августъ и Адальбертъ и герцогъ саксенъ-веймарскій Бернгардъ съ сыномъ.

Вообще 1837 годъ былъ ознаменованъ въ исторіи университета многими замѣчательными посѣщеніями.

24-го сентября прибылъ въ Кіевъ главный начальникъ университета господинъ министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ. На другой день господинъ министръ, при первомъ представленіи ему университетскаго сословія, изъявилъ студентамъ желаніе государя касательно этого края и его надежды на университетъ св. Владимира. Указавъ имъ на то благо, которое даровано здѣшной странѣ учрежденіемъ университета, министръ раскрылъ настоящія намѣренія правительства касательно ихъ образованія и прямыя обязанности, которыя оно, по всей справедливости, требуетъ отъ университетскихъ воспитанниковъ, *употребляя для образованія ихъ столь великія средства, столь безпримѣрное попеченіе и дѣйствуя на правильныхъ и незыблительныхъ основаніяхъ*. Въ слѣдующіе дни своего пребыванія въ Кіевѣ господинъ министръ, входя во все подробности состоянія университета, особенно обратилъ вниманіе на чтеніе лекцій университетскими преподавателями, которые, получивъ отъ него подробное и сообразное съ волею государя наставленіе въ правилахъ, какими они должны руководствоваться при нравственномъ и умственномъ образованіи молодыхъ людей, сверхъ того были приглашаемы на домъ къ господину министру, каждый особо, для частныхъ объясненій по тому предмету. 27-го сентября представляемы были С. С. Уварову отличнѣйшіе студенты, поступившіе изъ разныхъ заведеній кіевского учебнаго округа. 1-го октября министръ обозрѣвалъ университетъ вмѣстѣ съ австрійскимъ посломъ, графомъ Фикельмономъ, 2-го присутствовалъ при торжественномъ собраніи университета по случаю раздачи медалей студентамъ. 7-го числа онъ представлялъ наслѣднику цесаревичу университетъ и распростяся на слѣдующій день съ ученымъ сословіемъ университета, выѣхавъ 9-го октября изъ Кіева. Вотъ въ какихъ словахъ записалъ университетъ св. Владимира въ свои акты свѣдѣнія объ этомъ посѣщеніи его С. С. Уваровымъ: «Его пятнадцати дневное пребываніе въ Кіевѣ будетъ незабвенно для университета, который и бытіе свое воспріялъ подъ его управленіемъ, а нынѣ, при его

личною посѣщеніи, могъ вполне показать ему внутреннее состояніе свое съ своими первыми успѣхами, съ настоящими и будущими потребностями своими и съ тѣми трудностями, съ коими сопряжено еще для него достиженіе великой и благой цѣли, указанной правительствомъ. Университетское начальство получило новыя министерскія предписанія для дальнѣйшаго дѣйствованія, а все сословіе университетское обрѣло ясное, твердое направленіе къ продолженію трудовъ на пути къ своему назначенію» *).

Наконецъ, въ томъ же 1837 году, университетское сословіе видѣло среди себя двухъ почетныхъ своихъ членовъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго, изъ которыхъ послѣдній сопровождалъ г. министра на нѣкоторыхъ университетскихъ лекціяхъ (Максимовича и Неволлина).

Университетъ св. Владиміра, кромѣ обычныхъ торжественныхъ собраній, ежегодно происходившихъ 15-го іюля, въ день его открытія, имѣлъ въ 1836, 1837 и 1838 годахъ еще особыя торжественныя собранія по случаю раздачи студентамъ медалей. Первые состояли въ чтеніи академическихъ рѣчей и краткихъ годичныхъ отчетовъ о состояніи университета и въ пѣніи обычныхъ при такихъ случаяхъ пѣсней «Днесь благодать св. Духа насъ собра» и «Боже Царя храни». На собраніяхъ втораго рода читались также академическія рѣчи, а вмѣсто записокъ о состояніи университета — опредѣленія совѣта о присужденіи студентамъ медалей за написанныя ими сочиненія **), и сверхъ того разыгрываемы были студентами музыкальныя піесы.

*) Отчетъ за 1837 годъ.

***) Въ 1835 году читалъ рѣчь профессоръ Неволлинъ: «О соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ.»

Въ 1836 году, 15 іюля, профессоръ Орнатскій: «Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи,» а 3-го октября адъюнктъ Голубковъ: «О необходимости и важности учрежденія ученыхъ преній.»

Въ 1837 году, 15 іюля, профессоръ Новицкій: «Объ унрекахъ, дѣлае-

Сверхъ этихъ торжественныхъ собраній, университетъ св. Владиміра, въ 1838 году, имѣлъ нѣсколько публичныхъ собраній, въ которыхъ защищали свои диссертациі для полученія ученыхъ степеней магистра и доктора слѣдующія лица:

а) По 1-му отдѣленію философскаго факультета: 1) адъюнктъ ришельевского лицея *Беккеръ* для полученія степени магистра римской словесности, 2) адъюнкты университета св. Владиміра: *Красовъ* и *Долбровский* для полученія степеней доктора, первый словесныхъ, второй историческихъ наукъ.

б) По 2-му отдѣленію философскаго факультета: 1) профессоръ ришельевского лицея *Гасгагенъ*, на степень магистра химіи и минералогіи, 2) старшій учитель 2-й кievской гимназіи *Ярославъ Линовскій*, на степень магистра ботаники и зоологіи, 3) адъюнктъ ришельевского лицея *Левтеропуло*, на степень магистра математическихъ наукъ, и профессора университета св. Владиміра: 4) *Гречина* и 5) *Федоровъ*, на степень доктора математическихъ наукъ, 6) *Траутфеттеръ* и 7) адъюнктъ Андрижеіовскій, на степень доктора естественныхъ наукъ.

Въ 1839 году было только одно публичное собраніе по случаю защищенія *В. Линовскимъ* диссертациі, на степень магистра государственнаго законовѣдѣнія.

Публичные диспуты того времени имѣли характеръ нѣсколько отличный отъ позднѣйшихъ. Обстановка собраній имѣла особенно торжественный видъ: на нихъ присутствовало много постороннихъ лицъ, мужчинъ и дамъ, вслѣдствіе новости въ Кіевѣ самого явленія. Преосвященный Иннокентій былъ постояннымъ посѣтителемъ диспутовъ. Кромѣ

мыхъ философій, ихъ силѣ и важности,» а 2-го октября профессоръ Максимовичъ: «О значеніи Кіева въ общей жизни Россіи.»

Въ 1838 году, 15 іюля, профессоръ Федоровъ: «О мнимои противорѣчій между истинами изъ познанія неба видимаго и истинами неба невидимаго,» а 20-го октября адъюнктъ Красовъ: «О современномъ направленіи просвѣщенія.»

Въ 1839 году, 15 іюля, профессоръ Нейкирхъ: «О важности изученія древней греческой словесности.»

официальных оппонентовъ, участіе въ диспутахъ принимали и другія лица, изъ университетскаго сословія и изъ постороннихъ. Какъ оппоненты, славились въ свое время профессоры: Новицкій, Неволинъ, и Максимовичъ. Возраженія перваго отличались самымъ подробнымъ анализомъ тезисовъ и были болѣе формальныя; возраженія втораго извѣстны строгою послѣдовательностію, неотразимою силою логики и касались болѣе содержанія тезисовъ; наконецъ возраженія Максимовича носили характеръ особеннаго одушевленія. Не рѣдко споръ между дефендентами и оппонентами переходилъ въ самое горячее преніе между самыми оппонентами. Не всѣ диспуты оканчивались благополучно для искателей ученыхъ степеней: Домбровскій, Красовъ и Анджеіовскій сошли со сцены побѣжденными. Студенты, какъ зрители, слѣдили съ живѣйшимъ вниманіемъ за диспутами и выносили изъ нихъ богатый матеріалъ для разговоровъ на нѣсколько недѣль.

Кромѣ обычныхъ ежегодныхъ празднествъ, университетъ св. Владімира, 31-го іюля 1837 года, праздновалъ заложеніе новыхъ университетскихъ зданій въ присутствіи почетнѣйшаго духовенства, воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Кіева и знатнѣйшихъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомства. На приготовленной по этому случаю медали изображенъ на одной сторонѣ бюстъ императора Николая I, основателя и покровителя университета, а на другой въ лучахъ крестъ, съ надписью вокругъ: «во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ».

311984

